

ISSN (Print) 2616-6844
ISSN (Online) 2663-1318

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің

ХАБАРШЫСЫ

ВЕСТНИК

BULLETIN

Евразийского национального
университета имени Л.Н. Гумилева

of L.N. Gumilyov
Eurasian National University

ҚҰҚЫҚ сериясы
LAW Series
Серия **ПРАВО**

№ 1(142)/2023

1995 жылдан бастап шығады

Founded in 1995

Издается с 1995 года

Жылына 4 рет шығады

Published 4 times a year

Выходит 4 раза в год

Астана, 2023

Astana, 2023

Төраға

Сматлаев Б.М. - з.ғ.д., Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Редакциялық кеңес құрамы

Баймаханов М.Т. (ҰҒА Академигі, Алматы, Қазақстан), Букалєрова Л. А. (з.ғ.д., РУДН, Мәскеу, Ресей), Бұсұрманов Ж. Д. (з.ғ.д., Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы, Астана, Қазақстан), Винниченко О.Ю. (з.ғ.д., ТюмГУ, Тюмень, Ресей), Глушаченко С.Б. (з.ғ.д., Ресей Федерациясы Президенті жанындағы Ресей халық шаруашылығы және мемлекеттік басқару академиясы Солтүстік-Батыс басқару институты, А.И. Герцен атындағы РМПУ, Мурманск Арктика мемлекеттік университеті, Ресей), Головина С.Ю. (з.ғ.д., УрГЮА, Екатеринбург, Ресей), Жұмағұлов Б.Т. (з.ғ.к., Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің Мүшесі, Астана, Қазақстан), Давулис Т. (з.ғ.д., Vilnius University, Вильнюс, Литва), Исполинов А.С. (з.ғ.д., М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу мемлекеттік университеті, Мәскеу, Ресей), Қаудыров Т.Е. (з.ғ.д., М.С.Нәрікбаев атындағы ҚазГЗУ, Астана, Қазақстан), Коняхин В. П. (з.ғ.д., И.Т. Трубилин атындағы Кубан мемлекеттік аграрлық университеті, Краснодар, Ресей), Коробеев А.И. (з.ғ.д., Қиыр Шығыс федералдық университетінің Заң мектебі, Владивосток, Ресей), Сабікєнов С.Н. (ҰҒА Академигі, Алматы, Қазақстан), Раимбаев С.И. (з.ғ.к., Қазақстан Республикасы Жоғары сотының жанындағы Ғылыми-консультативтік кеңестің мүшесі), Рогов И.И. (Қазақстан Республикасы Бірінші Президент Қорының Атқару директорының орынбасары, Астана, Қазақстан), Тлепина Ш.В. (з.ғ.д., Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан), Томашевский К.Л. (з.ғ.д., Халықаралық университеті "МИТСО", Минск, Беларусь), Трунк А. (құқық докторы, Киль университетінің Шығыс Еуропалық құқық институты, Киль, Германия), Турлуковский Я. (з.ғ.д., Варшава университеті, Варшава, Польша), Цоль Ф. (құқық докторы, Оснабрюк университеті, Германия).

Бас редактор

Нұрмағамбетов А.М. - з.ғ.д., Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Бас редактордың орынбасары

Дәурембеков Е.К. - PhD, Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Жауапты редактор

Сембекова Б.Р. - з.ғ.к., Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Редакция алқасы

Әбжанов Д. К. (з.ғ.к., АҚ «Қазақстан Халық Банкісі», Алматы, Қазақстан), Абайдельдинов Т.М. (з.ғ.к., әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан), Амандықова С.К. (з.ғ.д., Астана халықаралық университеті, Астана, Қазақстан), Ахпанов А.Н. (з.ғ.д., Л. Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан), Балғынтаев А. О. (PhD, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан), Балтабаев К.Ж. (з.ғ.д., Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан), Бейбітов М.С. (з.ғ.д., Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан), Ғалиақбарова Ғ.Ғ. (PhD, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан), Жаркєнова С.Б. (з.ғ.к., Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан), Жұмағұлов М.И. (з.ғ.д., Қазақстан Республикасы Президентінің қасындағы стратегия зерттеу Институт директорының орынбасары), Исақова Ж.Т. (PhD, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан), Ким К.В. (з.ғ.к., М.С.Нәрікбаев атындағы ҚазГЗУ, Астана, Қазақстан), Құсаинова А.К. (з.ғ.к., Астана халықаралық университеті, Астана, Қазақстан), Мәуленов К.С. (з.ғ.д., Халықаралық ақпараттық технологиялар университеті, Алматы, Қазақстан), Мұқашева А. А. (з.ғ.д., Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан), Нұрғалиева Е. Н. (з.ғ.д., Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан), Сәрсембаев М. А. (з.ғ.д., Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан), Сабиров К.К. (PhD, Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты, Астана, Қазақстан), Саулен Н. (PhD, Парламентаризм институты, Астана, Қазақстан), Чех Е. (Dr.habil., Белосток университеті, Белосток, Польша)

Редакцияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қ.Сәтбаев к-сі, 2, 402 б.

Тел.: +7(7172) 709-500 (ішкі 31-410)

E-mail: vest_law@enu.kz

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Хабаршысы. Құқық сериясы

Меншіктенуші: «Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті» Коммерциялық емес акционерлік қоғам

Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрлігімен тіркелген.

19.02.2021 ж. № KZ10VPY00032635 қайта есепке қою туралы куәлігі.

Мерзімділігі: жылына 4 рет.

Типографияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қажымұқан к-сі,13/1,

тел.: +7(7172)709-500 (ішкі 31-410)

Chairman

Smatlaev B.M. - Doctor of Juridical Sciences, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan

Composition of the Editorial Board

Baimakhanov M.T-M. (Academician of the NAS of the RK, Almaty, Kazakhstan), Bukalerova L.A. (Doctor of Juridical Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia), Busurmanov J.D. (Doctor of Juridical Sciences, Academy of Justice of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan), Vinnichenko O.Y. (Doctor of Juridical Sciences, Tyumen State University, Tyumen, Russia), Glushachenko S.B. (Doctor of Juridical Sciences, North-West Institute of Management RANHIGS, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, Murmansk Arctic State University, Russia), Golovin S.Yu. (Doctor of Juridical Sciences, USLA, Yekaterinburg, Russia), Zhumagulov B.T. (Candidate of Juridical Sciences, Member of the Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan), Davulis T. (Doctor of Juridical Sciences, Vilnius University, Vilnius, Lithuania), Ispolinov A.S. (Doctor of Juridical Sciences, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), Kaudyrov I.E. (Doctor of Juridical Sciences, M.S. Narikbaev KAZGUU University, Astana, Kazakhstan), Konyakhin V.P. (Doctor of Juridical Sciences, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia), Korobeev A.I. (Doctor of Juridical Sciences, Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia), Sabikenov S.N. (Academician of the NAS of the RK, Almaty, Kazakhstan), Raimbayev S.I. (Candidate of Juridical Sciences, Scientific Advisory Council to the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan), Rogov I.I. (Deputy Executive Director of the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan), Tlepina S.V. (Doctor of Juridical Sciences, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan), Tomashevsky K.L. (Doctor of Juridical Sciences, MITSO International University, Minsk, Belarus), Trunk A. (Doctor of Law, Institute of the right of countries of Eastern Europe of the Kiel university, Kiel, Germany), Turlukovsky Y. (Doctor of Juridical Sciences, Warsaw university, Warsaw, Poland), Tsol F. (Doctor of Law, Universität Osnabrück, Germany).

Chief Editor

Nurmagambetov A.M. Doctor of Juridical Sciences, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan

Deputy Chief Editor

Daurembekov E.K. - PhD, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan

Executive editor

Sembekova B.R. Candidate of Juridical Sciences, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan

Editorial Board

Abzhanov D.K. (Candidate of Juridical Sciences, Halyk Bank of Kazakhstan JSC, Astana, Kazakhstan), Abaideldinov T.M. (Candidate of Juridical Sciences, al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan), Amandykova S.K. (Doctor of Juridical Sciences, Astana International University, Astana, Kazakhstan), Akhpanov A.N. (Doctor of Juridical Sciences, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan), Balgyntaev A.O. (Candidate of Juridical Sciences, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan), Baltabaev K. Zh. (Doctor of Juridical Sciences, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan), Beybitov M.S. (Doctor of Juridical Sciences, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan), Galiakbarova G.G. (PhD, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan), Zharkenova S.B. (Candidate of Juridical Sciences, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan), Zhumagulov M.I. (Doctor of Juridical Sciences, Deputy Director of the Institute of Strategic Studies under the President of Kazakhstan), Iskakova Zh.T. (PhD, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan), Kim K.V. (Candidate of Juridical Sciences, M.S. Narikbaev KAZGUU University, Astana, Kazakhstan), Kusainova A.K. (Candidate of Juridical Sciences, Astana International University, Astana, Kazakhstan), Maulenov K.S. (Doctor of Juridical Sciences, International University of Information Technology, Almaty, Kazakhstan), Mukasheva A.A. (Doctor of Juridical Sciences, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan), Nurgaliyeva E.N. (Doctor of Juridical Sciences, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan), Sarsembayev M.A. (Doctor of Juridical Sciences, L.N. Gumilev ENU, Astana, Kazakhstan), Sabirov K.K. (PhD, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan), Saulen N. (PhD, Institute of Parliamentarism, Astana, Kazakhstan), Czech E. (Dr.habil., Białystok University, Białystok, Poland).

Address of the editorial office: 010008, Kazakhstan, Astana, K. Satpayev St., 2, 402 off.

Tel.: +7(7172) 709-500 (in. 31-410)

E-mail: vest_law@enu.kz

Bulletin of the L.N. Gumilev Eurasian National University. Law Series

Owner: Non-profit joint-stock company " L.N. Gumilev Eurasian National University"

Registered by the Ministry of Information and Public Development of the Republic of Kazakhstan.

Certificate of placement for re-registration № KZ10VPY00032635 dated 19.02.2021

Frequency: 4 times a year.

Printing House Address: 010008, Kazakhstan, Astana, Kazhymukana str., 13/1, tel.: +7 (7172) 709-500 (in.31-410)

Председатель

Сматлаев Б.М. - д.ю.н., ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан

Состав Редакционного совета

Баймаханов М.Т.-М. (Академик НАН РК Алматы, Казахстан), Букалерева Л.А. (д.ю.н., Московский Университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия), Бусурманов Ж.Д. (д.ю.н., Академия правосудия РК, Нур-Султан, Казахстан), Винниченко О.Ю. (д.ю.н., ТюмГУ, Тюмень, Россия), Глушаченко С.Б. (д.ю.н., Северо-Западный институт управления РАНХИГС, РГПУ им. А.И. Герцена, Мурманский арктический государственный университет, Россия), Головина С.Ю. (д.ю.н., УрГЮА, Екатеринбург, Россия), Жумагулов Б.Т. (к.ю.н., член Высшего Судебного Совета Республики Казахстан, Астана, Казахстан), Давулис Т. (д.ю.н., Vilnius University, Вильнус, Литва), Исполинов А.С. (д.ю.н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), Каудыров Т.Е. (д.ю.н., Университет КАЗГЮУ имени М.С.Нарикбаева, Астана, Казахстан), Коняхин В.П. (д.ю.н., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия), Коробеев А.И. (д.ю.н., Юридическая школа Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия), Сабикенов С.Н. (Академик НАН РК, Алматы, Казахстан), Раимбаев С.И. (к.ю.н., Научно-консультативный совет при Верховном Суде Республики Казахстан), Рогов И.И. (Заместитель Исполнительного директора Фонда Первого Президента Республики Казахстан, Астана, Казахстан), Тлепина Ш.В. (д.ю.н., ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан), Томашевский К.Л. (д.ю.н., Международный университет "МИТСО", Минск, Беларусь), Трунк А. (доктор права, Институт права стран Восточной Европы Кильского университета, Киль, Германия), Турлуковский Я. (д.ю.н., Варшавский университет, Варшава, Польша), Цоль Ф. (доктор права, Universität Osnabrück, Германия).

Главный редактор

Нурмагамбетов А.М. - д.ю.н., ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Зам. главного редактора

Даурембеков Е.К. - PhD, ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан

Ответственный редактор

Сембекова Б.Р. - к.ю.н., ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан

Редакционная коллегия

Абжанов Д.К. (к.ю.н., АО «Народный Банк Казахстана», Астана, Казахстан), Абайдельдинов Т.М. (к.ю.н., КазНУ имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан), Амандыкова С.К. (д.ю.н., Международный университет Астана, Астана, Казахстан), Ахпанов А.Н. (д.ю.н., ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан), Балгынтаев А.О. (PhD, ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан), Балтабаев К.Ж. (д.ю.н., ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан), Бейбитов М.С. (д.ю.н., ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан), Галиакбарова Г.Г. (PhD, ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан), Жаркенова С.Б. (к.ю.н., ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан), Жумагулов М.И. (д.ю.н., Заместитель директора Института стратегических исследований при Президенте РК), Исакова Ж.Т. (PhD, ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан), Ким К.В. (к.ю.н., Университет КАЗГЮУ имени М.С.Нарикбаева, Астана, Казахстан), Кусаинова А.К. (к.ю.н., Международный университет Астана, Астана, Казахстан), Мауленов К.С. (д.ю.н., Международный университет информационных технологии, Алматы, Казахстан), Мукашева А.А. (д.ю.н., ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан), Нурғалиева Е.Н. (д.ю.н., ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан), Сарсембаев М.А. (д.ю.н., ЕНУ им.Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан), Сабиров К.К. (PhD, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан, Астана, Казахстан), Саулен Н. (PhD, Институт парламентаризма, Астана, Казахстан), Чех Е. (Dr.habil., Университет Белосток, Белосток, Польша).

Адрес редакции: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. К.Сатпаева, 2, каб. 402

Тел.: +7(7172) 709-500 (вн. 31-410)

E-mail: vest_law@enu.kz

Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева. Серия: Право

Собственник: Некоммерческое акционерное общество «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева»

Зарегистрировано Министерством информации и общественного развития Республики Казахстан.

Свидетельство о постановке на переучет № KZ10VPY00032635 от 19.02.2021 г.

Периодичность: 4 раза в год.

Адрес типографии: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. Кажымукана, 13/1,

тел.: +7 (7172) 709-500 (вн.: 31-410)

МАЗМҰНЫ

Нурмағамбетов А.М. Қазақстандық азаматтық құқық ғылымының патриархы (профессор Басин Юрий Григорьевичтің 100 жылдығына арналған)	8
Конституциялық құқық. Әкімшілік құқық	
Абайділданов Е. Қазақстан Республикасының Конституциялық Соты: сабақтастық пен	11
Ақпанов А.Н., Нұрмағамбетов А.М. Қазақстан Республикасының Конституциялық Соты азаматтардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғау туралы: еңбек сіңірген жылдары үшін зейнетақымен қамсыздандыру	20
Мукашева А.А., Ыбырай Н.Ө. Туризмді құқықтық реттеу: тәжірибесі және перспективалар	35
Мұсабаев М.К., Сабитов К.А. Кәметке толмағандардың құқықтық мәртебесін регламенттеуді салыстырмалы-құқықтық талдау	49
Толеубекова Б.Х., Хведелидзе Т.Б., Калкаева Н.Б. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясатты құрудың қазақстандық әдіснамасындағы жаңа аспектілер	59
Қылмыстық құқық. Қылмыстық процесс. Криминалистика	
Бисалиев М.С., Шакиров К.Н. Цифрлық іздер Интернет желісіндегі дербес деректер айналымының қауіпсіздік факторы ретінде	81
Бижан Н.Р., Елікбай М.Ә. Жылжымайтын мүлік құқығын иеленуге қарсы қылмыстық құқық бұзушылықтардың алдын алу мәселелері	99
Садықов М.А., Сакупова М.О., Алтаев Е.А. Роликті қалам сиясымен, лазерлік принтер тонерімен және басып шығару әсерінің мөртабан бояуымен жасалған қиылысатын штрихтарды зерттеу	113
Сембекова Б.Р., Рактаева А.М. Рейдингке қарсы тұру үшін криминалистикалық қолдау	128
Сматлаев Б.М., Даурембеков Е.К. Қылмыстық процесте медиация институтын қолданудың кейбір сұрақтары	138
Азаматтық процесс. Еңбек құқығы	
Базарбаев А.А. Қазақстан Республикасындағы шетелдік инвестициялар: төрелік талқылаулар кезінде коллизияларды жою арқылы оларды қорғау қажеттілігі	150
Макрушин А.О. Еңбек нарығын цифрландыру: Еуразиялық экономикалық одақ елдерінің тәжірибесі	162
Межибовская И. Қазақстан Республикасының мемлекеттік қауіпсіздігі координаттар жүйесіндегі әлеуметтік-еңбек құқықтық қатынастары	176
Нурғалиева Е.Н. Фармацевтердің еңбегін құқықтық реттеудің кейбір мәселелері	192
Халықаралық құқық	
Dorul O., Lecari F. Есірткінің заңсыз айналымының алдын алу және оған қарсы күрес саласындағы халықаралық ынтымақтастықтың негізгі кезеңдері	202
Қаражан Б.С. Қазақстан үшін аса жылдам байланысты (5G) пайдалана отырып, ауыл шаруашылығы машина құрастыруды құқықтық реттеудің халықаралық-құқықтық және шетелдік озық тәжірибесі	211
Шумилов В.М., Мәуленов Қ.С., Мәуленова Б.Н. Жаһандық реттеу жүйесінің және қазіргі халықаралық экономикалық құқықтық тәртіптің қалыптасуы	225

CONTENTS

Nurmagambetov A.M. Patriarch of the Kazakh Science of Civil Law (to the 100 th anniversary of Professor Yuri Grigorievich Basin)	8
Constitutional law. Administrative law	
Abaideldinov Y. Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan: continuity and innovation	11
Akhpanov A.N., Nurmagambetov A.M. Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan on the protection of the rights and legitimate interests of citizens: pension provision for long service	20
Mukasheva A.A., Ybyray N.U. Legal regulation of tourism: experience and prospects	35
Musabaev M.K., Sabitov K.A. Comparative legal analysis of the regulation of the legal status of minors	49
Toleubekova B., Khvedelidze T., Kalkayeva N. New aspects in the approach to building anti-corruption policy in Kazakhstan	59
Criminal law. Criminal process. Criminalistics	
Bissaliyev M.S., Shakirov K.N. Digital footprints as a factor in the security of personal data trafficking on the Internet	81
Bizhan N.R., Yelikbay M.A. Problems of prevention of criminal offenses against the acquisition of rights to immovable property	99
Sadykov M.A., Sakupova M.O., Altaev E.A. The study of intersecting strokes made with the ink of roller pens, laser printer toner, and stamp ink of the print impression	113
Sembekova B.R., Raktaeva A.M. Forensic countermeasures against raiding	128
Smatlaev B.M., Daurembekov Ye.K. Some issues of the use of the institute of mediation in criminal proceedings	138
Civil process. Labor law	
Bazarbayev A.A. Foreign investments in the Republic of Kazakhstan: the need to protect them by eliminating conflicts in arbitration proceedings	150
Makrushin A.O. The digitalization of the labour market: the experience of the countries in the Eurasian Economic Union	162
Mezhibovskaya I. Social and labor legal relations in the coordinate system of the state security of the Republic of Kazakhstan	176
Nurgaliev Y.N. Some problems with legal regulation of the work of pharmaceutical workers	192
International law	
Dorul O., Lecari F. Milestones of international cooperation in preventing and countering illicit drug trafficking	202
Karazhan B.S. International legal and foreign advanced experience in the legal regulation of agricultural machinery using ultrafast mobile communications (5G) for Kazakhstan	211
Shumilov V.M., Maulenov K.S., Maulenova B.N. Formation of the Global Normative System and Modern Economic World Order	225

СОДЕРЖАНИЕ

Нурмагамбетов А.М. Патриарх казахстанской науки гражданского права (к 100-летию профессора Басина Юрия Григорьевича)	8
Конституционное право. Административное право	
Абайдельдинов Е. Конституционный Суд Республики Казахстан: преемственность и новаторство	11
Ахпанов А.Н., Нурмагамбетов А.М. Конституционный Суд Республики Казахстан о защите прав и законных интересов граждан: пенсионное обеспечение за выслугу лет	20
Мукашева А.А., Ыбырай Н.У. Правовое регулирование туризма: опыт и перспективы	35
Мусабаев М.К., Сабитов К.А. Сравнительно-правовой анализ регламентации правового статуса несовершеннолетних	49
Толеубекова Б.Х., Хведелидзе Т.Б., Калкаева Н.Б. Новые аспекты в казахстанском подходе к построению антикоррупционной политики	59
Уголовное право. Уголовный процесс. Криминалистика	
Бисалиев М.С., Шакиров К.Н. Цифровые следы как фактор безопасности оборота персональных данных в сети Интернет	81
Бижан Н.Р., Еликбай М.А. Проблемы профилактики уголовных правонарушений против приобретения прав на недвижимое имущество	99
Садыков М.А., Сакупова М.О., Алтаев Е.А. Исследование пересекающихся штрихов, выполненных чернилами ручек-роллеров, тонером лазерного принтера и штемпельной краской отгиска печати	113
Сембекова Б.Р., Рактаева А.М. Криминалистическое обеспечение противодействия рейдерству	128
Сматлаев Б.М., Даурембеков Е.К. Некоторые вопросы применения института медиации в уголовном процессе	138
Гражданский процесс. Трудовое право	
Базарбаев А.А. Иностранные инвестиции в Республике Казахстан: необходимость их защиты путем устранения коллизий при арбитражных разбирательствах	150
Макрушин А.О. Цифровизация рынка труда: опыт стран Евразийского экономического союза	162
Межибовская И. Социально-трудовые правоотношения в системе координат государственной безопасности Республики Казахстан	176
Нурғалиева Е.Н. Некоторые проблемы правового регулирования труда фармацевтов	192
Международное право	
Dorul O., Lecari F. Основные этапы международного сотрудничества в области предупреждения незаконного оборота наркотиков и борьбы с ним	202
Қаражан Б.С. Международно-правовой и зарубежный продвинутый опыт правового регулирования сельскохозяйственного машиностроения с использованием сверхбыстрой мобильной связи (5G) для Казахстана	211
Шумилов В.М., Мауленов К.С., Мауленова Б.Н. Формирование Глобальной нормативной системы и современный международный экономический правопорядок	225

Патриарх казахстанской науки гражданского права

(к 100-летию профессора
Басина Юрия Григорьевича)

28 марта 2023 года в Каспийском общественном университете состоялась Международная научно-практическая конференция «Казakhstanская цивилистика: становление и развитие», посвященная 100-летию выдающегося ученого - цивилиста, заслуженного деятеля науки Басина Юрия Григорьевича. С приветственным словом выступили ректор Каспийского общественного университета Нусенов Ж.М., вице-министр юстиции Республики Казахстан Муканова А.К., председатель Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, член Венецианской комиссии Совета Европы от Республики Казахстан Рогов И.И., судья Суда Евразийского Экономического Союза Сейтимова В.Х., судья Конституционного Суда Республики Казахстан Подопригора Р.А., первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан и др. С научными докладами выступили академик Сулейменов М.К., профессора Диденко А.Г., Алиханова Г.А., Карагусов Ф.С., зарубежные участники Баешу Сержиу, Шрамм Ханс-Иоахим и др.

2023 жылғы 28 наурызда Каспий қоғамдық университетінде көрнекті ғалым-цивилисші, ғылымның еңбек сіңірген қайраткері Басин Юрий Григорьевичтің 100 жылдық мерейтойына арналған «Қазақстандық цивилистика: қалыптасу және даму» атты Халықаралық ғылыми-практикалық конференция өтті. Каспий қоғамдық университетінің ректоры Ж.М. Нүсенов, Қазақстан Республикасының Әділет вице-министрі А.Қ. Мұқанова, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Адам құқықтары жөніндегі комиссияның төрағасы, Қазақстан Республикасынан Еуропа Кеңесі Венеция комиссиясының мүшесі И.И. Рогов, Еуразиялық экономикалық одақ сотының судьясы В.Х. Сейтимова, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының судьясы Р.А. Подопригора, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары Академиясының бірінші проректоры және т.б. құттықтау сөз сөйледі. Ғылыми баяндамалармен академик М.К. Сүлейменов, профессорлар А.Г. Диденко, Г.А. Әлиханова, Ф.С. Қарақұсов, шетелдік қатысушылар Сержиу Баешу, Ханс-Иоахим Шрамм және т. б. сөз сөйледі.

On March 28, 2023, the International Scientific and Practical Conference «Kazakh Civil Law: formation and Development» was held at the Caspian Public University. The conference was dedicated to the 100th anniversary of the outstanding civil scientist, Honored Scientist, Yuri G. Basin. The welcoming speech was made by Rector of the

Caspian Public University Nusenov Zh.M., Vice-Minister of Justice of the Republic of Kazakhstan Mukanova A.K., Chairman of the Commission on Human Rights under the President of the Republic of Kazakhstan, member of the Venice Commission of the Council of Europe from the Republic of Kazakhstan Rogov I.I., judge of the Court of the Eurasian Economic Union Seytimova V.H., judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan Podoprighora R.A., First Vice-Rector of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, etc. Scientific reports were made by Academician Suleimenov M.K., Professors Didenko A.G., Alikhanova G.A., Karagusov F.S., foreign participants Baesu Sergiu, Schramm Hans-Joachim, etc.

Юрий Григорьевич Басин родился в украинском городе Артемовск (в наст. время г. Бахмут Донецкой области). В первые месяцы Великой Отечественной войны он был призван в ряды Красной Армии и зачислен курсантом Барнаульского пехотного училища, а с октября 1943 г. принимает непосредственное участие в боевых действиях, командуя ротой, затем батальоном в Первом Прибалтийском, затем Ленинградском фронтах. Находясь в самом пекле войны, Юрий Григорьевич храбро сражался, был трижды ранен и, как-то он рассказывал, что однажды его, тяжело раненого, вывезли с поля боя, привязав к танку. За боевые заслуги был награжден орденами и медалями.

После демобилизации в 1946 г. Ю.Г. Басин переехал в Алма-Ату и вся его дальнейшая жизнь была связана с Казахстаном. В 1949 г., окончив экстерном Алма-Атинский государственный юридический институт и получив квалификацию «юрист», посвятил себя научно-педагогической работе в различных юридических учебных заведениях, из них 40 лет трудился в КазГУ им. С.М. Кирова (в наст. время КазНУ им. аль-Фараби). С 1954 г.- кандидат юридических наук, а с 1965 г.- доктор юридических наук.

Юрий Григорьевич активно занимался научными исследованиями и является автором более 200 научных работ, включая 30 монографий и учебников. Проблемы правового регулирования капитального строительства, жилищного права, теоретические вопросы защиты гражданских прав и гражданско-правовой ответственности, определение правовой природы ценных бумаг – это далеко не полный перечень его научных интересов.

В студенческих аудиториях Юрий Григорьевич преподавал общую и особенную части гражданского права. Его лекции отличались глубиной, высокой содержательностью и последовательностью, а сложнейшие вопросы цивилистики он разъяснял слушателям доступным языком. Много внимания уделял подготовке научных кадров. Под его научным руководством было защищено 3 докторских и 12 кандидатских диссертаций. Среди его учеников известные в Казахстане ученые Диденко А.Г., Каудыров Т.Е., Мауленов К.С., Стамкулов У.М. и др. Много лет избирался деканом, заведующим кафедрой гражданского права юридического факультета КазГУ. Важной вехой в жизни Юрия Григорьевича стало создание совместно с коллегами негосударственного учебного заведения – Высшей Школы Права «Әділет», ставшего со временем одним из лучших юридических вузов страны.

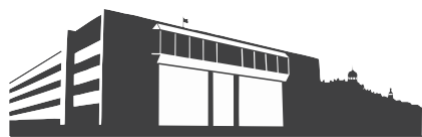
Таким образом, профессор Басин Ю.Г. счастливо сочетал плодотворную научную деятельность с организацией высшего юридического образования.

Огромен вклад Юрия Григорьевича Басина в становление и развитие гражданского законодательства как советского, так и постсоветского Казахстана. Он один из разработчиков первых в истории республики проектов Гражданского кодекса Казахской ССР, Кодекса о браке и семье Казахской ССР и др. Особенно ярко его талант как выдающегося ученого-цивилиста проявился после обретения Казахстаном независимости и перехода от планового ведения хозяйства к экономическим отношениям нового типа. Отдельная строка в научной деятельности Юрия Григорьевича – его участие в разработке проекта модельного Гражданского кодекса стран Содружества Независимых Государств (СНГ), ставшего основой для Гражданских кодексов многих постсоветских государств. Исключительно важно подчеркнуть, что он является одним из активных разработчиков всех важнейших законопроектов, связанных с формированием в нашей стране основ рыночной экономики. Среди них проекты Гражданского кодекса Республики Казахстан (Общая и Особенная части), о защите и поддержке частного предпринимательства, об иностранных инвестициях, о банкротстве, о земле, о недрах и недропользовании, об ипотеке, о товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью, о жилищных отношениях - всего более 50 законопроектов. Вместе с тем Юрий Григорьевич обоснованно считал, что в условиях становления рыночной экономики необходимо системное совершенствование прежде всего гражданского законодательства. За существенный вклад в становление и развитие отечественного законодательства, участие в конституционной реформе Ю.Г. Басин награжден государственными наградами и званиями, а также ведомственными знаками и поощрениями.

Профессор Ю.Г. Басин обладал незаурядными личностными качествами. Его отличали не только высокий уровень профессионализма, но и принципиальность, честность, обостренное чувство ответственности. Природный такт, доброжелательность, желание бескорыстно помочь кому-либо располагали к нему окружающих. Общеизвестно, что к Юрию Григорьевичу с большим уважением относились известные цивилисты, в числе которых О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, А.К. Маковский, Ю.К. Толстой, В.П. Грибанов, В.Ф. Яковлев, Р.О. Халфина, В.А. Ойгензихт и др.

Около двадцати лет прошло, как не стало Юрия Григорьевича Басина, но для современников, соратников, коллег, многочисленных его учеников он является образцом служения юридической науке и юридическому образованию. Уверен, что его труды, ставшие классикой при жизни, и впредь будут ориентиром для дальнейшего совершенствования «экономической конституции», каковым по праву называют гражданское право.

А. Нурмагамбетов,
главный редактор журнала «Вестник Евразийского национального
университета имени Л.Н. Гумилева. Серия «Право»,
Заслуженный деятель Республики Казахстан

IRSTI 10.15.23; 10.87.17

Y. Abaideldinov

*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
(E-mail: erbolabay@mail.ru)*

Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan: continuity and innovation

Abstract. The article discusses some decisions of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan on a number of issues of constitutional and international law. These legal positions, as a continuity, in accordance with paragraph 1 of Article 66 of the CLRK «On the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan», can establish the basis for the forthcoming activities of the recreated Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan. The article emphasizes that constitutionality in the country will be ensured not only by the Constitutional Court, but also by all branches of the unified state power, every state body, and every civil servant throughout the country. The attention is drawn to the concept of «presumption of constitutionality» of acts of state bodies: laws; decisions of judicial and executive bodies.

Keywords: Constitutional Council, Constitutional Court, continuity, international law, human rights, «Just Kazakhstan».

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-11-19>

Introduction

The Republic of Kazakhstan is implementing large-scale reforms aimed at modernizing the political system and forming a just state, economy, and society.

Proposed by President K.K. Tokayev, the principle of a “hearing state”, as an important quality of the forming “Just Kazakhstan”, implies a constructive public dialogue between the government and society. This dialogue is in demand at all levels of government, and in all spheres of public life. The order, objectivity, and legal framework of this dialogue are based

on common political, legal, and ethical values, concentrated embodied in the Constitution of the country, which content included a number of new provisions in 2022.

Methodology

As research methods, the authors used the dialectical method of research, historical-legal and comparative approaches to the analysis of the material, which made it possible to cover more than thirty years of formation and some aspects of the activities of the constitutional control

bodies in the Republic of Kazakhstan and their decisions in comparison with the norms of international law.

Discussion

Currently, one of the most discussed topics in society has been the restoration of the Constitutional Court. The first association concerned with this body of constitutional control is the personality of the only chairman of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan until the current time for the period from 1992 to 1995, a prominent scientist and true citizen, academician M.T. Baimakhanov (01.11.1933 – 03.06.2022). Boundless erudition, logical thinking, high decency, restraint, civic courage, and scientific responsibility - it is not a complete list of qualities inherent in Murat Tadzhi-Muratovich. It is sufficient to mention that in 1973, in the midst of the period of the “final victory of socialism”, he had defended his own thesis for a Doctor of Juridical Science on the topic “Contraventions in the development of the legal superstructure of a socialist society and ways of their overcoming”.

The consistent upholding of constitutional values by the first Constitutional Court, the formation of its decisions, which in some cases canceled some acts of executive power, in conjunction with other tasks of state building, have led to the adoption of the new Basic Law of the country in 1995, which established a presidential form of government, the Constitutional Court was transformed into the Constitutional Council, etc.

The Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, fulfilling its mission in the political and legal conditions corresponding to the time of its activity,

proved to be a worthy successor to the first constitutional control body of a young sovereign country. It is the continuity of personnel, and the thoroughness, validity, and high quality of the ongoing versatile work in accordance with the powers given to this state body. This became possible, as a rule, due to the high qualification of the members of the Constitutional Council throughout the entire period of its activity, and to a large extent - the leaders of this body of constitutional control, prominent scientists, and public officials: Yu.A. Kim, Yu.A. Khitrin, I.I. Rogov, K.A. Mami.

It is noteworthy that paragraph 1 of Article 66 of the Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan “On the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan” contains a provision that “The Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan is the successor of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan.” [1]. It is an important provision, which confirms a deeply thought-out approach to reforming the entire state system. The wording of this article is quite consistent with the laws of evolutionary processes, which provide for consistent, balanced, but steady development of the state and society while maintaining all previously accomplished achievements. It includes continuity both in personnel and in the legal positions contained in the decrees on the official interpretation of the provisions of the Basic Law, and in the decisions on the appeals of the courts, as well as other documents of the Constitutional Council.

It should be especially noted that among the legal positions of the Constitutional Council on the application of the norms of constitutional and international law, there are those that are of an enduring, relevant nature for our

country, as a sovereign state. These are provisions on territorial integrity as the main condition for the national security of Kazakhstan and the inadmissibility of dismembering its territory; on the inviolability of the state boundary and the prohibition of territorial concessions to the detriment of national interests and the international principle of the sovereign equality of states. It is output on the extension of the sovereignty of Kazakhstan to international relations, on the inadmissibility of the institution of dual citizenship in Kazakhstan; it is the provision that human rights and freedoms, in accordance with the Constitution, the International Bill of Human Rights, are absolute, inalienable, universal and determine the content and application of laws and other regulatory legal acts, etc.

One of the most resonant and effective was the Resolution of the Constitutional Council dated May 7, 2001 No. 6/2 "On the submission of the Kyzylorda Regional Court on the recognition as unconstitutional part the second of paragraph 6.12 of Article 6 of the Lease Agreement of the "Baikonur" complex, Articles 5 and 11 of the Agreement on the interaction of law enforcement bodies in ensuring law and order on the territory of the "Baikonur" complex.

During the checking, of the constitutionality of the norms of international acts specified in the submission of the Kyzylorda Regional Court, the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan proceeded from a number of constitutional provisions, including those providing guarantees for the constitutional rights and freedoms of citizens of Kazakhstan (Article 12 of the Constitution), as well as the provisions of

paragraph 2 of Article 2 of the Constitution, under which the sovereignty of the Republic extends over its entire territory. This principle, as emphasized by the Constitutional Council, means the independence and autonomy of Kazakhstan in matters of domestic and foreign policy, the supremacy of the state and its power within its territory [2]. By this Decree, the Constitutional Council protected the rights of our citizens, confirmed the significance of the Basic Law of the country as a political and legal act that has the highest legal force and direct effect throughout the Republic, stood up for the sovereignty of the state, which entailed a change in prior acted international treaties between Kazakhstan and Russia, and confirmed the desire of the parties for constructive cooperation and mutual understanding.

The construction of the "New Kazakhstan" includes the tasks of not only building a modern "Just Kazakhstan", but also attention to its historical past, one of the poorly studied topics of which to date is the period of mass political repressions in the 1920s-1930s, which caused irreparable damage to our people.

Therefore, one of the resonant acts of the President of the Republic of Kazakhstan K.K. Tokayev was the Decree of November 24, 2020, which, in order to comprehensively study and address issues of rehabilitation of victims of political repression, established the State Commission for the Complete Rehabilitation of Victims of Political Repression, the main task of which was the full legal and political rehabilitation of victims of political repression [3]. It should be noted that significant scientific and administrative resources, archives and libraries, professionals, and volunteers

throughout the country are involved in the work to implement this Decree of the President. Significant material has already been accumulated, thousands of new previously unknown names of our fellow citizens, who were illegally repressed, have been discovered, and relevant legislative acts are being prepared for their full rehabilitation.

This Decree of the President was adopted in accordance with the expectations of society and the norms of international law. Thus, the UN General Assembly in the “Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power” recognizes that “millions of people around the world are harmed as a result of crime and abuse of power and that the rights of these victims are not properly recognized” [4]. Therefore, the purpose of the Declaration is to assist the governments of sovereign states and the international community in their efforts to ensure justice and provide assistance to victims of crime and abuse of power. The Declaration calls for the implementation of a whole range of social health measures, including mental health protection, education, and economy, as well as specific measures to facilitate the provision of assistance to victims in distress; periodically reviewing existing laws and practices to ensure their ability to respond to changing conditions, and also adopting and enforcing provisions outlawing acts that violate internationally recognized norms on human rights and the behavior of legal entities and other cases of misfeasance; to develop cooperation with other states based on the provision of mutual judicial and administrative assistance in such matters as the identification and prosecution of offenders, their extradition and confiscation of their

property in order to provide restitution to victims, etc.

Violation by the state of internationally recognized norms concerning human rights leads to the recognition of the latter as a victim of misfeasance. It should be noted here that the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan in the early 2000s made a significant contribution to the process of rehabilitation of victims of political repression. What is meant here is the decision taken by the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan on the appeal of the court to verify the constitutionality of the norms of the current law of the Republic of Kazakhstan “On the rehabilitation of victims of mass political repressions” (hereinafter - the Law of the Republic of Kazakhstan “On rehabilitation”).

Over the first 10 years of the work of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Rehabilitation”, more than 320 thousand citizens of our country of different nationalities were rehabilitated. If the first stage of the rehabilitation of victims of political repression was quite active until the early 2000s, then at the beginning of the new millennium this process almost stopped. Significant difficulties in the process of rehabilitation of victims of mass political repressions and providing them with decent material support arose in connection with the interpretation of Article 26 of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Rehabilitation”, which notes that the effect of Articles 18-24 of the Law (they contain provisions on social support for the rehabilitated) applies to victims of political repressions rehabilitated *before* the entry into force of this Law.

Some citizens, even after receiving a

court decision on full rehabilitation, could not receive a “Certificate of a Rehabilitated Citizen” of a single sample established by the Government of the Republic of Kazakhstan. And due to the fact that this document was the basis for receiving a monthly rehabilitation allowance and other benefits, as well as compensation for moral damage and material damage, many citizens were left without material support that was essential for them.

Thus, the Law of the Republic of Kazakhstan “On Rehabilitation” practically ceased to operate as a result of the introduction of one article into it. Moreover, according to the authors of the draft law, this article was not included in the draft they developed. Article 26 contradicted the essence, purpose, and meaning of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Rehabilitation” and Art. 1, 12, 13, 14 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan.

In such cases, the last word belongs to the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, which the court of the Medeu district of Almaty addressed the relevant case on the rehabilitation of citizens of our country. The appeal was initiated by members of the human rights society “Adilet”, which was headed by academician M.T. Baimakhanov, and one of the members was the author of this article. The Constitutional Council, by its Decree No. 9 dated January 24, 2003, obliged the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan to adopt a regulatory Decree clarifying the issues of applying the Law of the Republic of Kazakhstan “On Rehabilitation”. In accordance with the Decree of the Constitutional Council dated January 24, 2003, No. 9 “On the need to clarify the issues of application of the Law of the Republic of Kazakhstan dated April

14, 1993 “On the rehabilitation of victims of mass political repressions”, the Plenary session of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan decided to introduce amendments and additions to paragraph 8 of the Regulatory Decree of the Supreme Court dated April 14, 1993, June 21, 2001 No. 3 “On the application by the courts of legislation on compensation for moral damage”. Their essence lies in explaining the acting of Art. 18-24 is not limited to the moment of rehabilitation of victims before or after the entry into force of the law and applies to victims of mass political repression, rehabilitated both before the entry into force of the law and after that. Therefore, as Supreme Court Judge V. Kim emphasized, the indication in article 26 of the law, which follows the mentioned articles, on the extension of articles 18-24 to victims of political repressions rehabilitated before the entry into force of this law should be understood as giving the law retroactive effect rather than limiting the rights of persons whose rehabilitation will be carried out after the entry into force of the law since with a different interpretation of this article, the adoption of the law itself is meaningless [5].

Among the key documents adopted by the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan regarding the implementation of the decisions of international organizations and their bodies by the country is the Decree of November 5, 2009, in which the body of constitutional control, relying on the norms of the Basic Law, noted that the decisions of international organizations and their bodies, formed in accordance with international treaties of the Republic of Kazakhstan, “cannot contradict the Constitution of the Republic of

Kazakhstan". This provision (in its relationship with paragraph 1 of Article 46 of the "Vienna Convention on the Law of Treaties" dated May 23, 1969) will certainly need to be taken into account in the dialogue with certain international organizations and international quasi-judicial bodies, which sometimes recommend countries to correct not only legislation but also the norms of the Constitution.

Among the novelties related to the activities of the Constitutional Court being created, one can single out the right to appeal to the Constitutional Court of citizens, the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan, and the Commissioner for Human Rights. There should be noted that time will show how this will be implemented in practice, how the practice will develop, and how, in case of need, it will be necessary to correct the legislation in order to achieve maximum compliance with these and other provisions of the law with the requirements of the Constitution and the expectations of society.

Results

The analysis carried out in the article allows us to arrive at the following general result. The evolution of constitutional control bodies in the Republic of Kazakhstan over the years of independence since 1991 shows that at all its stages: since the functioning of the first Constitutional Court under the leadership of acad. M.T. Baimakhanov, and then - many years of work of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan until the present stage of the reconstruction of the Constitutional Court, multifaceted activities were carried out in the field of

preserving and developing constitutional legality in our country. A legal, methodological, and organizational basis has been created for the fruitful activity of the reconstituted Constitutional Court, which is as of right named the successor of the Constitutional Council at the legislative level. At this new stage, it would be quite logical both to work on the implementation of the new powers of this body of constitutional control and to use the material in their work that is currently relevant and previously developed by the Constitutional Council. This is one of the moments of the activity of state bodies, which contains the meaning of the gradual, dialectical development of the country, the construction of the "New Kazakhstan".

Conclusion

Thus, there should be emphasized that the Constitutional Court will quite naturally build its activities on the basis of the norms of the currently amended Constitution of the country, relying on the experience of constitutional control bodies already gained in the country, using the norms of international law recognized by the country. At the same time, constitutionality in the country will be ensured not only by the Constitutional Court. All branches of the unified state power, every state body, and every civil servant throughout the country are obliged to carry out their activities within the framework of the Constitution, on the basis of the Constitution and the legislation drafted in its development. There it is quite appropriate to talk about the "presumption of constitutionality" of acts of state bodies: laws adopted by the Parliament; acts of judicial and executive bodies, both central and local, etc. For all that the rich

experience of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, the long-term practice of many countries of the world shows the demand for a special body of constitutional control, which is the guarantor of compliance with the norms of the Constitution, the rights and freedoms of citizens, which is how the established Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan is seen.

Another important aspect needs to

be emphasized. Every person, anyone who is on the territory of Kazakhstan - whether a citizen, a foreigner, or a stateless person - must all behave within the framework of the law in force in Kazakhstan. Only by joint efforts of the state and society, on the basis of observance of their rights and obligations by all, the general constitutional legal order will be maintained and improved.

Список литературы

1. Конституционный закон Республики Казахстан «О Конституционном Суде Республики Казахстан» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39441762&pos=664;-38#pos=664;-38 (дата обращения: 10.11.2022).

2. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 7 мая 2001 года № 6/2 «О представлении Кызылординского областного суда о признании неконституционными части второй пункта 6.12 статьи 6 Договора аренды комплекса «Байконур», статей 5 и 11 Соглашения о взаимодействии правоохранительных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса «Байконур»//Справочная правовая система «Параграф», 2014 г.

3. О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. Указ Президента Республики Казахстан от 24 ноября 2020 года № 456 // http://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456_ (дата обращения: 10.11.2022).

4. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью // Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Изд. Группа НОРМА-ИНФРА*М, 1998. – С. 165-167.

5. В защиту прав и интересов граждан // Юридическая газета. - 2003. - 26 марта.

Е. Абайділданов

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Қазақстан Республикасының Конституциялық Соты: сабақтастық пен инновация

Аңдатпа. Мақалада конституциялық және халықаралық құқықтың бірқатар мәселелері бойынша Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің кейбір шешімдері талқыланады. Бұл құқықтық ұстанымдар сабақтастық ретінде «Қазақстан Республикасының Конституциялық Соты туралы» ҚРКЗ 66-бабының 1-тармағына сәйкес қайта құрылған Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының болашақтағы қызметі үшін негіз бола алады. Мақалада елдегі конституциялылықты

тек Конституциялық сот қана емес, сонымен бірге біртұтас мемлекеттік биліктің барлық тармақтары, республика бойынша әрбір мемлекеттік орган, әрбір мемлекеттік қызметші қамтамасыз ететіні баса айтылған. Мемлекеттік органдар актілерінің «конституциялық презумпциясы» түсінігіне назар аударылады: заңдар; сот және атқарушы органдардың шешімдері.

Түйін сөздер: Конституциялық Кеңес, Конституциялық Сот, сабақтастық, халықаралық құқық, адам құқығы, «Әділетті Қазақстан».

Е. Абайдельдинов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Конституционный Суд Республики Казахстан: преемственность и новаторство

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые решения Конституционного Совета Республики Казахстан по ряду вопросов конституционного и международного права. Эти правовые позиции, в качестве преемственности, в соответствии с пунктом 1 статьи 66 КЗРК «О Конституционном Суде Республики Казахстан», могут составить основу для предстоящей деятельности воссозданного Конституционного Суда Республики Казахстан. В работе особо подчеркнута, что конституционность в стране будут обеспечивать не только Конституционный суд, но и все ветви единой государственной власти, каждый государственный орган, каждый государственный служащий на всей территории страны. Обращено внимание на понятие «презумпция конституционности» актов государственных органов: законов; решений судебных и исполнительных органов.

Ключевые слова: Конституционный Совет, Конституционный Суд, преемственность, международное право, права человека, «Справедливый Казахстан».

References

1. Konstitucionnyj zakon Respubliki Kazahstan «O Konstitucionnom Sude Respubliki Kazahstan» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39441762&pos=664;38#pos=664;38 (accessed 10.11.2022).

2. Postanovlenie Konstitucionnogo Soveta Respubliki Kazahstan ot 7 maya 2001 goda № 6/2 «O predstavlenii Kyzylordinskogo oblastnogo suda o priznanii nekonstitucionnymi chasti vtoroj punkta 6.12 stat'i 6 Dogovora arendy kompleksa «Bajkonur», statej 5 i 11 Soglasheniya o vzaimodejstvii pravoohranitel'nyh organov v obespechenii pravoporyadka na territorii kompleksa «Bajkonur»//Spravochnaya pravovaya sistema «Paragraf», 2014 g.

3. O Gosudarstvennoj komissii po polnoj rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 24 noyabrya 2020 goda № 456 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456> (accessed 10.11.2022).

4. Deklaraciya osnovnyh principov pravosudiya dlya zhertv prestupleniya i

zloupotrebleniya vlast'yu // Mezhdunarodnye akty o pravah cheloveka. Sbornik dokumentov. – M.: Izd. Gruppy NORMA-INFRA*M, 1998. – S. 165-167.

5. V zashchitu prav i interesov grazhdan // YUridicheskaya gazeta. - 2003. - 26 marta.

Information about author:

Abaideldinov Y.M. - Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpaev str., Astana, Kazakhstan.

Абайділданов Е.М. - заң ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Халықаралық құқық кафедрасының профессоры. Сәтбаев көшесі 2, Астана, Қазақстан.

Конституционный Суд Республики Казахстан о защите прав и законных интересов граждан: пенсионное обеспечение за выслугу лет

Аннотация. Авторами, принимавшими участие в конституционном производстве в качестве экспертов, представлен вниманию читателей предварительный этап рассмотрения обращения в Конституционный Суд РК гражданина Байжуманова Б.К. В статье изложены основные положения подготовленных ими научных правовых заключений, основанных на анализе соответствующих международных и национальных нормативных правовых источников законодательства, изучении специальной литературы и доктринальном толковании соответствующих норм законодательства в сфере уголовного, уголовно-процессуального, трудового права и социального обеспечения, правоохранительной деятельности и пенсионных правоотношений.

Ключевые слова: Конституция РК, правоохранительные органы, лишение специального звания, прекращение права на выплату пенсии по выслуге лет, дискреция при применении судом статьи 49 Уголовного кодекса РК, пенсионное обеспечение, лишение пенсии, гарантии субъектов пенсионных правоотношений

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-20-34>

Введение

Конституционным Судом Республики Казахстан 24 февраля 2023 года рассмотрено обращение гражданина Байжуманова Б.К. 27 марта 2023 года, принято Нормативное постановление Конституционного Суда под номером 5 касательно рассмотрения на соответствие Конституции Республики Казахстан (далее – Конституция РК) статьи 10 (пп.3, п.1), статьи 64 (п.2) и статьи 65 (п.2) Закона РК «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» [1].

В процессе конституционного производства обсуждались вопросы, поставленные судьей Конституционного Суда Ескендировым А.К.:

1. Влечёт ли прекращение права, связанного с выплатой за выслугу лет пенсии, назначенной сотруднику правоохранительных органов до вынесения приговора суда, применение судом в обвинительном приговоре дополнительного наказания в виде лишения специального звания (статья 49 УК РК) [2] за преступления, которые были им совершены во время прохождения правоохранительной службы за преступления либо после

увольнения с нее?

2. Дискреционное применение судом дополнительного наказания в виде лишения специального звания по причинам совершения умышленного уголовного правонарушения, учитывая личность виновного, либо неприменение такого наказания за аналогичное преступление в отношении другого пенсионера правоохранительного органа (с учетом личности виновного) влечет ли нарушение конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом, недопустимости дискриминации их прав, установленных на основании статьи 14 Конституции РК [3], применительно к мерам социальной защиты пенсионеров правоохранительных органов (глава 9 Закона РК «О правоохранительной службе» [4], статья 10 (пп.3, п.1), статья 64 (п.1), статья 65 (п.2) Закона РК «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» [5] ?

3. Какие правовые последствия наступают для субъектов пенсионных правоотношений и каковы гарантии со стороны государства по пенсионному обеспечению граждан, исполнивших, как сотрудники правоохранительных органов, требования пункта 8 статьи 64 Закона РК «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» [5] - обязательства по возврату 50 процентов от суммы обязательных пенсионных взносов, перечисленных в пользу них за счет бюджетных средств до 1 января 2016 года, в качестве условия возникновения права на получение пенсии за выслугу лет, и в последующем лишенных такого права?

Основная часть

1. По *подвопросу 1.1* - применение судом в обвинительном приговоре дополнительного наказания на основании статьи 49 УК РК [2] в виде лишения классного чина, специального звания в отношении сотрудника правоохранительной службы за преступления, совершенные им *во время прохождения правоохранительной службы*, влечет ли прекращение права на получение выплаты пенсии по выслуге лет, назначенной сотруднику до вынесения приговора суда?

О *правовых основаниях* применения судом в обвинительном приговоре дополнительного наказания на основании статьи 49 УК РК [2] в виде лишения классного чина, специального звания в отношении сотрудника правоохранительной службы.

Статья 49 УК РК [2] при применении в обвинительном приговоре данного вида дополнительного наказания предоставляет суду право лишать признанного *виновным* в совершении умышленного уголовного правонарушения *сотрудника правоохранительной службы* специального, воинского звания, классного чина.

Согласно статье 77 (пп.1, п.3) Конституции РК [3] лицо считается невиновным в совершении преступления, пока его виновность не будет признана вступившим в законную силу приговором суда. Поэтому именно с момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу опровергается и перестаёт действовать принцип презумпции невиновности, и только для осуждённого лица наступают

неблагоприятные правовые последствия, установленные санкциями норм уголовного закона.

Во время реализации права на получение выплаты пенсии по выслуге лет и её назначения Байжуманов Б.К. ещё не был признан виновным в совершении вменяемого ему умышленного уголовного правонарушения, вступившим в законную силу приговором суда, где в качестве дополнительного наказания в отношении него было применено лишение специального звания. И в этой связи не усматривается нарушение установленного в Республике Казахстан льготного порядка пенсионного обеспечения. Презумпция невиновности продолжала действовать как объективная категория, в том числе в сфере пенсионных правоотношений, даже при условии совершения преступления в период прохождения службы и несмотря на осуществление органами расследования уголовного преследования по данному факту до оформления Байжумановым Б.К. пенсии, на поставление его в положение подозреваемого, обвиняемого и подсудимого.

Решение о назначении Байжуманову Б.К. пенсии по выслуге лет не было оспорено в суде. Оно отменено во внесудебном порядке – приказом Министра внутренних дел РК. Ведомство основывалось на ошибочном расширительном толковании приговора суда № 2 Курчумского района ВКО от 17 июля 2019 года, которым он лишен звания «подполковник полиции». Между тем данным приговором не ставился вопрос о прекращении выплаты пенсии по выслуге лет, предоставлении взамен права на

получение пенсии на общих основаниях при достижении пенсионного возраста (63 лет), возвращении в Единый национальный пенсионный фонд изъятых 50% обязательных пенсионных накоплений.

Кроме того, в стадии исполнения приговора суд и органы его исполнения в части дополнительного наказания также расширительно и необоснованно применили правило о преюдиции судебного акта (статья 127 (ч.1) УПК РК) [6]. Вступивший в законную силу *приговор* по уголовному делу, разрешающий его по существу, *обязателен* для всех государственных органов, физических и юридических лиц *в отношении как установленных обстоятельств, так и их правовой оценки по отношению к лицу*, о котором они вынесены. Вопрос о лишении пенсии по выслуге лет не являлся предметом главного судебного разбирательства.

Прекращение пенсионных выплат по выслуге лет вследствие лишения специального звания как дополнительного наказания породило отступление от принципа *non bis in idem* (статья 20 УПК РК) [6]. Он гарантирует соблюдение прав человека и принципа уголовного права, согласно которому за одно и то же уголовное правонарушение не должно быть двух наказаний (в том числе двух дополнительных). Между тем прекращение выплаты лицу, лишенному по приговору суда специального звания, ранее назначенной ему пенсии за выслугу лет фактически становится ещё одним дополнительным наказанием, не предусмотренным УК РК, даже при условии замены пенсией на общих основаниях. Тогда как в соответствии с частью второй статьи 2 УК РК [2] основания уголовной

ответственности, наказания и иных мер уголовно-правового воздействия устанавливаются исключительно уголовным законом.

Также суд отошёл от правила о недопустимости поворота к худшему для положения осуждённого Байжуманова Б.К. путем распространения нормы применяемого закона на социальные правоотношения, возникшие до вынесения судебного акта и не связанные с совершенным им преступлением.

Статья 5 УПК РК [6] определяет действие уголовно-процессуального закона во времени. Общим правилом является положение о том, что в процессе производства по уголовным делам применяются те нормы процессуального закона, которые вступили в силу к моменту выполнения процессуального действия и принятия процессуального решения.

Следовательно, действие уголовно-процессуального закона во времени не зависит от момента возникновения уголовно-процессуальных правоотношений по конкретному уголовному делу, в том числе связанных с осуществлением уголовного преследования определённого лица. В этой связи обвинительный приговор суда не может подвергаться сомнению и пересмотру законность возникновения пенсионных правоотношений, возникших до его вступления в законную силу, не исследованных судом и не связанных с уголовным правонарушением, за совершение которого осуждён Байжуманов Б.К.

Действие статьи 49 УК РК [2] распространяется исключительно на субъект уголовного правонарушения,

который на момент применения судом в обвинительном приговоре дополнительного наказания имел специальное звание и, следовательно, являлся сотрудником правоохранительного органа.

Лишение судом специального звания в соответствии со статьей 49 УК РК [2], как вид дополнительного наказания, применимо только в том случае, когда сотрудник находится на службе в правоохранительных органах. Между тем на момент вынесения обвинительного приговора и осуждения гражданин Байжуманов Б.К. уже был уволен из органов внутренних дел (по собственному желанию), не являлся сотрудником правоохранительных органов и был поставлен на воинский учёт вместо специального учета МВД РК. Согласно предписанию части первой статьи 68 Закона РК «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» от 21 июня 2013 года № 105-V [5] «пенсионные выплаты за выслугу лет назначаются и осуществляются со дня увольнения со службы (исключения из списков личного состава)», в связи с чем он уже обладал статусом пенсионера, вследствие чего не мог иметь специального звания «подполковник полиции», которого, в свою очередь, не мог быть лишен приговором суда.

Согласно статье 1 (п.9) Закона РК «О правоохранительной службе» [4] сотрудником правоохранительного органа является гражданин РК из числа работников правоохранительных органов, которому присвоены специальное звание.

Предписания статей 14 (статус и правовые гарантии), 15 (специальные права), 16 (специальные обязанности), 17 (ограничения) и 19 (ответственность)

данного Закона [4] распространяются только на пребывающих в данном правовом положении лиц, проходящих правоохранительную службу.

Анализ содержания части восьмой статьи 6 указанного Закона [4] показывает разделение на *действующих* сотрудников правоохранительного органа и *ранее являвшихся ими*.

Часть четвертая статьи 22 приведенного Закона [4] устанавливает, что за *сотрудниками, уволенными* по достижении предельного возраста на службе или имеющими выслугу лет, дающую право на пенсию, к их специальным званиям добавляются слова – «*в отставке*».

В казахстанском законодательстве о правоохранительной службе, в отличие от российского, пробельно и не регламентировано положение о том, что специальное звание присваивается сотруднику органов внутренних дел пожизненно. При увольнении со службы в органах внутренних дел к имеющемуся специальному званию сотрудника добавляются слова «*в отставке*». Сотрудник может быть лишен специального звания в порядке, установленном федеральным законом (часть седьмая статьи 41 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 N 342-ФЗ) [7].

Таким образом, доктринальное толкование термина «лицо, которое ранее являлось сотрудником правоохранительного органа, со специальным званием в отставке» логически приводит к выводу о том, что оно не может являться субъектом, к которому суд вправе применить в

качестве дополнительного наказания статью 49 УК РК [2] с лишением специального звания. Следовательно, суд не вправе лишить такое лицо права на получение выплаты пенсии по выслуге лет, назначенной сотруднику до вынесения приговора суда.

Анализ норм главы 9 «Пенсионное обеспечение отдельных категорий граждан за выслугу лет» Закона РК «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» [5] показывает, что ими установлены всего три формально-юридических основания для получения права и назначения пенсионных выплат за выслугу лет сотрудникам правоохранительных органов:

- специальное звание;
- выслуга на службе;
- предельный возраст при увольнении со службы.

Данный закон не содержит для правоохранителей и иных дополнительных оснований и условий, как, например, для претендующих на выход в отставку судей - безупречная репутация; тогда как для пребывающих в отставке судей - дополнительные обязательства, преференции: сохранение за ними звания судьи, принадлежности к судейскому сообществу, гарантии личной неприкосновенности и иных материальных и социальных гарантий, запрет на совершение ими преступлений или порочащих проступков, непосредственно умаляющего авторитет судебной власти (часть первая, абзац 1 части третьей статья 35 (ч.1; абз.1, ч.3) Конституционного закона РК «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан») [8]. В случае

прекращения отставки судья не лишается ежемесячного пожизненного содержания, а теряет только права на жилищное обеспечение, медицинское обслуживание и компенсацию расходов на погребение (статья 35 (ч.4) данного Конституционного закона) [8]. Закон РК «О правоохранительной службе» [4] и УК РК [2] также не устанавливают императивную причинно-следственную связь между лишением специального звания и прекращением пенсионного обеспечения по выслуге лет. В законодательстве отсутствует норма, согласно которой юридический факт – в «вступление обвинительного приговора суда в законную силу», влечет безусловное прекращение выплат пенсии уполномоченным органом социального обеспечения. Кроме того, сохраняя право пенсионного обеспечения за выслугу лет, в обоих случаях законодатель принимает во внимание особые условия деятельности, сопряжённые с повышенными стрессами и рисками для здоровья и жизни, профессиональными заболеваниями.

В этой связи нарушение гражданином Байжумановым Б.К. присяги сотрудника органов внутренних дел не могло быть предметом судебного рассмотрения, поскольку данное основание не предусмотрено Законом РК «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» [5] как обстоятельство для прекращения выплаты пенсии за выслугу лет.

В данном случае также наблюдается нарушение судебным актом не подлежащего умалению, отмене права на заслуженное социальное обеспечение бывшего сотрудника правоохранительных

органов Байжуманова Б.К., который на момент оформления и процесса, связанного с назначением пенсионных выплат за выслугу лет – в полной мере отвечал требованиям статьи 64 Закона РК «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» [5]: имел специальное звание «подполковник полиции», выслугу на службе в правоохранительных органах (органах внутренних дел) не менее двадцати пяти лет, достиг предельного возраста пребывания на правоохранительной службе.

2. По подвопросу 1.2 - применение судом в обвинительном приговоре дополнительного наказания на основании статьи 49 УК РК [2] в виде лишения специального звания чина в отношении сотрудника правоохранительной службы за преступления, совершенные им *после увольнения* с неё, влечет ли прекращение права, связанного с выплатой пенсии по выслуге лет, назначенной сотруднику до вынесения судом законного и обоснованного приговора?

Ввиду вышеприведенных доводов совершение преступления после увольнения сотрудника с правоохранительной службы и назначения ему пенсии тоже не влечёт прекращение его права, связанного с выплатой пенсии по выслуге лет, которая была назначена до вынесения приговора суда. Согласно статье 114 (ч.3) УИК РК [9] во время отбывания уголовного наказания осуждённые имеют право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством.

Права гражданина в области пенсионного обеспечения производны от его трудовой или иной общественно

полезной деятельности, а пенсии по возрасту, за выслугу лет и другие пенсионные выплаты, назначаемые в связи с трудовой или иной общественно полезной деятельностью, заработаны, заслужены предшествующим трудом, правоохранительной и военной службой, выполнением других значимых для общества обязанностей, что предопределяет содержание и характер обязанностей государства по отношению к тем гражданам, которые приобрели право на получение таких пенсий. Из этого следует, что государство обязано выплачивать им пенсии независимо от того, отбывают ли они по приговору суда наказание в виде лишения свободы. Иными словами, право гражданина на получение полагающейся ему пенсии в силу ее правовой природы, носящей трудовой характер, не может связываться с такими условиями.

Подобная практика известна в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. В силу приведенных правовых позиций, по мнению Конституционного Суда РФ, не может расцениваться как соответствующее статье 55 (части 3) Конституции Российской Федерации [10] ограничение права граждан на получение заработной платы, заслуженной пенсии за выслугу лет путем прекращения ее выплаты только на том основании, что они лишены приговором суда воинского или специального звания за преступления, совершенные после увольнения с военной или правоохранительной службы [11].

Подобная правовая позиция Конституционного Суда РФ [12] согласуется с практикой Европейского Суда по правам человека, где полагают,

что назначение человеку пенсии на основании решения уполномоченного органа или суда, вступившего в законную силу, наделяет его так называемыми «законными ожиданиями» на получение пенсии, в связи с чем право на назначенную пенсию несомненно подлежит защите наравне с правом собственности [13].

3. По вопросу 2. Выражая свое стремление к справедливости, Всеобщая декларация прав человека [14] провозглашает: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» (ст.1); «Все люди равны перед законом и имеют право без всякого различия на равную защиту закона» (ст.7).

Данный принцип вытекает из закрепленного Конституцией РК (ст. 14) [3] равноправия граждан перед законом и судом и запрета дискриминации по мотивам, указанным в части второй статьи 21 УПК РК [6].

Наличие определенных отступлений в отношении специальных субъектов уголовного процесса не противоречит данному принципу, а лишь является дополнительной гарантией прав и законных интересов таких участников. Но данное правило, зависимое от личного усмотрения судьи, как представляется, неприменимо к субъектам дополнительного наказания, применяемого судом на основании статьи 49 УК РК [2].

Примечателен пробел уголовного закона, когда в числе специальных субъектов, которых могут лишить звания, часть первая статьи 49 УК РК [2] не упоминает судей в отставке. Между тем статья 35 (ч.3) Конституционного закона РК «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» [8]

содержит следующее императивное основание прекращения отставки судьи – совершения судьёй преступления.

При осуждении за совершение умышленного уголовного правонарушения с учётом личности виновного, в соответствии со статьей 49 УК РК [2], судья по своему усмотрению: может как не лишать его специального звания или классного чина, так и может его лишить. Между тем избирательный, дискреционный выбор судьи при назначении дополнительного наказания по ст. 49 УК РК [2] является действием, связанным с нарушением принципа равенства всех перед законом и судом, а также противоречит общепризнанным международно-правовым актам и Конституции РК [3].

4. По вопросу 3. В соответствии с подпунктом 1) п.1. ст. 64 Закона РК «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» [5] право на пенсионные выплаты за выслугу лет имеют военнослужащие (кроме военнослужащих срочной службы), сотрудники специальных государственных и правоохранительных органов, государственной фельдъегерской службы. В соответствии с данным законодательным положением Байжуманову Б.К. была назначена пенсия за выслугу лет.

Особенность пенсионного обеспечения, связанного с выслугой лет, заключается в том, что оно назначается по конкретно определенному субъектному составу и при наличии специального трудового стажа, именуемого выслугой лет. Данный вид пенсии связан с критерием потери специальной трудоспособности при сохранении общей трудоспособности. Специальная трудоспособность

обусловлена возможностью выполнять только определенный род деятельности. Именно поэтому пенсии за выслугу лет в соответствии с пунктом 1 статьи 68 данного Закона [5] назначаются и осуществляются только со дня увольнения со службы (исключения из списков личного состава). Таким образом, в случае продолжения службы и восстановления в списочном личном составе выплата пенсии приостанавливается, но право на возобновление пенсионных выплат сохраняется, и выплата возобновляется после увольнения со службы.

Что касается социальной защиты [15, С. 47], то статья 63 данного Закона [5] закрепляет положение о том, что сотрудники, члены их семей и имущество находятся под защитой государства в соответствии с законодательством Республики Казахстан, в то время как регламентация пенсионных правоотношений носит исключительно отсылочный характер.

Также следует обратить внимание на то, что в период прохождения правоохранительной службы сотруднику присваивается специальное звание, которое, в свою очередь, оказывает весомое влияние на статус, оплату труда сотрудника, в частности, на размер денежного довольствия, надбавки, льготы, гарантии, компенсационные выплаты и другие позиции. Между тем действие данных правоотношений во времени значительно ограничивается с момента выхода сотрудника на пенсию (за выслугу лет).

Статья 10 (пп.3, п.1) указанного Закона [5] не устанавливает условия или порядок назначения пенсионных выплат по каким бы то ни было основаниям,

порядок исчисления и выплаты пенсий, в ней представлен лишь субъектный классификатор лиц, которые вправе получать пенсионные выплаты, то есть констатируется субъектный состав [16, С. 136-137].

Действительно, с 01 января 1998 года в связи с переходом Республики Казахстан от солидарной пенсионной системы на накопительную модель кардинально изменены условия назначения, исчисления и выплаты пенсий, изменения видовой классификации пенсионных выплат, а также в связи с упразднением у ряда субъектных групп права на определенные виды пенсий, в данной статье лишь констатируется субъектный состав, представлен перечень групп субъектов, имеющих право на пенсии в результате проведенной пенсионной реформы.

Таким образом, сохраняется право на пенсии лишь тем, кто уже получал их до 01 января 1998 г., тем, кто достиг пенсионного возраста (пенсии по возрасту, базовые пенсии) и военнослужащим, соответственно, за выслугу лет, но при условии, если им присвоены специальные звания, классные чины и установлены квалификационные классы. При отсутствии указанных условий, даже одного из них, военнослужащие не имеют право на получение пенсии за выслугу лет. Все перечисленные в данном Законе [5] требования касаются прав, связанных с получением пенсионных выплат, а при отсутствии таковых – в назначении пенсии военнослужащим или иным лицам должно быть отказано.

Следует учитывать, что данный Закон [5] не содержит никаких

положений о лишении права получателей, связанного с получением пенсионных выплат за выслугу лет. Как подчеркнул в своем нормативном постановлении Конституционный Суд РК, предусмотрены только два основания, когда прекращаются пенсионные выплаты за выслугу лет – смерть пенсионера или его выезд на постоянное место жительства за пределы Республики Казахстан (пункт 4 статьи 68 Закона).

Наличие судимости, применение санкции, предусмотренной УК РК [2] в виде лишения специального звания, в соответствии с законодательством страны не могут рассматриваться в качестве юридического факта для прекращения выплаты пенсии за выслугу лет, если данные действия имели место быть после назначения пенсионных выплат.

Закон не предусматривает ограничение на выплату пенсии по выслуге лет сотрудникам правоохранительных органов [5]. Согласно пункту 1 статьи 39 Конституции РК [3] права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения.

Исходя из изложенного полагаем, что судебные решения, вынесенные без ссылки на закон, основанные на умозрительных положениях при отсутствии соответствующих законодательных норм, регламентирующих рассматриваемые правоотношения, относятся к категории не соответствующих Конституции РК,

следовательно, конституционные права Байжуманова Б.К. были нарушены.

Выводы

Конституционным Судом РК во главе с Председателем Азимовой Э.А. на основе полного, объективного, всестороннего исследования обстоятельств обращения гражданина Байжуманова Б.К. принято справедливое и ожидаемое обществом решение [17, С. 204-211] о признании подпункта 3) пункта 1 статьи 10, пункта 1 статьи 64 и пункта 2 статьи 65 Закона РК «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» соответствующими Конституции Республики Казахстан в данном Конституционном Суде Республики Казахстан истолковании:

- «прекращение пенсионных выплат за выслугу лет, назначенных в соответствии с Законом РК «О пенсионном обеспечении в Республике

Казахстан», допустимо исключительно в случаях, которые прямо предусмотрены соответствующим законом, регулирующим вопросы реализации конституционного права граждан на пенсионное обеспечение», в том числе на пенсию за выслугу лет.

Кроме того, Конституционным Судом РК специально выделен вопрос об обратной силе нормативного постановления, в котором впервые применен [18, С. 359] пункт 3 статьи 63 Конституционного закон РК «О Конституционном Суде Республики Казахстан» [19] о том, что «решения судов и иных правоприменительных органов, основанные на ином истолковании подпункта 3) пункта 1 статьи 10, пункта 1 статьи 64 и пункта 2 статьи 65 Закона РК «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан», исполнению не подлежат и должны быть пересмотрены в установленном порядке».

Список литературы

1. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 27 марта 2023 года № 5 «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 3) пункта 1 статьи 10, пункта 1 статьи 64 и пункта 2 статьи 65 Закона Республики Казахстан «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» // Республиканская газета «Казахстанская правда» от 28 марта 2023 г. № 57 (29934) – С. 6.

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // Электронный ресурс: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 18.02.2023).

3. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // Электронный ресурс: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 18.02.2023)

4. Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV «О

правоохранительной службе» / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // Электронный ресурс: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380> (дата обращения: 18.02.2023).

5. Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 года № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // Электронный ресурс: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000105> (дата обращения: 18.02.2023).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // Электронный ресурс: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 18.02.2023).

7. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 N 342-ФЗ / Справочная правовая система «КонсультантПлюс» // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 18.02.2023).

8. Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // Электронный ресурс: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021164 (дата обращения: 18.02.2023).

9. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 234-V / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // Электронный ресурс: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 18.02.2023).

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / Справочная правовая система «КонсультантПлюс» // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.02.2023).

11. Определение Конституционного Суда РФ от 12.04.2005 N 184-О «По жалобе гражданина Ефимова Владимира Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 2 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» / Справочная правовая система «КонсультантПлюс» // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54118/ (дата обращения: 18.02.2023).

12. Торопкин С. А. Право на пенсию в практике Европейского суда по правам человека //Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – №. 3 (31). – С. 168-173.

13. Торопкин С. А. Лишение сотрудников полиции права на пенсию: история и современность //Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – №. 1 (35). – С. 178-183.

14. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.) // Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 18.02.2023).

15. Алебастрова И.А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности: монография. – Москва: Проспект, 2016. – 552 с.

16. Межибовская И.В. Государственное материальное обеспечение нетрудоспособных граждан в Республике Казахстан (правовой аспект) / И.В. Межибовская, учебное пособие. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 497 с.

17. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. – М.: Норма, 2005. – 320 с.

18. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / под ред. профессора В.В. Еремяна. – М: Междунар. отношения, 2007. – 496 с.

19. Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 153-VII «О Конституционном Суде Республики Казахстан» / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // Электронный ресурс: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000153> (дата обращения: 18.02.2023).

А.Н. Ақпанов, А.М. Нұрмағамбетов

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Қазақстан Республикасының Конституциялық Соты азаматтардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғау туралы: еңбек сіңірген жылдары үшін зейнетақымен қамсыздандыру

Аңдатпа. Сарапшылар ретінде конституциялық іс жүргізуге қатысқан авторлар оқырмандардың назарына ҚР Конституциялық сотына азамат Б. К. Байжумановтың өтінішін қараудың алдын ала кезеңін ұсынды. Мақалада заңнаманың тиісті халықаралық және ұлттық нормативтік құқықтық көздерін талдауға, арнайы әдебиеттерді зерделеуге және қылмыстық, қылмыстық іс жүргізу, еңбек құқығы және әлеуметтік қамсыздандыру, құқық қорғау қызметі және зейнетақы құқықтық қатынастары саласындағы заңнаманың тиісті нормаларын доктриналық түсіндіруге негізделген олар дайындаған ғылыми құқықтық қорытындылардың негізгі ережелері баяндалған.

Түйін сөздер: ҚР Конституциясы, құқық қорғау органдары, арнаулы атақтан айыру, еңбек сіңірген жылдары бойынша зейнетақы төлеу құқығын тоқтату, сот ҚР Қылмыстық кодексінің 49-бабын қолданған кезде дискреция, зейнетақымен қамсыздандыру, зейнетақыдан айыру, зейнетақы құқықтық қатынастары

A.N. Akhpanov, A.M. Nurmagambetov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan on the protection of the rights and legitimate interests of citizens: pension provision for long service

Abstract. The authors who participated in the constitutional proceedings as experts have presented to the readers the preliminary stage of consideration of the appeal to the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan of citizen B.K. Baizhumanov. The article outlines the main provisions of the scientific legal conclusions prepared by them, based on the analysis of relevant international and national regulatory legal sources of legislation, the research of special literature, and the doctrinal interpretation of relevant legislation in the field of criminal, criminal procedure, labor law, and social security, law enforcement and pension legal relations.

Keywords: Constitution of the Republic of Kazakhstan, law enforcement agencies, deprivation of a special rank, termination of the right to a superannuation pension, discretion in the application by the court of Article 49 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, pension provision, deprivation of pension, guarantees of subjects of pension legal relations.

References

1. Normativnoe postanovlenie Konstitucionnogo Suda Respubliki Kazahstan ot 27 marta 2023 goda № 5 «O rassmotrenii na sootvetstvie Konstitucii Respubliki Kazahstan podpunkta 3) punkta 1 stat'i 10, punkta 1 stat'i 64 i punkta 2 stat'i 65 Zakona Respubliki Kazahstan «O pensionnom obespechenii v Respublike Kazahstan» // Respublikanskaja gazeta «Kazahstanskaja pravda» ot 28 marta 2023 g. № 57 (29934) – S. 6.

2. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 3 ijulja 2014 goda № 226-V / Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet» // Jelektronnyj resurs: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (accessed: 18.02.2023).

3. Konstitucija Respubliki Kazahstan (prinjata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda) / Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet» // Jelektronnyj resurs: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (accessed: 18.02.2023)

4. Zakon Respubliki Kazahstan ot 6 janvarja 2011 goda № 380-IV «O pravoohranitel'noj sluzhbe» / Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet» // Jelektronnyj resurs: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380> (accessed: 18.02.2023).

5. Zakon Respubliki Kazahstan ot 21 ijunja 2013 goda № 105-V «O pensionnom obespechenii v Respublike Kazahstan» / Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet» // Jelektronnyj resurs: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000105> (accessed: 18.02.2023).

6. Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 4 ijulja 2014 goda № 231-V / Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet» // Jelektronnyj resurs: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (accessed: 18.02.2023).

7. Federal'nyj zakon «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» ot 30.11.2011 N 342-FZ / Spravochnaja pravovaja sistema «Konsul'tantPljus» // Jelektronnyj resurs: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (accessed: 18.02.2023).

8. Konstitucionnyj zakon Respubliki Kazahstan ot 25 dekabnja 2000 goda № 132-II «O sudebnoj sisteme i statute sudej Respubliki Kazahstan» / Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet» // Jelektronnyj resurs: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021164 (accessed: 18.02.2023).

9. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 5 ijulja 2014 goda № 234-V / Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet» // Jelektronnyj resurs: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (accessed: 18.02.2023).

10. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovanjem 12.12.1993 s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020) / Spravochnaja pravovaja sistema «Konsul'tantPljus» // Jelektronnyj resurs: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 18.02.2023).

11. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 12.04.2005 N 184-O «Po zhalobe grazhdanina Efimova Vladimira Alekseevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'ju tret'ej stat'i 2 Zakona Rossijskoj Federacii «O pensionnom obespečenii lic, prohodivshih voennuju sluzhbu, sluzhbu v organah vnutrennih del, Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhbe, organah po kontrolju za oborotom narkoticheskih sredstv i psihotropnyh veshhestv, uchrezhdenijah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, i ih semej» / Spravochnaja pravovaja sistema «Konsul'tantPljus» // Jelektronnyj resurs: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54118/ (accessed: 18.02.2023).

12. Toropkin S. A. Pravo na pensiju v praktike Evropejskogo suda po pravam cheloveka //Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2015. – №. 3 (31). – S. 168-173.

13. Toropkin S. A. Lishenie sotrudnikov policii prava na pensiju: istorija i sovremennost' //Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika. – 2016. – №. 1 (35). – S. 178-183.

14. Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka (prinjata na tret'ej sessii General'noj Assamblei OON 10 dekabnja 1948 g.) // Jelektronnyj resurs: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed: 18.02.2023).

15. Alebastrova I.A. Konstitucionalizm kak pravovoe osnovanie social'noj solidarnosti: monografija. – Moskva: Prospekt, 2016. – 552 s.

16. Mezhibovskaja I.V. Gosudarstvennoe material'noe obespečenje netrudosposobnyh grazhdan v Respublike Kazahstan (pravovoj aspekt) / I.V. Mezhibovskaja, uchebnoe posobie. – Almaty: Kazak universiteti, 2014. – 497 s.

17. Habrieva T.Ja., Chirkin V.E. Teorija sovremennoj konstitucii. – M.: Norma, 2005.

– 320 s.

18. Klishas A.A. Konstitucionnyj kontrol' i konstitucionnoe pravosudie zarubezhnyh stran. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie / pod red. professora V.V. Eremjana. – M: Mezhdunar. otnoshenija, 2007. – 496 s.

19. Konstitucionnyj zakon Respubliki Kazahstan ot 5 nojabrja 2022 goda № 153-VII «O Konstitucionnom Sude Respubliki Kazahstan» / Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Adilet» // Jelektronnyj resurs: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000153> (accessed: 18.02.2023).

Сведения об авторах:

А.Н. Ахпанов – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

А.М. Нурмагамбетов – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и гражданского права, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

A.N. Akhpanov – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

A.M. Nurmagambetov – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Legal regulation of tourism: experience and prospects

Abstract. This article examines the issues of existing international and national experience in the field of legal regulation of tourism in the post-pandemic world. The main stages of development of legislation on tourism in the Republic of Kazakhstan have been formed, which is one of the fundamental conditions for the formation of a separate branch of tourism law. The article provides examples of international regulation of the tourism sector, as well as models of state policy regarding the development and stimulation of tourism activities. Thus, the analysis made a certain contribution to the theoretical foundations of tourism law.

Keywords: tourism, pandemic, Kazakhstan, support of tourist activities.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-35-48>

Introduction

The development of tourism and tourist activities is aimed at increasing the level of mobility and employment of the country's population, contributing to the stable economic growth of regional economies, and the rational use of cultural and natural heritage sites. These circumstances make a significant contribution to ensuring a decent life and free development of man and citizen and also act as one of the priorities of sustainable development of the Republic of Kazakhstan as a social legal state.

The sustainable existence and sustainable development of tourism is possible only with proper legal support. As early as 1989, the Hague Declaration of the Inter-Parliamentary Conference on

Tourism [1] stated that parliaments should consider, in the light of the conclusions of the conference, all legal rules relating to tourism with a view to combining them (while addressing existing gaps) into comprehensive legislation that would codify national tourism policies and priorities [2].

The global coronavirus pandemic has led to the world's largest crisis, affecting various sectors of the economy, including the tourism industry. According to the World Tourism Organization (UNWTO), 2020 was the worst year in history for global tourism: the number of international trips decreased by 74% compared to 2019 [3].

The global crisis associated with the pandemic has also affected the Republic of Kazakhstan. Due to the epidemiological situation and restrictive quarantine

measures for crossing borders in the first 9 months of 2021, there is a decrease in the number of visitors to inbound tourism by 46.8% (0.95 million people against 1.8 million) compared to the same period last year.

Meanwhile, over the same period, domestic tourism in accommodation places has seen an increase in the number of visitors by 64.6%, which amounted to 3.9 million people.

With the easing of quarantine measures since the beginning of the year, the volume of services provided by accommodation places is returning to the pre-quarantine level. Thus, according to the results of January-September 2021, there is an increase of 66.4% (78.9 billion tenge) compared to the same period of the previous year [3].

In the global Travel and Tourism Competitiveness Index of the World Economic Forum-2019 (the consolidated ranking of the world's countries on the Global Competitiveness Index in 2020 was not presented), Kazakhstan ranks 80th out of 140 countries, having improved its position compared to the previous index in 2017 - 81st place (evaluated once every two years, the best countries in the ranking are Spain, France and Germany, the worst being Yemen, Chad, and Liberia). The rating considers a number of factors that ensure the sustainable development of the travel and tourism sector [3].

The current state of tourist activity testifies to the need for the appropriate legal regulation of the existing social relations in view of their specificity and the presence of a special sectoral set of regulatory legal acts. In addition, the availability of special sectoral legislation in the field of tourism will facilitate law enforcement practice, create conditions for

the further development and strengthening of this sector of the economy, and open opportunities for the establishment and implementation of numerous start-up projects, including the direction of domestic ecological tourism.

Stages of formation of the legislation of the Republic of Kazakhstan

In Kazakhstan, legislation in the field of tourism activities has passed in its development **3 stages**, which are directly related to the adoption of special separate regulatory legal acts.

The first stage (1991-1999) was a turning point in the development of tourism in Kazakhstan, the transition to a market economy contributed to a change in the structure of the tourism industry, an increase in the number of firms engaged in the sale of tourist services (travel agency), the emergence of new laws, norms, and rules that create conditions for the development of private entrepreneurship in tourism.

With the acquisition of independence in the Republic of Kazakhstan, the basis was laid for the regulation of tourist activities and the revival of the historical and cultural heritage of the people:

1. Law of the Republic of Kazakhstan "On Tourism" dated July 3, 1992, No. 1508-XII; [4]

2. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan: "On the implementation of the Tashkent Declaration of the Heads of Turkic-Speaking States, the project of UNESCO and the World Tourism Organization for the development of tourism infrastructure on the Great Silk Road in the Republic of Kazakhstan" dated April 30, 1997 No. 3476; [5] "On the State Program of the Republic

of Kazakhstan "Revival of the Historical Centers of the Silk Road, Preservation and Successive Development of the Cultural Heritage of the Turkic-Speaking States, Creation of Tourism Infrastructure" dated February 27, 1998 No. 3859 [6], etc.

Regarding **the issues of state support** for private entrepreneurship in tourism, the Regulation of the Cabinet of Ministers of the Republic of Kazakhstan "Resolution on the Development of Tourism and Sports" [dated April 22, 1998] was adopted, the purpose of which was "... *exempt enterprises and organizations that direct profits from production activities to the development of tourism, physical culture, and sports, reconstruction, construction of tourist and sports facilities, as well as carrying out their construction, from paying income taxes in the part that is aimed at these purposes; exempt tourist and sports facilities from taxes on value-added received from tourist and sports services.*"

The second stage (2001-2019) in the legislation in the field of tourism activities gave impetus to progressive changes. The peculiarity of this stage is the reform of the legislative framework in the field of tourism and the development of a new concept for the development of tourism. State support for the first time is manifested in the financial support of the industry.

On June 13, 2001, the Law of the Republic of Kazakhstan No. 211-II "On Tourist Activity in the Republic of Kazakhstan" was adopted [8].

Normative legal consolidation of **state support for the tourism sector of this period**, inbound and domestic, in particular, in Kazakhstan is represented by three areas:

1) Inclusion of the tourism sector in the current provisions of national

programs for the support and development of entrepreneurship. Such programs include the Unified Program for Business Support and Development "Business Road Map - 2020" [9], in which the main areas of entrepreneurship support are: support for new business initiatives of entrepreneurs of single-industry towns, small towns, and rural settlements; sectoral support entrepreneurs/subjects of industrial and innovative activities that carry out activities in priority sectors of the economy and manufacturing industries; reduction of currency risks of entrepreneurs; provision of non-financial measures to support entrepreneurship.

2) Legislation of the Republic of Kazakhstan, providing for the forms and methods of state support, a simplified regulatory regime. Among this category of regulatory legal acts: the Entrepreneurial Code of the Republic of Kazakhstan (investment bonuses, simplification of the control and supervisory system) [10]; Law of the Republic of Kazakhstan "On Permits and Notifications" [11] (optimization of permitting procedures); Tax Code of the Republic of Kazakhstan (simplified taxation procedure for individual entrepreneurs, non-governmental organizations).

3) Sectoral program and regulatory legal documents: Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated June 30, 2017, No. 406 "On Approval of the Concept for the Development of the Tourism Industry of the Republic of Kazakhstan until 2023" [12], within the framework of which it is planned to maximize the investment climate for the development of tourism. [13]

The last **third stage (2020-present)** is characterized by active state and legislative measures to support the way out of the

crisis of the tourism sector of the economy caused by the COVID-19 pandemic. Thus, the state of the program for the development of the tourism industry of the Republic of Kazakhstan for 2019-2025 (Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated May 31, 2019, No. 360) [14] due to the global situation could not be implemented, and accordingly, the goal of increasing the share of tourism in total GDP by at least 8% by 2025 is not feasible.

To provide prompt support measures, the Law of the Republic of Kazakhstan dated April 30, 2021, No. 34-VII "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Tourist Activities" [15] was adopted, providing for numerous **stimulating, compensatory norms to support the domestic tourism industry**. Thanks to these changes, from January 1, 2022, state support measures were launched:

1. Subsidizing the costs of tour operators for a foreign tourist (15 000 tenge);
2. The state began to reimburse part of the costs of business entities for the purchase of equipment and machinery for ski resorts (25%);
3. Subsidizing the cost of the ticket included in the tourist product when carrying minor passengers by air;
4. Partial reimbursement of costs of business entities in the construction, and reconstruction of tourist facilities (10%);
5. Reimbursement of part of the costs of business entities for the construction of roadside service facilities (10%);
6. Partial reimbursement of expenses for the purchase of tourist buses (25%);
7. Reimbursement of costs for the

maintenance of sanitary and hygienic services (83 300 tenge/month).

Other legislative changes:

1. Introduction of the concept of priority tourist territory;
2. Reduction of the threshold for tourism investment projects in terms of

volume investments from 2 million times to 200-thousand times the MCI indicator to obtain investment preferences;

3. the introduction of the "tourist fee" system;
4. fragmentation of the license for tour operator activity into subspecies –

in the field of outbound tourism, in the field of inbound and domestic tourism, etc.

At present, the Republic of Kazakhstan has a visa-free regime for citizens of 77 countries, including a visa-free regime of up to 14 days for citizens of China, India, and Iran. After the coronavirus pandemic, international flights with 28 countries on 111 routes were restored.

At the same time, the adopted norms have several shortcomings that require elimination and harmonization with international legal norms.

International experience in legal regulation

The legal regulation of international tourism on a multilateral basis is carried out, first, within the framework of the UN, within the framework of which the main international conventions and agreements on the legal regulation of international tourism have been developed and adopted. These include:

The Universal Declaration of Human Rights of 1948, Article 24 of which enshrines for everyone "the right to rest

and free time, including reasonable limitation of working hours and periodically paid holidays" [16];

The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 1966, according to Articles 7 and 15 of which States "undertake to ensure to everyone the right to rest, free time, reasonable limitation of working hours and holidays with periodic pay, as well as payment for public holidays" [17];

The International Covenant on Civil and Political Rights of 1966, articles 1 and 12 of which state: "For the sake of their cultural development, all peoples have the right freely to dispose of their natural wealth and resources"; "every citizen has the right to freedom of movement and the right to leave any country, including his own" [18];

General Resolution of the United Nations Rome Conference on International Tourism and Travel of 1963 [19];

Final Act of the 1975 Conference on Security and Cooperation in Europe [20];

Manila Declaration on World Tourism (adopted by the World Tourism Conference) of 1980 [21];

A document by Acapulco (Mexico) on the outcome of the discussion on actions to progressively achieve the goals set out in the Manila Declaration on World Tourism, 1982 [22];

Charter of Tourism (Tourist Code) of 1985 [23];

Final document of the Vienna Meeting of Representatives of the States Participating in the Conference on Security and Cooperation in Europe in 1989 [24];

The Hague Declaration on Tourism of 1989 [2];

Declaration of the World Tourism Forum of the World Conference of Ministers of Tourism (Osaka, Japan) of

1994 and a number of other international conventions and agreements regulating the international legal aspects of tourism [25];

Regional international treaties in the field of tourism include, for example, the Agreement in the field of Tourism of the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS) of December 23, 1993, the main purpose of which is to simplify border and customs formalities, coordinate cooperation within the framework of international organizations, including the WTO [26].

Ratification and adoption of international legal documents had a positive impact on the development of the Kazakhstan tourism market.

One of the steps towards the development of international relations in the field of tourism was the accession of Kazakhstan in 1993 as a full member to the World Tourism Organization (hereinafter - THE WTO), the conclusion of international agreements on cooperation in the field of tourism. It should be noted that a number of agreements are initiated by the governments of foreign countries, finding Kazakhstan a promising partnership with a rich tourist potential.

Based on the analysis, considering the recommendations of the WTO and the existing experience, two basic components of Kazakhstan's tourist product can be distinguished: cultural tourism on the Silk Road (pilgrimage and traditional) and closely related eco-adventure tourism (safari, rafting, ornithological, trekking, mountaineering, hunting, fishing). In this regard, increased attention was paid to the regions with resources for eco-adventure tourism, through which the Silk Road route runs - Almaty, Dzhambul, South Kazakhstan, East Kazakhstan, and Akmola regions.

The international practice has formed **three effective approaches** to state regulation of the development of national tourism:

1. independent development of tourism on local terms on market terms (developed countries with large private tourism companies (legal entities or individual entrepreneurs engaged in the sale of tourist services); the country should be comprehensively attractive to tourists);

2. creation of a special state body with great powers (countries with transition and developing economies; political interest in maintaining inbound tourism and the national tourism industry);

3. state coordination of tourism in a multidisciplinary ministry (developed relations of public-private partnership; with a special promotion of the national tourist product abroad) [27]. Currently, the third approach is being implemented in Kazakhstan: The Ministry of Culture and Sports has been created in the republic, within which the Tourism Industry Committee has been created.

Many nations of the world have recognized the importance of tourism and have adopted laws governing **the state direction and policy in tourism**. The Republic of Korea and Japan have adopted the "Basic Law on Tourism" [28], on the basis of which they develop all the necessary legal tools necessary in the tourism business. Both nations are making great efforts to promote tourism. In the case of France, the government adopted the «Code of Laws on Tourism», which has the character of a basic law, containing a variety of legislative acts related to tourism, systematically developed in a consistent provision. Countries have their own methods to provide the necessary fund to finance the development and

support of the tourism industry and issue the necessary legislative acts for the use of financial resources. Korea provides **financial support** for the tourism business in accordance with the Law "On the Fund for the Promotion of Tourism and Development". In Bern (Switzerland), the state taxes accommodation in accordance with the law on the promotion of tourism. [29]

Analysis of the international experience of countries that have identified tourism as a priority direction of the economy showed several of the most effective *measures of state support* for tourism activities:

1) direct political will and support over the years from the country's leadership to combine conflicting priorities; 2) direct financial participation of the state in the development of large resort areas through the creation of specialized agencies, funds and operators; 3) financial incentives and mechanisms to support investment in tourist facilities; 4) direct state financing of the creation of engineering and communication, transport and "soft" tourism infrastructure (provision of qualified human resources, information support), as well as the creation of the most significant projects in the tourism industry. [13]

Discussion of the problems of the tourism industry in Kazakhstan

The development of the tourism industry at an accelerated pace and the increase in the negative consequences of competition and commercialization of tourism activities, as well as recent world events (pandemic, the geopolitical situation, etc.) have led to an understanding not only of the need to provide measures of state support and

state regulation of the tourism business but also to the fair use by business entities of the state aid provided.

In Kazakhstan, tourism is a developing branch of the economy, and therefore there is a real need to improve the regulatory and legal regulation of tourism activities carried out both within and outside the country.

The study of the problems of development of the tourism industry in Kazakhstan allows us to identify the following types of problems: economic, organizational, legal, sociocultural, infrastructural, and environmental. All these problems are interrelated and interdependent, which reflect the tourist and recreational complex of Kazakhstan, and the general socio-economic problems of the country.

Legislative novelties of recent years have generally had a positive impact on the situation in Kazakhstan's tourism (especially domestic tourism, as the statistics above show):

- a system of guaranteeing the rights of citizens of the Republic of Kazakhstan in the field of outbound tourism (financial support for the responsibility of tour operators and tour operators-charterers);

- there has been defined a mechanism for protecting the rights of tourists in the field of outbound tourism, emergency assistance (carried out by the administrator in the field of outbound tourism);

- a set of measures to support domestic and inbound tourism has been determined (the State Program for the Development of the Tourism Industry of the Republic of Kazakhstan for 2019- 2025, approved by the Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated May 31, 2019, No. 360, the Development

Strategy of the Joint Stock Company "National Company "KazakhTourism" for 2022 - 2031, etc.); [30]

- a number of measures of state support are fixed through the provision of subsidies and reimbursements of part of the costs of tour operators, and business entities in the implementation of various activities aimed at the development of tourism (subsidizing the costs of tour operators in the field of inbound tourism for each foreign tourist, reimbursement of part of the costs of business entities in the construction, reconstruction of tourist facilities, reimbursement of part of the costs of subjects entrepreneurship for the purchase of equipment and machinery for ski resorts, reimbursement of part of the costs for the maintenance of sanitary and hygienic units, reimbursement of part of the costs of business entities for the construction of roadside service facilities, reimbursement of part of the costs of purchasing motor vehicles with a capacity of more than eight seats, excluding the driver's seat, to business entities engaged in tourist activities, etc.)

- The procedure for the formation, and functioning of priority tourist territories and their management, etc. is provided.

Conclusion

At the same time, Kazakhstan's legislation on tourism activities needs further development and improvement, bringing it in line with international legal norms, rules, and standards, considering national traditions of legal regulation. The following shortcomings of the legislation require timely resolution:

- 1) Lack of detailed regulation of the legal status of priority tourist areas. The absence of clear criteria for classification as

such becomes the subject of legal conflicts. Thus, in the order of the Minister of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan dated October 27, 2021, No. 332 "On Approval of the Touristification Card", there are no grounds, criteria, and conditions for classifying these tourist territories of the republican level in the map of touristification [31].

2) Insufficient regulation of investment activities, and issues of attracting investments in the field of tourism. Article 14-2, devoted to state support for investments, restricts the rights of legal entities depending on the priority of the investment project in accordance with the norms of the Entrepreneurial Code and excludes the possibility of obtaining preferences from individual investors.

3) The presence of gaps in legal norms; corruption risks in the norms of law included in the Law of the Republic of

Kazakhstan dated April 30, 2021, No. 34-VII "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Tourist Activities" on measures of state support for tourism activities.

4) Along with the existence of many norms enshrining the competencies of the authorized body and the Ministry of Education in terms of subsidizing and reimbursing certain costs to business entities, however, in those parts of the law on tourism activities there are no special norms establishing possible measures of state support for tourism activities.

5) The need to bring in line with the norms of the tax and budget legislation of the Republic of Kazakhstan, since the established measures of state support are associated with certain financial costs from the Republican and local budgets.

References

1. The Hague Declaration on Tourism (14 April 1989) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30840439&pos=3;-70#pos=3;-70 (accessed: 20.09.2022).
2. Legal support of tourism: textbook / team of authors; ed. by E.L. Pisarevsky. – M.: Federal Agency for Tourism, 2014. p. 7.
3. Draft Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan "On Approval of the Concept of Development of the Tourism Industry of the Republic of Kazakhstan until 2026" <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=14018347> (accessed: 20.09.2022).
4. Law of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 1992 No. 1508-XII On Tourism (with amendments) (has lost its force). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001314 (accessed: 20.09.2022).
5. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated April 30, 1997 N 3476 "On the implementation of the Tashkent Declaration of the Heads of Turkic-Speaking States, the project of UNESCO and the World Tourism Organization for the development of tourism infrastructure on the Great Silk Road in the Republic of Kazakhstan". <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U970003476> (accessed: 20.09.2022).
6. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 27, 1998 N 3859 On the State Program of the Republic of Kazakhstan "Revival of historical centers of

the Silk Road, preservation and successive development of the cultural heritage of Turkic-speaking states, creation of tourism infrastructure" (Lost its force by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated January 14, 2008 N 511). https://adilet.zan.kz/rus/docs/U980003859_/history (accessed: 20.09.2022).

7. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Kazakhstan dated April 22, 1992 No. 369 "On the development of tourism and progress in the Republic of Kazakhstan" (Lost its force - by the Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated August 3, 2005 N 810 (P050810). https://adilet.zan.kz/rus/docs/P920000369_/links (accessed: 20.09.2022).

8. Law of the Republic of Kazakhstan "On Tourist Activity in the Republic of Kazakhstan" dated June 13, 2001 N 211. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000211> (accessed: 20.09.2022).

9. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan "On Approval of the Unified Program for Business Support and Development "Business Road Map 2020", Amendments to the Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated June 10, 2010 No. 556 "On Some Measures to Implement the Business Road Map 2020 Program and Recognition of Certain Decisions of the Government of the Republic of Kazakhstan" dated March 31, 2015 No. 16. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500000168> (accessed: 20.09.2022).

10. Entrepreneurial Code of the Republic of Kazakhstan. Code of the Republic of Kazakhstan dated October 29, 2015 No. 375-V air defense system. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375> (accessed: 20.09.2022).

11. Law of the Republic of Kazakhstan "On Permits and Notifications" dated May 16, 2014. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000202> (accessed: 20.09.2022)

12. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan "On Approval of the Concept of Development of the Tourism Industry of the Republic of Kazakhstan until 2023" dated June 30, 2017. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000406> (accessed: 20.09.2022).

13. Petrenko E.S., Dauletova A.M., Mazhitova S.K., Shabaltina L.V. Analysis of measures of state support for the development of tourism in the Republic of Kazakhstan. JOURNAL OF INTERNATIONAL ECONOMIC AFFAIRS #4'2019 (October-December). (accessed: 20.09.2022)

14. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan "On Approval of the State Program for the Development of the Tourism Industry of the Republic of Kazakhstan for 2019-2025" dated May 31, 2019. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000360/history> (accessed: 20.09.2022).

15. The Law of the Republic of Kazakhstan "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Tourist Activities" dated April 30, 2021. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000034> (accessed: 20.09.2022).

16. Universal Declaration of Human Rights of 10 December 1948. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O4800000001> (accessed: 20.09.2022)

17. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, of 16 December 1966. <https://sud.gov.kz/rus/content/mezhdunarodnyy-pakt-ob-ekonomicheskikh-socialnyh-i-kulturnyh-pravah> (accessed: 20.09.2022).

-
18. International Covenant on Civil and Political Rights of 16 December 1966. <https://sud.gov.kz/rus/content/mezhdunarodnyy-pakt-o-grazhdanskih-i-politicheskikh-pravah> (accessed: 20.09.2022).
19. United Nations Conference on International Tourism and Travel, 1963. <https://docs.cntd.ru/document/901813699> (accessed: 20.09.2022).
20. Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe of 1975 <https://docs.cntd.ru/document/1901862> (accessed: 20.09.2022).
21. Manila Declaration on World Tourism. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30840437 (accessed: 20.09.2022).
22. Document by Acapulco (Mexico) on the discussion on actions to progressively achieve the goals set by the Manila Declaration on World Tourism, 1982 <https://docs.cntd.ru/document/901813697> (accessed: 20.09.2022).
23. Tourism Charter (Tourist Code) 1985 https://city-tourism.kz/f/hartiya_turizma_i_kodeks_turista.pdf (accessed: 20.09.2022).
24. Final Document of the Vienna Meeting of Representatives of the States Participating in the Conference on Security and Cooperation in Europe in 1989 https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1016882 (accessed: 20.09.2022).
25. Declaration of the World Tourism Forum of the World Conference of Ministers of Tourism (Osaka, Japan) of 1994 and a number of other international conventions and agreements regulating the international legal aspects of tourism. <https://docs.cntd.ru/document/901756803> (accessed: 20.09.2022).
26. Agreement in the field of tourism of the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS) of December 23, 1993 https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31282562 (accessed: 20.09.2022).
27. Böhret C., Konzendorf G. Handbuch Gesetzesfolgenabschätzung (GFA) – Gesetze, Verordnungen, Verwaltungsvorschriften. – Baden-Baden: Nomos – 2001; Kudryavtseva Yu.V. Strategic aspects of innovative development of international tourism of the Russian Federation within the framework of the EurAsEC // Creative Economy. – 2014. – № 2(86). – с. 64-73. – url: <http://bgscience.ru/lib/5085>.; Maklashina L.R. Factors influencing the development of innovative activities of tourism industry enterprises // Creative economy. – 2012. – No 5(65). – p. 116-120. – url: <http://bgscience.ru/lib/4730>.; Dagman S. Conceptual approaches to sustainable tourism based on the use of integral marketing methods // Economic relations. – 2019. – No 4. – doi: 10.18334/eo.9.4.41297 (accessed: 20.09.2022).
28. Law of Japan on Tourism, 1952 <http://konamike.net/hiro/documents/2007JAFITTOYOUNIV.pdf> (accessed: 20.09.2022).
29. The concept of the draft law "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Tourist Activities" (draft) <https://legalacts.egov.kz/application/downloadconcept?id=1961133> (accessed: 20.09.2022).
30. Development strategy of the joint-stock company "National Company "KazakhTourism" for 2022-2031. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000948> (accessed: 20.09.2022).

31. Order of the Minister of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan dated October 27, 2021 No. 332 "On Approval of the Touristification Card". <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100024950> (accessed: 20.09.2022).

А.А. Мукашева, Н.Ө. Ыбырай

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Туризмді құқықтық реттеу: тәжірибесі және перспективалар

Аңдатпа. Бұл мақалада пандемиядан кейінгі әлем жағдайында туризмді құқықтық реттеу саласындағы халықаралық және ұлттық тәжірибе мәселелері қарастырылады. Қазақстан Республикасында туризм туралы заңнаманы дамытудың негізгі кезеңдері қалыптастырылды, бұл туризм туралы құқықтың жекелеген саласын қалыптастырудың негізгі шарттарының бірі болып табылады. Мақалада туризм саласын халықаралық реттеудің мысалдары, сондай-ақ туристік қызметті дамыту мен ынталандыруға қатысты мемлекеттік саясат модельдері келтірілген. Осылайша, жүргізілген талдау туризм туралы құқықтың теориялық негіздеріне белгілі бір үлес қосады.

Түйін сөздер: туризм, пандемия, Қазақстан, туристік қызметті қолдау.

А.А. Мукашева, Н.О. Ыбырай

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Правовое регулирование туризма: опыт и перспективы

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы имеющегося международного и национального опыта в сфере правового регулирования туризма в условиях постпандемийного мира. Сформированы основные этапы развития законодательства о туризме в Республике Казахстан, что является одним из основополагающих условий становления отдельной отрасли права о туризме. В статье приводятся примеры международного регулирования сферы туризма, а также модели государственной политики в отношении развития и стимулирования туристической деятельности. Тем самым проведенный анализ внесет определенный вклад в теоретические основы права о туризме.

Ключевые слова: туризм, пандемия, Казахстан, поддержка туристской деятельности.

Список литературы

1. Гагская декларация по туризму (14 апреля 1989 года) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30840439&pos=3;-70#pos=3;-70 (Дата обращения: 20.09.2022)
2. Правовое обеспечение туризма: учебник / коллектив авторов; под общ. ред. Е.Л. Писаревского. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. – С. 7.
3. Проект постановления правительства Республики Казахстан «Об утверждении Концепции развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2026 года». <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=14018347> (Дата обращения: 20.09.2022)
4. Закон Республики Казахстан от 3 июля 1992 г. № 1508-ХІІ О туризме (с изменениями) (утратил силу). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001314 (Дата обращения: 20.09.2022)
5. Указ Президента Республики Казахстан от 30 апреля 1997 г. N 3476 «О реализации Ташкентской декларации глав тюркоязычных государств, проекта ЮНЕСКО и Всемирной Туристской организации по развитию инфраструктуры туризма на Великом Шелковом пути в Республике Казахстан». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U970003476> (Дата обращения: 20.09.2022)
6. Указ Президента Республики Казахстан от 27 февраля 1998 г. N 3859 О Государственной программе Республики Казахстан "Возрождение исторических центров Шелкового пути, сохранение и преемственное развитие культурного наследия тюркоязычных государств, создание инфраструктуры туризма" (Утратил силу Указом Президента Республики Казахстан от 14 января 2008 года N 511). https://adilet.zan.kz/rus/docs/U980003859/_/history (Дата обращения: 20.09.2022)
7. Постановление Кабинета Министров Республики Казахстан от 22 апреля 1992 г. N 369 «О развитии туризма и спорта в Республике Казахстан» (Утратило силу - постановлением Правительства РК от 3 августа 2005 года N 810 (P050810)). https://adilet.zan.kz/rus/docs/P920000369/_/links (Дата обращения: 20.09.2022)
8. Закон Республики Казахстан «О туристской деятельности в Республике Казахстан» от 13 июня 2001 года N 211. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000211> (Дата обращения: 20.09.2022)
9. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Единой программы поддержки и развития бизнеса "Дорожная карта бизнеса 2020", внесении изменений в постановление Правительства Республики Казахстан от 10 июня 2010 года № 556 "О некоторых мерах по реализации Программы "Дорожная карта бизнеса 2020" и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Казахстан" от 31 марта 2015 года № 16. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500000168> (Дата обращения: 20.09.2022)
10. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V ЗРК. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375> (Дата обращения: 20.09.2022)
11. Закон Республики Казахстан «О разрешениях и уведомлениях» от 16 мая 2014 года. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000202> (Дата обращения: 20.09.2022)

-
12. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Концепции развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2023 года» от 30 июня 2017. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000406> (Дата обращения: 20.09.2022)
 13. Петренко Е.С., Даулетова А.М., Мажитова С.К., Шабалтина Л.В. Анализ мер государственной поддержки по развитию туризма в Республике Казахстан. JOURNAL OF INTERNATIONAL ECONOMIC AFFAIRS #4'2019 (October-December). (Дата обращения: 20.09.2022)
 14. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Государственной программы развития туристской отрасли Республики Казахстан на 2019-2025 годы» от 31 мая 2019 года. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000360/history> (Дата обращения: 20.09.2022)
 15. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам туристской деятельности» от 30 апреля 2021 года. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000034> (Дата обращения: 20.09.2022)
 16. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O4800000001> (Дата обращения: 20.09.2022)
 17. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года. <https://sud.gov.kz/rus/content/mezhdunarodnyy-pakt-ob-ekonomicheskikh-socialnyh-i-kulturnyh-pravah> (Дата обращения: 20.09.2022)
 18. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года. <https://sud.gov.kz/rus/content/mezhdunarodnyy-pakt-o-grazhdanskih-i-politicheskikh-pravah> (Дата обращения: 20.09.2022)
 19. Конференция Организации Объединенных Наций по международному туризму и путешествиям 1963 года. <https://docs.cntd.ru/document/901813699> (Дата обращения: 20.09.2022)
 20. Заключительный акт Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. <https://docs.cntd.ru/document/1901862> (Дата обращения: 20.09.2022)
 21. Манильская декларация по мировому туризму. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30840437 (Дата обращения: 20.09.2022)
 22. Документ Акапулько (Мексика) по итогам обсуждения действий по постепенному достижению целей, намеченных Манильской декларацией по мировому туризму, 1982 г. <https://docs.cntd.ru/document/901813697> (Дата обращения: 20.09.2022)
 23. Хартия туризма (Кодекс туриста) 1985 г. https://city-tourism.kz/f/hartiya_turizma_i_kodeks_turista.pdf (Дата обращения: 20.09.2022)
 24. Итоговый документ Венской встречи представителей государств-участников Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1989 г. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1016882 (Дата обращения: 20.09.2022)
 25. Декларация Мирового туристского форума Всемирной конференции министров по туризму (г. Осака, Япония) 1994 г. и ряд других международных конвенций и соглашений, регулирующих международно-правовые аспекты туризма. <https://docs.cntd.ru/document/901756803> (Дата обращения: 20.09.2022)

-
26. Соглашение в области туризма стран Содружества Независимых Государств (СНГ) от 23 декабря 1993 г. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31282562 (Дата обращения: 20.09.2022)
27. Böhret C., Konzendorf G. Handbuch Gesetzesfolgenabschätzung (GFA) – Gesetze, Verordnungen, Verwaltungsvorschriften. - Baden-Baden: Nomos – 2001; Кудрявцева Ю.В. Стратегические аспекты инновационного развития международного туризма РФ в рамках ЕвразЭС // Креативная экономика. – 2014. – № 2(86). – с. 64-73. – url: <http://bgscience.ru/lib/5085>; Маклашина Л.Р. Факторы, влияющие на развитие инновационной деятельности предприятий индустрии туризма // Креативная экономика. – 2012. – № 5(65). – с. 116-120. – url: <http://bgscience.ru/lib/4730>; Дагман С. Концептуальные подходы к устойчивому туризму на основе использования интегральных методов маркетинга // Экономические отношения. – 2019. – №4. – doi: 10.18334/eo.9.4.41297. (Дата обращения: 20.09.2022)
28. Закон Японии «О туризме», 1952 г. <http://konamike.net/hiro/documents/2007JAFITTOYOUNIV.pdf> (Дата обращения: 20.09.2022)
29. Концепция законопроекта «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам туристской деятельности» (проект) <https://legalacts.egov.kz/application/downloadconcept?id=1961133> (Дата обращения: 20.09.2022)
30. Стратегия развития акционерного общества «Национальная компания «KazakhTourism» на 2022–2031 годы. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000948> (Дата обращения: 20.09.2022)
31. Приказ министра культуры и спорта Республики Казахстан от 27 октября 2021 года № 332 «Об утверждении карты туристификации». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100024950> (Дата обращения: 20.09.2022)

Information about authors:

Mukasheva A.A. - Doctor of Law, Professor at the Department of Civil, labour, and environmental law, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev str., Astana, Kazakhstan.

Үбырай N.U. - The 2nd year master student in Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev str., Astana, Kazakhstan.

Мукашева А.А. - заң ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ заң факультетінің Азаматтық, еңбек және экологиялық құқық кафедрасының профессоры, Сәтпаев көш. 2, Астана, Қазақстан.

Үбырай Н.Ө. - Л. Н. Гумилев атындағы ЕҰУ заң факультетінің екінші жыл докторанты, Сәтпаев көш. 2, Астана, Қазақстан.

Сравнительно-правовой анализ регламентации правового статуса несовершеннолетних

Аннотация. Данное исследование посвящено вопросам правового положения несовершеннолетних. Социальное неблагополучие казахстанских детей, имеющиеся проблемы в реализации формирующейся ювенальной политики государства, декларативность норм законодательства, слабый уровень правовой защиты несовершеннолетних вызывают общественный резонанс и требуют выработки эффективного реагирования государства. Изложенное позволяет подчеркнуть необходимость, важность и своевременность исследования в практической и правоприменительной деятельности, проблем правового положения несовершеннолетних, элементов его структуры, понятийно-категориального аппарата. Проведенный анализ правовой литературы, связанной с проблематикой правового статуса личности, показал как разнообразие научных подходов, теоретических конструкций, так и значительное терминологическое наличие. Проведенное исследование позволяет констатировать, что содержание правового статуса несовершеннолетнего дискусивно. Исследователи еще не пришли к однозначному пониманию в данном вопросе, поэтому формируют его из различных элементов. Как с научной, так и с законодательной позиции, справедливо отметить, что включение в правовой статус новых элементов обогащает его не количественно, а качественно. Делается вывод, что правовой статус ребенка как динамическая характеристика положения его в государстве, испытывая на себе трансформацию общественной жизни и государственно-правовых явлений, подвергается модернизации, отражающей процессы реформ.

Ключевые слова: права ребенка, правовой статус ребенка, несовершеннолетний, защита прав ребенка.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-49-58>

Введение

Содержание правового статуса динамично и отражает весь прогрессивный опыт, накопленный правовой системой и государственной организацией общества, но также и ее недостатки. В Республике Казахстан сравнительно недавно обозначились вопросы правового статуса несовершеннолетних, и это связано в первую очередь с тем, что Конституция 1995 года нормативно определила правовые ценности, основополагающие принципы, руководящие идеи, цели, задачи развития личности, общества и государства. Как самостоятельный субъект международного сообщества Казахстан в п.3 ст. 4 Конституции РК, закрепил: приоритет ратифицированных международных договоров, участником которых Республика является, перед ее законами, что означает необходимость унификации национального законодательства, регулирующего права несовершеннолетних, с общепринятыми международными нормами и стандартами. Во-вторых, это обусловлено ратификацией Конвенции «О правах ребенка» большим количеством государств мирового сообщества. Данное обстоятельство актуализировало вопросы научных изысканий правового положения несовершеннолетнего. 8 июня 1994 года Казахстан ратифицировал Конвенцию о правах ребенка от 20 ноября 1989 года, что привело к началу формирования национального правового механизма защиты прав несовершеннолетних, включая и совершенствование

нормативных актов. В-третьих, новые нормативные акты, закрепляющие правовое положение несовершеннолетних, необходимы для конструирования механизма ювенальной юстиции и правовой политики Республики Казахстан в области охраны детства.

Помимо этого, в современном казахстанском обществе обострились социальные проблемы, требующие от государства больше внимания к их решению, так как в основе негативных явлений зарождается угроза, могущая сказаться на подрастающем и сменяющем его поколении в целом. К такому можно отнести: смертность из-за некачественного медицинского обслуживания; проживание в асоциальных семьях; преступность среди несовершеннолетних; детская безнадзорность и беспризорность; ранняя алкоголизация и наркотизация подростков; насилие в отношении детей; угроза жизни и нарушение прав и др.

Материалы и методы

Методологическая основа заключается в том, чтобы обеспечить целостность и сбалансированность исследования, используя общенаучные методы (в частности: философский, диалектический, синергетический, индуктивный, дедуктивный, метод анализа и синтеза, формализацию, аналогию, материалистический и эмпирический методы), а также формально-юридический для адекватного анализа содержания правового статуса детей в зарубежных странах. С помощью системного и структурно-функционального методов

были определены основные механизмы защиты прав несовершеннолетних. Важное место в системе методов исследования занял также метод юридического анализа нормативно-правовых актов международных и национальных институтов с целью усовершенствования существующей системы защиты прав детей в Республике Казахстан.

Результаты и обсуждения

В юридической литературе советского периода и в современных научных изысканиях правовое положение несовершеннолетнего исследуется как подкатегория общеправового статуса личности [1, с. 125], либо как вытекающее из правового статуса человека и гражданина с учетом возрастных ограничений [2, с. 12]. Анализ иностранной литературы, в свою очередь, свидетельствует, что правовое положение несовершеннолетнего в основном исследовано сквозь призму этической и политической категории, но с учетом юридических прав ребенка [3, р. 19, 31]. Учитывая изложенное, мы попытаемся раскрыть и обосновать самостоятельную юридическую природу правового статуса несовершеннолетнего, используя элементы общего правового статуса личности.

Изучение правовой литературы позволяет определить категорию «правовой статус» как собирательную и аккумулятивную, очерчивающую легальные пределы социальной свободы человека. То есть это мера дозволенного поведения, в границах которого субъект осуществляет свои правомочия и обязанности. Исследуя правовой статус

личности, в основном исходят из выделения элементов: «Правовой статус личности, составляют: права, свободы, обязанности, интересы, юридическая ответственность» [4, с. 350]. Ряд исследователей включает в него большее число элементов, а некоторые сужают его содержание. Небезосновательно правовой статус конструируют из юридических прав, свобод и обязанностей.

Осмелимся предположить, что имеющиеся различия в трактовке структуры правового статуса личности напрямую зависят от различий в интерпретации и трактовках, казалось бы, устоявшихся правовых терминов. Поэтому неправильная формулировка юридического содержания понятийно-терминологического аппарата может размыть необходимые сущностные особенности исследуемого правового явления и, наоборот, правильная интерпретационная характеристика будет способствовать приращению научного знания. Полагаем, что разработка специального понятийно-терминологического ряда юридической категории «правовой статус» является необходимой как в доктринальном, так и в эмпирическом и прикладном смыслах.

Приступая к исследованию правового статуса несовершеннолетнего, следует обратиться к проблеме многовариативности терминологии, применяющейся в правовых источниках и научной литературе, для обозначения лица, не достигшего совершеннолетия. Это такие термины, как: «новорожденный», «подросток», «малолетний», «ребенок», «несовершеннолетний», «юноша»,

«молодой человек» и др.

В п.42 ст.3 Уголовного кодекса РК в числе преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних указывается ст. 124, в которой предусматривается ответственность за развращение малолетнего. Однако не указано до какого возраста ребенок считается малолетним. Ответ на этот вопрос можно найти в статье 23 Гражданского кодекса РК, где по смыслу нормы можно определить, что малолетним считается лицо, не достигшее возраста 14 лет. Аналогичную градацию можно наблюдать и в законодательстве Республики Болгария. Статья 31 (1) Уголовного кодекса Болгарии определяет, что уголовно ответственным является лицо - достигшее 18-летнего возраста, а ст. 32 (1): «не является уголовно ответственным малолетнее лицо - не достигшее 14-летнего возраста» [5].

Вопрос о том, когда наступает совершеннолетие, находится в плоскости изучения не только юридической, но и медицинской, педагогической, психологической и других наук. Представители этих сфер, высказывая различные позиции по данному вопросу, сходятся в том, что различные возрастные параметры для определения совершеннолетия находятся в прямой связи со спецификой факторов духовно-нравственного и социально-экономического характера.

К тому же международный стандарт в этой области, Конвенция «О правах ребенка», не дает однозначного ответа на данный вопрос. То есть каждое государство вправе само определять

возрастную черту наступления совершеннолетия. По международно-правовым нормам совершеннолетие гражданина определяется его личным законом. А это означает, что 17-ти летнего гражданина КНДР в любом государстве должны признавать совершеннолетним.

Основная часть стран закрепляет, что возраст наступления совершеннолетия равен восемнадцати годам. В их числе Болгария и Казахстан. К примеру, в ст. 2. Закона Республики Болгария «О защите ребенка», ребенком является любое физическое лицо в возрасте до 18 лет [6]. Совершеннолетие наступает до 18-летнего возраста: Гренландия - 12 лет, Фарерские острова - 14, Куба - 16, КНДР – 17 [7, с. 208].

Изучение возрастных параметров в законодательстве государств необходимо для конкретизации области применения ювенальной юстиции, поскольку от возраста зависит степень реализации несовершеннолетним своих прав, свобод и обязанностей и уровень их защиты. Кроме того, определение возраста лиц является основополагающим при применении норм ювенальных законов для определения меры ответственности несовершеннолетних.

Если мы обратим внимание на определение термина «совершеннолетие», то увидим, что его трактуют как возраст, по достижении которого человек становится дееспособным гражданином [8, с. 153]. Это означает, что сущность совершеннолетия определяется не столько конкретизацией возраста, а через возникновение прав и обязанностей, а также возможности их

реализации. Достаточно проанализировать нормы казахстанского законодательства, где мы найдем свидетельство подтверждения нашего вывода.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что определение совершеннолетия находится во взаимной связи с наступлением дееспособности лица. Общими характеристиками для определения совершеннолетия лица можно назвать: предположение о достижении физической зрелости; предположение о психической зрелости; способность адекватно оценивать окружающую действительность; отдавать отчет своим действиям и поступкам; осознанно реализовывать определенные права и обязанности в соответствии с нормами закона.

Хочется обратить внимание на возрастную градацию несовершеннолетних, принятую в римском праве, поскольку она сыграла немаловажную роль в формировании правовой системы Казахстана. В римском праве для выделения возрастных параметров детей используется теории Гиппократ о климактерических периодах. Гиппократ утверждал, что каждые 7 лет материальные элементы человеческого тела подвержены изменениям, что влечет обновление и внутреннего мира и духовно-нравственных черт. В частности, исследования римского права показали различие несовершеннолетних в трех периодах: младенец, дитя, ребенок до 7 лет (безусловно невменяемый) – *infants*; слабые малолетние дети от 7 до 14 лет мужского и до 12 лет женского пола

(условно вменяемые) – *impubes*; несовершеннолетние до 18 лет, иногда до 25 лет (по преторскому эдикту) вменяемые – *minors* [9, с. 13].

Отмечая важность наличия множества категорий лиц не достигших совершеннолетия («малолетний», «несовершеннолетний», «ребенок», «подросток» и др.), а также выделение различных возрастных параметров для определения детского возраста, поскольку это дает понимание их физиологического и психологического развития, считаем, что именно категория «ребенок» является универсальной. Отмечаем, что применение термина «несовершеннолетний» характерно в основном для юриспруденции. Причем в каждой отрасли права данный термин имеет свое специфичное содержание. В правовом аспекте «несовершеннолетний» – это лицо, не достигшее возраста полной дееспособности. В свою очередь, точный возраст полной дееспособности закрепляется нормами законодательства того или иного государства. По законодательству Республики Казахстан несовершеннолетние – это лица, не достигшие 18 лет. Это значит, что полная дееспособность наступает по достижении возраста 18 лет.

Аналогично регламентирует данный вопрос и гражданское законодательство Болгарии. Нормы о правоспособности и дееспособности граждан содержатся в Законе о лицах и семье 1949 года [10]. В нормах данного закона конкретизируется, что дееспособность наступает с наступлением 18-летнего возраста.

Выводы

Анализ казахстанских законодательных норм показывает наличие нормативного разграничения несовершеннолетних на две категории «малолетний в возрасте до 14 лет» и «несовершеннолетний от 14 до 18 лет». Наблюдая разграничение и использование в нормативных актах терминов «несовершеннолетний» и «малолетний», можно констатировать, что в них не раскрывается его содержание, четко не определены возрастные критерии.

В нормах национальных законодательств государств используются термины «несовершеннолетний» и «малолетний» как в гражданском, уголовном, так и в административном отраслях права. Но зачастую данная градация несовершеннолетних размывает возрастные границы, внося тем самым путаницу и неопределенность в единообразном понимании.

Кроме того, следует признать коллизионность норм национальных законодательств с нормами Конвенции ООН «О правах ребенка», так конвенционные нормы не разграничивают лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, на

малолетних и несовершеннолетних. Полагаем, для гармонизации законодательства необходима конкретизация в толковании используемых терминов, с указанием возрастных критериев, что внесет ясность, точность и определенность в нормы национальных законодательств. При этом будет внесена конкретизация в правовой статус несовершеннолетнего, что является самым важным для формирования ювенальной системы государства. Ядром его правового статуса несовершеннолетнего, то есть конструктивным компонентом, наличие которого обуславливает все остальные его составляющие, является совокупность его прав, свобод и обязанностей.

В целом исследование правового статуса несовершеннолетнего, является актуальной проблемой современной юриспруденции, что связано с нерешенными моментами по вопросу включения в его конструкцию новых элементов. Кроме того, правовой статус ребенка как динамическая характеристика положения его в государстве, испытывая на себе трансформацию общественной жизни и государственно-правовых явлений, подвергается модернизации, отражающим процессы реформ.

Список литературы

1. Борисова Н.Е. Конституционные основы правового положения несовершеннолетних в Российской Федерации (проблемы теории и практики): Диссертация ...доктора юридических наук: 12.00.02. – М., 2004. – 379 с.
2. Абрамов В.И. Права ребенка и их защита в России: общетеоретический анализ: Автореферат диссертации доктора юридических наук. 12.00.01. – Саратов,

2007. – 55 с.

3. The Moral and Political Status of Children/ Ed. Archard D., Macleod C.M. – University of Victoria (Canada), 2002. – 250 p.

4. Бейсенова А.У. Теория государства и права: Учебник. – Алматы: Атамура, 2006. – 392 с.

5. Уголовный кодекс Республики Болгария. Принят Пятым Народным собранием на шестой сессии, четвертом заседании, состоявшемся 15 марта 1968 года [Электронный ресурс]. – **Режим доступа:** <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-bolgarii/> (дата обращения: 15.04.2022).

6. Закон Республики Болгария «О защите ребенка». Принят XXVIII Национальным собранием 31 мая 2000 года. [Электронный ресурс]. – **Режим доступа:** <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/2134925825> (дата обращения: 15.04.2022).

7. Попов Н.В. Человек и закон. Совершеннолетие и эмансипация несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. - № 5. – С. 208-211.

8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1994. – 730 с.

9. Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. – СПб.: Питер, 2001. – 224 с.

10. Гражданское законодательство Народной Республики Болгарии / Под ред. и с предисловием Д. М. Генкина; Пер. с болгарского Б. М. Зацепина и др. - М.: Иностранная лит., 1952. - 276 с.

М.К. Мұсабаев, К.А. Сабитов

*Павлодар қаласының әкімшілік құқық бұзушылықтар жөніндегі мамандандырылған соты,
Павлодар, Қазақстан*

Кәмелетке толмағандардың құқықтық мәртебесін регламенттеуді салыстырмалы-құқықтық талдау

Аңдатпа. Бұл зерттеу кәмелетке толмағандардың құқықтық жағдайына арналған. Қазақстандық балалардың әлеуметтік қолайсыздығы, мемлекеттің қалыптасып келе жатқан ювеналдық саясатын іске асырудағы проблемалар, заңнама нормаларының декларативтілігі, кәмелетке толмағандарды құқықтық қорғаудың әлсіз деңгейі қоғамдық резонанс тудырады және мемлекеттің тиімді әрекет етуін талап етеді. Жоғарыда айтылғандар практикалық және құқық қолдану іс-әрекетінде зерттеудің қажеттілігін, маңыздылығын және уақтылығын, кәмелетке толмағандардың құқықтық жағдайының мәселелерін, оның құрылымының элементтерін, тұжырымдамалық-категориялық аппаратты атап өтуге мүмкіндік береді. Тұлғаның құқықтық мәртебесі проблемаларымен байланысты құқықтық әдебиетке жасалған талдау ғылыми тәсілдердің, теориялық конструкциялардың

алуан түрлілігін, сондай-ақ маңызды терминологиялық қол жетімділікті көрсетті. Жүргізілген зерттеу кәмелетке толмағанның құқықтық мәртебесінің мазмұны дискутивті екенін айтуға мүмкіндік береді. Зерттеушілер бұл мәселеде әлі нақты түсінікке ие болған жоқ, сондықтан оны әртүрлі элементтерден қалыптастырады. Ғылыми және заңнамалық тұрғыдан алғанда, жаңа элементтерді құқықтық мәртебеге қосу оны сандық емес, сапалық жағынан байытады. Баланың құқықтық мәртебесі оның мемлекеттегі жағдайының динамикалық сипаттамасы ретінде, қоғамдық өмір мен мемлекеттік-құқықтық құбылыстардың өзгеруін бастан кешіре отырып, реформалар процестерін көрсететін модернизацияға ұшырайды деген тұжырым жасалады.

Түйін сөздер: баланың құқықтары, баланың құқықтық мәртебесі, кәмелетке толмаған бала, баланың құқықтарын қорғау.

M.K. Musabaev, K.A.Sabitov

Specialized Court for Administrative Offenses of Pavlodar, Pavlodar, Kazakhstan

Comparative legal analysis of the regulation of the legal status of minors

Abstract. This study is devoted to the legal status of minors. The social disadvantage of Kazakhstani children, the existing problems in the implementation of the emerging juvenile policy of the state, the declarative nature of legislation, and the weak level of the legal protection of minors cause a public outcry and require the development of an effective response of the state. The above makes it possible to emphasize the necessity, importance, and timeliness of research in practice and law enforcement activities, problems of the legal status of minors, elements of its structure, and conceptual and categorical apparatus. The analysis of the legal literature related to the problems of the legal status of the individual has shown a variety of scientific approaches, theoretical constructions, and a significant terminological presence. The conducted research allows us to state that the content of the legal status of a minor is controversial. Researchers have not yet come to an unambiguous understanding of this issue, so they form it from various elements. Both from a scientific and legislative point of view, it is fair to note that the inclusion of new elements in the legal status enriches it not quantitatively, but qualitatively. It is concluded that the legal status of a child as a dynamic characteristic of his position in the state, experiencing the transformation of public life and state-legal phenomena, is undergoing modernization, reflecting the reform processes.

Keywords: rights of the child, legal status of the child, minor, protection of the rights of the child.

References

1. Borisova N.E. Konstitucionnye osnovy pravovogo polozheniya nesovershennoletnih v Rossijskoj Federacii (problemy teorii i praktiki): Dissertaciya ...doktora yuridicheskikh nauk: 12.00.02. [Constitutional foundations of the legal status of minors in the Russian Federation (problems of theory and practice): Dissertation ...Doctor of Law: 12.00.02.]. M., 2004. – P. 379.
2. Abramov V.I. Prava rebenka i ih zashchita v Rossii: obshcheteoreticheskij analiz: Avtoreferat dissertacii doktora yuridicheskikh nauk. 12.00.01. [The rights of the child and their protection in Russia: general theoretical analysis: Abstract of the dissertation of the Doctor of Law. 12.00.01.]. Saratov, 2007. – P. 55.
3. The Moral and Political Status of Children/ Ed. Archard D., Macleod C.M. – University of Victoria (Canada), 2002. – P. 250.
4. Bejsenova A.U. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik. [Theory of State and Law: Textbook.]. Almaty: Atamura, 2006. – P. 392.
5. Ugolovnyj kodeks Respubliki Bolgariya. Prinyat Pyatym Narodnym sobranie na shestoj sessii, chetvertom zasedanii, sostoyavshemsya 15 marta 1968 goda [Criminal Code of the Republic of Bulgaria. Adopted by the Fifth People's Assembly at the sixth session, the fourth meeting held on March 15, 1968] [Electronic resource]: <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/2134925825> (accessed: 15.04.2022).
6. Zakon Respubliki Bolgariya «O zashchite rebenka». Prinyat XXVIII Nacional'nym sobranie 31 maya 2000 goda. [The Law of the Republic of Bulgaria "On Child Protection". Adopted by the XXVIII National Assembly on May 31, 2000.] [Electronic resource]: <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/2134925825> (accessed: 15.04.2022).
7. Popov N.V. CHelovek i zakon. Sovershennoletie i emansipaciya nesovershennoletnih//Probely v rossijskom zakonodatel'stve. YUridicheskij zhurnal [Man and the law. Coming of age and emancipation of minors // Gaps in Russian legislation. Law Journal] - 2016. - № 5. – P. 208-211.
8. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions] / S.I. Ozhegov, N.YU. SHvedova. Moscow: Az, 1994. – P. 730.
9. Galimov O.H. Maloletnie lica v ugolovnom sudoproizvodstve. [Minors in criminal proceedings]. St. Petersburg: Peter, 2001. – P. 224 p.
10. Grazhdanskoe zakonodatel'stvo Narodnoj Respubliki Bolgarii / Pod red. i s predisloviem D. M. Genkina; Per. s bolgarskogo B. M. Zacepina i dr. [Civil legislation of the People's Republic of Bulgaria]. Ed. and with a preface by D. M. Genkin; Translated from the Bulgarian by B. M. Zatsepin and others - M.: Foreign lit., 1952. – P. 276.

Сведения об авторах:

Мусабаев М.К. - доктор (PhD), судья специализированного суда по административным правонарушениям г. Павлодара, ул. Академика Ш. Чокина 148,

Павлодар, Казахстан.

Сабитов К.А. - магистр экономических наук, ул. Щепкина, 35, Алматы, Казахстан.

Musabaev M.K. - Ph.D., Judge of the Specialized Court for Administrative Offenses of Pavlodar, 148 Academician Shafik Chokin str., Pavlodar, Kazakhstan.

Sabitov K.A. - Master of Economic Sciences, 35 Shchepkina str., Almaty, Kazakhstan.

Б.Х. Толеубекова, Т.Б. Хведелидзе, Н.Б. Калкаева

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы,
Казахстан

(E-mail: madina_khv@mail.ru, khvedelidze_tima@mail.ru, nesibeli77@mail.ru)

Новые аспекты в казахстанском подходе к построению антикоррупционной политики

Аннотация. Антикоррупционная политика Казахстана занимает важное место в структуре общенациональной политики государства противодействия преступности.

Цель исследования: выявление преимуществ нового подхода к построению государственной антикоррупционной политики, выраженной в краткосрочной концепции противодействия, по сравнению с долгосрочной стратегией борьбы, которой ранее Казахстан придерживался.

Основные методы исследования: сравнительное описание подходов и результатов казахстанской антикоррупционной политики: построение рабочей гипотезы перспектив дальнейшего усовершенствования новой модели антикоррупционной политики в условиях перехода от стратегии к концепции.

Достигнутые результаты: концептуализация антикоррупционной политики страны по сравнению со стратегией является более результативной в силу ее гибкости, позволяющей своевременно реагировать на любые изменения, способствующие росту коррупционности.

Ключевые слова: подходы к построению антикоррупционной политики, зоны коррупционных рисков, стратегия и концепция противодействия коррупции.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-59-80>

Введение

Актуальность исследования обусловлена принятием нового государственного акта – Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы, утвержденной Указом Президента РК от 2 февраля 2022 года № 802 [1] (далее – Концепция), с одновременным отказом от Антикоррупционной стратегии

Республики Казахстан на 2015-2025 годы, утвержденной Указом Президента РК от 26 декабря 2014 года № 986 [2] (далее – Стратегия). Упразднение Стратегии осуществлено тем же Указом Президента РК, которым была утверждена Концепция. До окончания времени действия Стратегии оставалось немногим более 4-х лет. Но уже было очевидно, что реализация Стратегии не принесет ожидаемых результатов,

коррупция охватила высшие эшелоны власти, государственный и общественный контроль над нею утерян, а в ближайшей перспективе ожидается окончательный развал экономики, крайнее обнищание населения страны, потеря Казахстаном международного авторитета. Трагические события января 2022 года продемонстрировали настоящую сущность экономической политики прежней власти, построенной на идеологии личного обогащения в ущерб интересам страны и народа.

Актуальность возрастает в контексте изменений в подходах к построению антикоррупционной политики, ранее заключавшейся в долгосрочной стратегии борьбы с коррупцией, к концептуализации антикоррупционной политики, состоящей в противодействии коррупции, а не в борьбе с нею.

Материалы и методы

В процессе исследования были использованы следующие материалы:

- законодательство Республики Казахстан по вопросам борьбы и противодействия коррупции за последние 25 лет: Закон Республики Казахстан «О борьбе с коррупцией» от 2 июля 1998 года № 674 [3]; Закон Республики Казахстан «О государственной службе» от 23 ноября 2015 года № 416-V [4]; Закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции» от 18 ноября 2015 года № 410-V [5]; Закон Республики Казахстан «О государственных закупках» от 4 декабря 2015 года № 416-V [6]; а также иные законы РК;

- антикоррупционные

Цель исследования: обоснование преимуществ нового подхода Казахстана: от долгосрочного стратегического планирования антикоррупционной политики к краткосрочной концепции.

Для достижения цели авторами решены следующие задачи:

1. Анализ и оценка места Казахстана в страновой антикоррупционной политике на постсоветском пространстве.

2. Влияние причин роста коррупции в Казахстане на изменение подходов к построению политики противодействия ей.

3. Критический анализ планирования Правительством РК мероприятий по реализации Антикоррупционной стратегии на 2015-2025 годы и причины ее низкой эффективности.

государственные акты: Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015-2025 годы [2]; Планы мероприятий по реализации Антикоррупционной стратегии на периоды: 2015-2017 годы [7]; 2018-2020 годы [8]; 2021-2023 годы [9]; Концепция антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы [1]; Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года [10], а также иные акты, отражающие вопросы государственной антикоррупционной политики;

- данные международных рейтингов по индексации восприятия коррупции [11];

- данные, полученные авторским коллективом в процессе реализации программы грантового исследования по

теме: «Методы выявления зон коррупционных рисков в условиях цифровизации форм контроля и управления учебным процессом в вузах» (2022 год), включая результаты анкетированных опросов.

Методы исследования: комплексное применение традиционных общенаучных подходов, в том числе: историко-правовой сравнительный анализ; логико-правовой анализ; контент-анализ нарративных источников; статистический метод, системно-структурный метод и иные методы.

Результаты

Анализ и оценка места Казахстана в страновой антикоррупционной политике на постсоветском пространстве

Анализ в данной части имеет большое значение для определения степени эффективности государственной антикоррупционной политики. Соотношение периодов подъема и спада показателей восприятия коррупции с состоянием, изменениями в государственных программах и планах борьбы или противодействия коррупции является одним из индикаторов определения

своевременности реагирования на меняющуюся конъюнктуру, качества государственных мер борьбы или противодействия коррупции.

По уровню коррумпированности в страновом рейтинге Казахстан демонстрирует достаточно глубокое поражение общества этим крайне негативным явлением

Страны постсоветского пространства, объединяемые ко времени суверенизации общей отправной точкой во времени, общей экономической, политической, правовой, культурной и иными составляющими государственность кластерами, на первый взгляд, должны были обладать равными потенциальными возможностями оказания противодействия коррупции. Природа и динамика коррупции в прежних союзных республиках должны были обладать общими признаками в большей мере, чем отличиями. Действительность оказалась несколько иной. Так, по данным международных рейтингов по индексу восприятия коррупции среди стран постсоветского пространства за период с 2012 по 2021 гг. динамика восприятия коррупции выглядит следующим образом (Табл. 1):

Таблица 1.

Рейтинг стран постсоветского пространства по индексу восприятия коррупции (2012 -2021 годы)

Позиция в международном рейтинге (по состоянию на 2021 г.)	Страна	Годы и позиция в международном рейтинге									
		2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012

13	Эстония	74	75	74	73	71	70	70	69	71	64
34	Литва	61	60	60	59	59	59	61	58	57	54
36	Латвия	59	57	56	58	58	57	55	53	53	49
45	Грузия	55	56	56	58	56	57	52	52	49	52
58	Армения	49	49	42	35	35	33	35	37	36	34
82	Белоруссия	41	47	45	44	44	40	32	31	29	31
102	Казахстан	37	38	34	31	31	29	28	29	26	28
105	Молдавия	36	34	32	33	31	30	33	33	35	36
122	Украина	32	33	30	32	30	29	27	26	25	26
128	Азербайджан	30	30	30	25	31	30	29	29	28	27
136	Россия	29	30	28	28	29	30	28	27	28	28
140	Узбекистан	28	26	25	23	22	21	19	18	17	17
144	Киргизия	27	31	29	29	28	28	27	24	24	17
150	Таджикистан	25	25	25	25	21	25	26	23	22	22
169	Туркмения	19	19	19	20	19	22	18	17	17	17

населения: Эстония, Литва,

Примечание. Индекс основан на независимых опросах с участием международных специалистов. Индекс – это оценка от «0» (максимальный уровень коррупции) до «100» (отсутствие коррупции).

Количество индексированных стран равно 190 [11].

Переломным моментом в переосмыслении антикоррупционной политики страны является 2025 год, ознаменованный принятием Антикоррупционной стратегии на 2015-2025 годы, когда Казахстан фактически отказался от идеи борьбы с коррупцией, доминировавшей в 1998 -2015 гг. на основе ЗРК «О борьбе с коррупцией» [3]. Первые ощутимые результаты были получены только в 2019 году, когда уже были приняты два последовательных плана мероприятий по реализации указанной Стратегии (на 2015-2017 года и на 2018-2020 годы).

Анализ приведенных данных свидетельствует о следующем:

1. Страны, находящиеся в европейской части бывшего СССР, изначально обладают высокой антикоррупционной культурой

Латвия, Белоруссия, за исключением Республик Молдова и Украина. К ним близко примыкают республики Закавказья: Грузия, Армения. Традиционно высокий уровень коррумпированности присутствует в России и странах Средней Азии: Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения.

2. Незначительный спад уровня коррумпированности приходится на период пандемии: 2019-2020 годы. Это отчасти обусловлено объявлением карантина в этих странах, которое привело к резкому снижению количества непосредственных контактов потенциальных коррупционеров и массовым переходом на работу в режиме on-line, когда применение традиционных способов совершения коррупционных правонарушений стало невозможным.

3. В этот период темпы поступательного развития Казахстана в деле противодействия коррупции не отличались необходимой динамичностью. Реализация Стратегии была вялой, формальной, неэффективной.

Влияние причин роста коррупции в Казахстане на изменение подходов к построению политики противодействия ей

Комплекс причин устойчивости против коррупционности в каждой стране свой. Наряду с этим, отдельные причины обладают общим характером и в равной мере актуальны для ряда стран. Факторы, влияющие на динамику коррупционных правонарушений, нами условно подразделены на три группы: 1) историко-культурные; 2) политико-правовые; 3) социально-экономические. Их исследование предполагает корректировку мер противодействия коррупции с учетом характера влияния этих факторов на выбор подходов к построению взвешенной и результативной антикоррупционной политики.

В современных условиях традиционные способы борьбы с коррупцией не дают эффекта. Однако такое понимание сущности коррупции и ее живучести еще не означает бесполезности противодействия ей. Лауреат Нобелевской премии 1992 года, экономист из США Гэри Стэнли Беккер считает: «Если мы ликвидируем государство, мы ликвидируем коррупцию» [12]. Пессимизм создателя теории человеческого капитала отчасти оправдан и сохраняет свою значимость с точки зрения острой потребности человечества в эффективном инструменте противостояния коррупции. Коррупция в своем начальном этапе обусловлена процессами формирования государственности как таковой. Синхронность формирования государственных институтов и

коррупции – исторический факт. Коррупцию надо сдерживать путем изменения способов противодействия ее проявлениям. Социум, оценивая коррупцию как нежелательного спутника государства, требует от последнего решения задачи системного обновления арсенала подходов и способов противодействия.

Доводы в пользу гипотезы о взаимной обусловленности причин возникновения в целом, а также особенностей роста коррупции в отдельно взятой стране, о целесообразности изменения государственных подходов к построению политики противодействия коррупции: три направления научного поиска путей решения проблем противодействия коррупции.

Направление первое:

исследование генезиса и причин коррупции, обусловивших высокий уровень ее устойчивости, по основаниям:

1) историко-культурные факторы, формирующие особенности становления и развития институтов государства при решении задач противостояния коррупции;

2) социально-экономические факторы, отражающие особенности формирования, становления и развития институтов государства в конкретно взятой стране;

3) политико-правовые факторы, способствующие совершению коррупционных правонарушений.

Эти группы в данном направлении характеризуются своей практической универсальностью в силу безграничной распространенности во всех странах, где проблемы противодействия коррупции носят

острый характер. Коррупциогенность тесно взаимосвязана со множеством структурных элементов, лежащих в основе государственного строительства. Это объясняет сходство этапов и стадий зарождения, рост коррупции в большинстве стран мира. Учет этого общего признака позволяет выработать меры противодействия коррупции, дающие ожидаемый эффект независимо от особенностей политического строя и экономики любой страны. Представляется, что это один из факторов, лежащих в основе формирования мировых правовых стандартов в области противодействия коррупции.

К историко-культурным особенностям генезиса коррупции исследователи относят традиции и обычаи [13]. Их устойчивость во времени и пространстве отчасти объясняется тем, что носители национальной культуры склонны к их идеализации, а также модернизации существующих интерпретационных вариантов. Например, «бакшиш» - обязательное традиционное подношение, чаевые в восточных странах. В современных условиях в тюркоязычных странах, где развит иностранный туризм, чаевые закладываются в программы сервиса (в отелях предусматриваются чаевые лифтеру, горничной, официанту, носильщику). Для представителя европейской страны – это «бытовая коррупция».

К политико-правовым факторам относятся:

- безответственность исполнительной власти перед законодательной и судебной ветвями власти;

- излишняя бюрократизация разрешительных процедур;

- отсутствие действенного общественного контроля за деятельностью органов публичной власти;

- отсутствие рационального распределения компетенций между государственными структурами;

- слабость и непоследовательность антикоррупционной политики;

- несовершенство антикоррупционной правовой основы;

- неспособность законодательного органа оперативно реагировать на новые вызовы, сопряженные с формированием новых зон коррупционных рисков;

- невосприятие национальным уголовным правом института уголовной ответственности юридических лиц, который успешно реализуется в ряде стран дальнего зарубежья, а также постсоветского пространства (например, в США, Франции, Германии, Португалии, Финляндии, Англии, Канаде, Шотландии, Дании, Китае, Молдавии, Латвии) [14]. Подвергая наказанию только физическое лицо, законодатель оставляет в целостности саму питательную среду, в которой совершались коррупционные правонарушения. Иными словами, зона коррупционного риска, будучи нетронутой, обладает тенденцией к самовоспроизводству и самомодификации, что влечет сохранение степени коррупционной угрозы.

К социально-экономическим особенностям, способствующим росту коррупции, относятся:

- наличие и нерациональная эксплуатация природных запасов,

имеющих стратегическое значение для экономики страны;

- нерациональная монетарная политика государства;

- рост теневой экономики;

- недостаточный уровень качества жизни преобладающего большинства граждан страны;

- восприятие коррупции как основного способа первоначального накопления капитала правящей верхушкой страны;

- широкое распространение вовлечения в сферу предпринимательства членов семьи чиновничества;

- безнаказанное уклонение от уплаты налогов.

Направление второе:

установление генезиса коррупции на основе применения научного метода типологии. Применение метода наглядно и убедительно помогает

доказать, что коррупция – это пирамида, разрушение которой требует совместных усилий как всех ветвей власти внутри государства, так и стран-партнеров, осуществляющих совместные проекты в политическом, правовом, экономическом и иных жизненно важных направлениях государственного управления.

Типологический анализ показывает, что наиболее распространенным видом коррупционных проявлений выступают отношения, связанные с патологической страстью к воровству («клептоманией»).

Наиболее часто применяемые криминологами типологии сводятся к следующим основаниям:

1) типология коррупционных отношений по степени своей распространенности (Рис. 1):

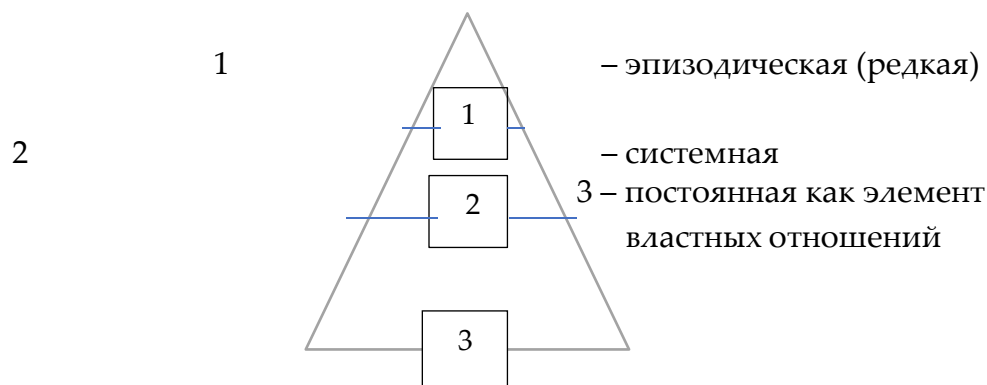
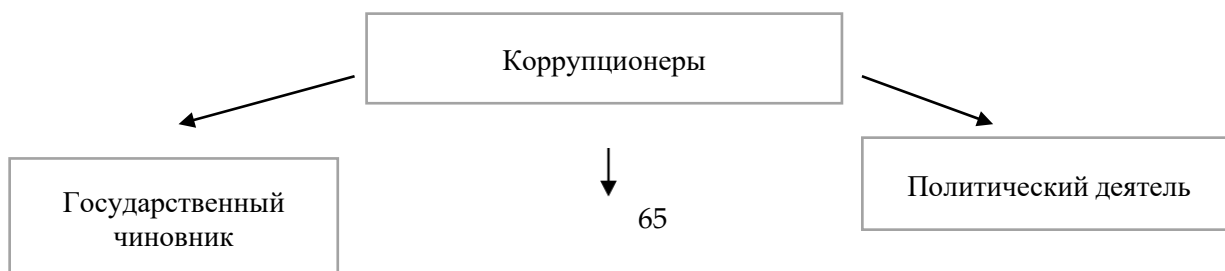

Рисунок 1. Типология коррупционных отношений по основанию: степень распространенности

2) Типология коррупционных отношений по виду деятельности коррупционера (Рис 2.):

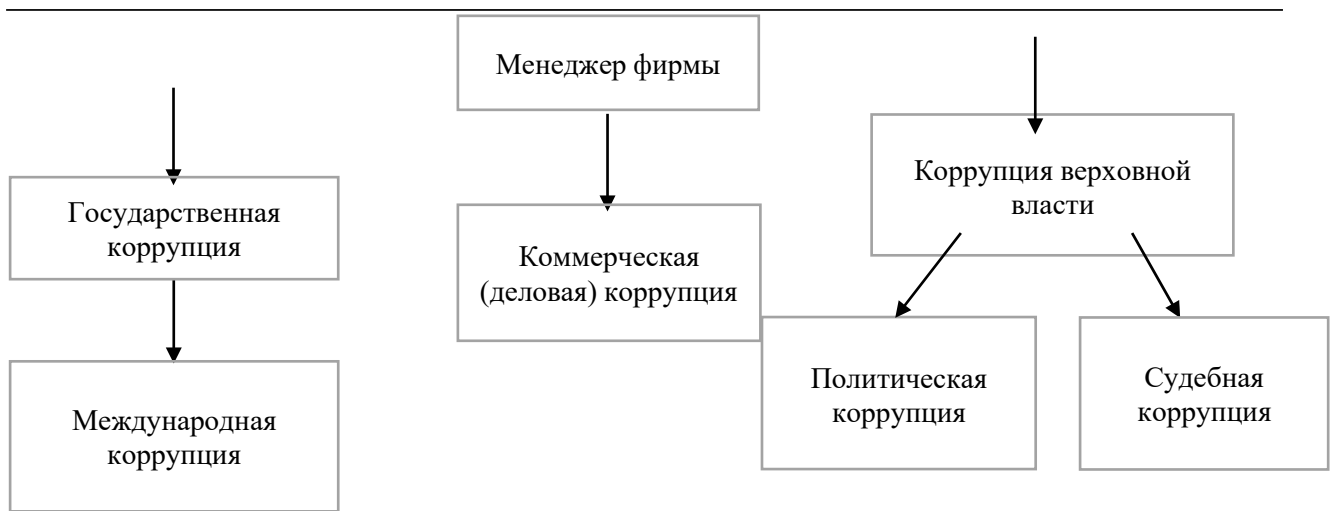

Рисунок 2. Типология коррупционных отношений по видам деятельности

В приведенных рисунках достаточно наглядно просматривается генетическая связь коррупции с преобладающим большинством институтов государства. Таким образом, изначально неверная оценка соотношения пользы и вреда от применяемых или избираемых способов, методов и приемов в общей системе государственного управления неизбежно порождает коррупцию. То, что мы условно обозначили как «неверная оценка соотношения пользы и вреда», необходимо более широко интерпретировать, добавив в его содержание: «намеренно искаженная, завуалированная оценка», нацеленная на получение собственных выгод небольшой группой заинтересованных лиц.

Направление третье: коррумпированность как явление обладает невероятно высокой способностью приспосабливаться к меняющимся условиям жизни и деятельности общества и государства в целом. Внешние (в том числе и международные), а также внутренние условия функционирования

государственных институтов, частного сектора экономики и др. меняются, сообразно этому меняются характеристики субъектов коррупционных отношений, способов совершения и сокрытия следов коррупционных правонарушений. Доказанным фактом является то обстоятельство, что правоохранительные органы выполняют свои функции по противодействию коррупции чаще всего в режиме «post factum», когда правонарушение уже совершено. Здесь противодействие носит усеченный характер в том смысле, что создается преграда для дальнейшего преступного поведения субъектов, которые приобрели статус подозреваемых или обвиняемых.

Широкомасштабная цифровизация экономической, банковской, управленческой и иных сфер жизни и деятельности Казахстана привели, наряду с несомненными преимуществами, к формированию такого явления, как противоправное манипулирование информационно-коммуникационными технологиями. Правоохранительные органы оказались неподготовленными к противодействию

коррупции в среде, где применяются цифровые технологии с различной разрешительной способностью [15]. В антикоррупционной политике Казахстана появился новый вектор противодействия: формирование коррупционных отношений в вузовской системе в условиях всеобщего перехода на дистанционную форму обучения, компьютеризацию сфер управления и контроля за уровнем остаточных знаний [16]. При этом центр коррупционных отношений перемещается из преподавательской среды в среду подразделений, обеспечивающих разработку и внедрение в научный и образовательный процессы цифровых технологий, что подтверждается данными проведенного авторами социологического замера путем анкетированного опроса 2 287 обучаемых по двадцати вопросам применения цифровизации в университете.

На вопрос: Ваши индивидуальные навыки пользователя цифровыми технологиями, применяемыми в образовательном процессе, во время экзаменационных сессий позволяют вам легко и без последствий: (далее – варианты ответов), - дали ответы: а) обойти строгие правила и получить высокий балл – 55% опрошенных; б) научить «обходным маневрам» своих сокурсников – 9%; в) договориться с «нужными людьми» в пользу себя и сокурсников – 11%; г) ввести в заблуждение лиц, контролирующих ход экзамена в компьютерном зале – 8%; д) вывести из строя компьютерную программу и сорвать экзамен с тем, чтобы передача состоялась в традиционной устной форме – 5%; е) иное – 12 % (подкупить сотрудников

центра тестирования, подключить родственников и знакомых и т.п.). Одновременно были проанализированы данные по результатам сессий, которые показали, что при минимальных баллах по рубежным контролям № 1 и № 2 (минимум – 50,0 баллов при максимуме – 100,0 баллов), составляющих около половины обучаемых, полученные на экзаменах с применением цифровых технологий удовлетворительные оценки не превышают 10 -15% от общего числа экзаменуемых. Таким образом, оценки преподавателя по рубежным контролям оказались гораздо ниже, чем экзаменационные оценки, полученные на основе применения цифровых технологий.

При оценке мнений опрашиваемых относительно социальной сущности академической нечестности были получены ответы: а) это вид мошенничества или обмана в сфере образовательной и научной деятельности – 64%; б) это искусственный критерий, созданный для получения дополнительных доходов при передаче студентом экзамена – 10%; в) это способ мздоимства для нечестных преподавателей и сотрудников – 8%; г) академическая нечестность проявляется там, где отсутствует эффективный контроль за организацией образовательного процесса – 11%; д) пока существует высшее образование академическая нечестность будет процветать – 5%; е) затрудняюсь ответить – 2%.

Эти и иные данные говорят о том, что цифровые технологии содержат в себе угрозу формирования новых зон коррупционных рисков.

Обсуждение

Казахстан в условиях суверенизации в законодательном порядке принял ряд нормативных правовых актов, непосредственно направленных против коррупции. В частности, в ЗРК «О государственной службе» [4] закреплена обязанность государственных служащих: «незамедлительно доводить до сведения вышестоящего руководителя и (или) руководства государственного органа, в котором они работают, и (или) уполномоченных государственных органов о ставших им известными случаях готовящихся, совершаемых или совершенных коррупционных правонарушений» (п.13) ст.10); также «предупреждать коррупционные проявления со стороны подчиненных государственных служащих» (п.13-1) ст. 10). Отечественными исследователями высказывается мнение о том, что такой подход законодателя является весьма эффективным. В частности, Э. Э. Дуйсенов отмечает, что эффективность приведенных положений обусловлена тем, что за основу антикоррупционного поведения государственных служащих приняты концептуальные положения Стратегии «Казахстан-2050» и План нации «100 конкретных шагов» [17, с. 11]. С ним солидарна Н. Х. Калишева, которая полагает, что неременным атрибутом конституционализма является модель функционирования и взаимоотношений системы высших и местных органов, их статуса и деятельности. При этом утверждается, что одной из форм проявления конституционализма является определение принципов их организации

и деятельности. Отраслевые принципы, в частности, закреплены в законодательстве о государственной службе [18, с. 5 -6]. Как бы ни были безупречны приведенные позиции с теоретико-правовой точки зрения, нельзя не видеть того факта, что коррупция в среде государственных служащих характеризуется широкими масштабами. Нельзя согласиться с тем, что можно ожидать хоть какой-то положительный эффект от положений в ЗРК «О государственной службе», зафиксированных в ст.10. Это декларативные нормы, изначально лишённые функциональных признаков и обречённые на выполнение формальной роли «актуального атрибута» источника права.

В ЗРК «О государственных закупках» [6] закреплён принцип осуществления государственных закупок: «недопущение коррупционных проявлений» (п. 7) ст. 4). Правовой принцип в отраслевом источнике должен сопровождаться системой обеспечительных норм, а именно – системой гарантий. В нашем случае указанный принцип декларативен и не несёт функциональной нагрузки, не сопровождается обеспечительными нормами – гарантиями. При этом отсутствуют какие-либо предписания о порядке действий уполномоченных лиц при обнаружении ими коррупционных проявлений. Ценность такой декларации в вопросах антикоррупционной политики невысокая. Приведённые и сходные нормы в иных источниках права не обладают социальной значимостью, так как никого ни к чему не обязывают. С методологической точки зрения – это правовые «пустышки», обесценивающие

закон.

Смена подходов в вопросах антикоррупционной политики Казахстана усматривается в названиях двух законов: «О борьбе с коррупцией» (02.06.1998 г.); «О противодействии коррупции» (18.11.2015 г.). В 1998 –2015 гг. эта политика была определена подходом, ориентированным на осуществление борьбы с коррупцией с целью одержать полную и окончательную победу над ней. С ноября 2015 года антикоррупционная политика меняет подход: вместо борьбы - противодействие коррупции путем ведения постоянного и полного мониторинга с последующей выработкой своевременных мер по предупреждению и пресечению коррупционных правонарушений. Дальнейшее развитие нового подхода к содержанию антикоррупционной политики нами усматривается в ключевых положениях Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы (22.02.2022 г.) [1]. В данном акте отчетливо сформулированы следующие перспективы и тенденции развития антикоррупционной политики, вытекающие из анализа мирового опыта противодействия коррупции: 1) систематизация просветительских мероприятий, направленных на укрепление культуры добропорядочности в обществе; 2) стимулирование добропорядочности бизнеса; 3) вовлечение гражданского общества в реализацию государственной политики в области противодействия коррупции; 4) расширение доступа к информации о деятельности государственного аппарата и

обеспечение прозрачности принятия решений; 5) цифровизация как инструмент минимизации коррупции; 6) расширение социальных гарантий для государственных служащих; 7) предотвращение и урегулирование конфликта интересов; 8) повышение эффективности мер правового принуждения в гражданско-правовом, дисциплинарном, административно-правовом и уголовно-правовом аспектах [1].

Прямой интерес представляют положения раздела 5 Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы – «Основные принципы и подходы развития антикоррупционной политики». В частности, в качестве принципов антикоррупционной политики устанавливаются: 1) равенство всех перед законом и справедливость; 2) гласность, прозрачность и подотчетность обществу; 3) комплексное использование мер противодействия коррупции; 4) приоритетность превенции коррупции; 5) взаимодействие государства и гражданского общества; 6) эффективность и результативность; 7) неприятие коррупции во всех ее проявлениях; 8) защита лиц, оказывающих содействие в противодействии коррупции; 9) неотвратимость ответственности за коррупцию; 10) качественная цифровая трансформация [1]. Соблюдение указанных принципов, обладающих значительной правовой новизной, предполагает применение системы гарантий. Разработка таких гарантий лежит в плоскости различных отраслей права материального и процессуального содержания (конституционного,

уголовного, гражданского, административного и др.). Представляется, что данное направление, будучи одним из элементов в структуре нового подхода к формированию и реализации антикоррупционной политики Казахстана, также обладает большой научно-исследовательской перспективой.

Наряду с изложенным представляется, что продолжающаяся практика именовать антикоррупционную деятельность «борьбой с коррупцией», не отвечает современным социальным запросам. Так, А. Ахметова, Л. В. Половова в качестве главного условия обеспечения национальной безопасности продолжают считать «борьбу с коррупцией». Свое мнение они высказывали в 2017 году, то есть спустя два года после принятия ЗРК «О противодействии коррупции». Авторы даже не заметили, что понятие «борьба» как термин исключено из антикоррупционного лексикона. Аналогичная ситуация сложилась у А. А. Кабуловой, которая в 2018 году продолжала утверждать, что борьба с коррупцией в Казахстане значительно активизировалась [21]. К более поздним работам относится статья А. Мукашева (28.05.2020 г.), в которой автор осуществляет попытку выделить этапы формирования законодательства независимого Казахстана по вопросам «борьбы с коррупцией». Он утверждает, что первый этап охватывает период 1998-2015 гг., когда борьба с коррупцией стала приобретать государственное значение и национальное законодательство в этой части только

начинало формироваться. Вторым этапом охватывает 2015-2020 гг., когда законодательство о борьбе с коррупцией приобрело завершённый вид и его применение стало более результативным [22]. Соглашаясь с автором в подходах к периодизации в процессах становления и развития антикоррупционного законодательства, мы категорически возражаем против сохранения прежней (советской) терминологии в обозначении государственной политики как борьбы, а не противодействия коррупции. По прошествии пяти лет с момента принятия ЗРК «О противодействии коррупции» указанный автор не усмотрел никакой разницы в терминах: «борьба» и «противодействие», начало которым должно было быть положено с момента суверенизации Казахстана. Применительно к коррупционным отношениям процесс восприятия этих новелл затянулся до 2015 года. Наряду с этим, впервые в Казахстане о необходимости отказа от идеи борьбы с преступностью и ее замене на идею противодействия было заявлено еще в 1993 году Б. Х. Толеубековой. Она утверждала, что противостоять преступности означает, прежде всего, не борьбу с нею, а принятие неординарных мер, направленных на их сдерживание, раннюю профилактику, научное прогнозирование [19, с. 19]. Борьба, понимаемая как деятельность, направленная на расследование совершенного деяния, в лучшем случае – профилактика преступности, не отражает современных взглядов на сущность антикоррупционной политики, заключающейся в противодействии ей и выражающейся в сдерживании динамики на таком уровне,

когда она не является препятствием для в целом поступательного развития общества и государства.

Заслуживает внимания мнение А. Ж. Шпекбаева о том, что Казахстан «отошел от борьбы с последствиями коррупции и обращает внимание на выявление и устранение причин, условий коррупционных проявлений» (01.02.2022 г.) [23]. Мы усматриваем в этом отражение нового подхода в деле выработки и реализации государственной антикоррупционной политики: отказ от борьбы и восприятие противодействия коррупции.

Вызывает критический интерес отношение к меняющейся конъюнктуре в исследуемом вопросе со стороны российских исследователей. Так, С. Смирнов считает, что успехи Казахстана в противодействии коррупции за три последних десятилетия значительно ниже тех результатов, которые достигнуты в Сингапуре, Японии, Южной Корее за 5 -10 лет. Он обращает внимание на то, что принятые в целом достаточно сильные антикоррупционные документы в Казахстане не оказывают должного воздействия на состояние дел. Он иронизирует, когда сравнивает антикоррупционную деятельность в Казахстане с борьбой «нанайских мальчиков» [24]. Действительно, успехи Казахстана еще далеки от прогнозируемых и ожидаемых. Однако положение дел в РФ также не отличается надлежащим уровнем. Проблемы общие и решать их надо совместными усилиями стран-партнеров.

Коррупция на протяжении десяти и более лет не может оставаться неизменной, а это означает, что

антикоррупционная Стратегия по ряду своих позиций устаревает со временем, а новые коррупционные риски не будут охвачены Стратегией, утратившей свою актуальность. Отсюда пятилетний период охвата антикоррупционной политикой сфер жизни и деятельности Казахстана представляется более действенным способом своевременного отражения реальных потребностей страны в области противодействия коррупции.

Критический анализ планирования Правительством РК мероприятий по реализации Антикоррупционной стратегии на 2015-2025 годы и причины ее низкой эффективности

Хронология планов мероприятий по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы включает три следующих темпоральных этапа: 1) 2015-2017 гг.; 2) 2018-2020 гг.; 3) 2021-2023 гг. Предполагаемый завершающий четвертый этап не состоялся в связи с утратой силы данной Стратегии одновременно с принятием Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы - с 2 февраля 2022 года.

Структура первого этапа - Плана мероприятий на 2015-2017 годы по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы и противодействию теневой экономике [7] включала два раздела: общий и специальный. В общем разделе было предусмотрено семь подразделов: I. Противодействие коррупции в сфере государственной службы (25 пунктов); II. Внедрение института общественного контроля (6 пунктов); III.

Противодействие коррупции в квазигосударственном и частном секторах (2 пункта); IV. Предупреждение коррупции в судах и правоохранительных органах (12 пунктов); V. Формирование уровня антикоррупционной культуры (7 пунктов); VI. Развитие международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции (4 пункта); VII. Мониторинг и оценка реализации стратегии (5 пунктов). Специальный раздел состоял из одного подраздела под названием: Противодействие теневой экономике (65 пунктов).

Самым сильным по своей содержательности был подраздел «Противодействие теневой экономике». Мероприятиями данного подраздела были охвачены такие мощные зоны коррупционного риска, как: управление проектами строительства; формирование бюджета; торговые рынки; экспорт алкогольной продукции и спирта; администрирование доходов физических лиц с высокими доходами; выявление и привлечение к юридической ответственности лиц, уклоняющихся от уплаты налогов; владение недвижимостью и сдача ее в наем без уплаты сумм индивидуального подоходного налога; цифровизация таможенного контроля и внедрение электронного аудита при проведении таможенных проверок; мониторинг схем «теневых» финансовых услуг в отмывании денег; юридическая ответственность работодателей, осуществляющих прием на работу без заключения трудового договора; контроль за соблюдением стандартов при производстве нефтепродуктов; внедрение механизма исключения

посредников при поставке нефти на НПЗ от недропользователя до НПЗ; установление перечня документов, подтверждающих законность происхождения нефти, поступающей на переработку на НПЗ.

Было бы логичным предположить, что на следующих этапах структура планов мероприятий должна быть сохранена. Расширение подразделов возможно при появлении новых зон коррупционных рисков. Исключение подразделов возможно только в тех случаях, когда реализация мероприятия была исчерпывающей и отсутствует необходимость в продолжении антикоррупционных мероприятий в данном направлении.

Однако анализ второго этапа - Плана мероприятий на 2018-2020 годы по реализации Антикоррупционной стратегии на 2015-2025 годы [8] свидетельствует о нарушении ожидаемой логической последовательности в данной части.

Структура названного Плана теперь состояла только из одного раздела, в пределах которого были предусмотрены следующие семь подразделов: I. Противодействие коррупции в сфере государственной службы (20 пунктов); II. Внедрение института общественного контроля (10 пунктов); III. (Противодействие коррупции в квазигосударственном и частном секторах (6 пунктов); IV. Предупреждение коррупции в судебных и правоохранительных органах (8 пунктов); V. Формирование уровня антикоррупционной культуры (13 пунктов); VI. Развитие международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции (6 пунктов);

VII. Мониторинг и оценка результатов стратегии (4 пункта).

Сравнение планов двух первых этапов показывает, что на втором этапе реализации стратегии уже нет специального раздела «Противодействие теневой экономике» (исключен постановлением Правительства РК от 29.12.2018 года); соответственно, из самого названия Плана мероприятий исключены слова: «и противодействию теневой экономике»; значительно сократилось количество мероприятий по подразделам (количество мероприятий показано в пунктах). Наблюдаемые изменения в структуре плана второго этапа реализации стратегии еще не говорят о том, что с «теневой экономикой» в Казахстане к началу 2018 года было покончено. Наше объяснение этих изменений состоит в следующем: реализация мероприятий (а их было 67 пунктов) непосредственно затрагивала личные интересы правящей верхушки, которые были нацелены исключительно на личное обогащение, в том числе незаконным путем. Сокращение объемов мероприятий также не является свидетельством исчерпанности проблем. В этой части нами также усматривается определенный частный интерес, реализации которого препятствуют плановые мероприятия.

Структура третьего этапа – Плана мероприятий на 2021-2023 годы по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы [9] включала один раздел и восемь подразделов: I. Противодействие коррупции в сфере государственной службы (13 пунктов); II. Совершенствование

общественного контроля (3 пункта); III. Противодействие коррупции в квазигосударственном и частном секторах (2 пункта); IV. Предупреждение коррупции в судах и правоохранительных органах (3 пункта); V. Формирование системы добропорядочности и антикоррупционной культуры в обществе (4 пункта); VI. Противодействие бытовой коррупции (5 пунктов); VII. Развитие международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции (1 пункт); VIII. Мониторинг и оценка реализации стратегии (1 пункт).

Между планами второго и третьего этапов совпадают направления мероприятий по семи подразделам, за исключением одной редакционной правки: если на первом и втором этапах планировалось внедрение института общественного контроля, то на третьем этапе предусматривалось совершенствование института общественного контроля ввиду того, что общественный контроль был оценен как уже сформировавшийся и внедренный в социальную практику, теперь логично было бы его усовершенствовать. В структуру третьего этапа включен новый подраздел: «VI. Противодействие бытовой коррупции». Начиная с 2021 года «бытовая коррупция» официально признается как форма коррупционных проявлений, требующих противодействия. Хотя это явление имеет место в социальной практике с тех пор, как вообще противодействие коррупции стало предметом общегосударственного значения. Количество мероприятий (пунктов подразделов) по сравнению со вторым

этапом сократилось с 67 до 32.

Досрочный отказ от Антикоррупционной стратегии, наряду с иными значимыми причинами, был обусловлен его недостаточной эффективностью. Планы реализации стали приобретать все более формальный характер, никто из руководителей ведомств, ответственных за выполнение конкретных мероприятий, за их провал не понес какой-либо ответственности. Ни в одном из направлений всех трех этапов реализации Стратегии не усматривается действий, направленных на ужесточение или установление ответственности (хотя бы дисциплинарной) за невыполнение запланированных мероприятий.

Один из парадоксов рассматриваемой Стратегии состоит в том, что во Введении и в иных разделах данного акта говорится об актуальности «борьбы с этим негативным явлением», о мерах «борьбы с коррупцией» и т. п. Сквозным порядком по тексту Стратегии указывается именно «борьба с коррупцией», а не «противодействие ей». Данного факта достаточно для вывода о том, что прежний социалистический подход все еще оставался преобладающим. Однако справедливости ради необходимо обратить внимание на то, что в планах мероприятий по реализации Антикоррупционной стратегии направления подразделов сформулированы в русле противодействия, а не борьбы. Наряду с этим, за этой «парадной вывеской» ориентиры самих мероприятий на борьбу сохранились.

Основные выводы

1. Антикоррупционная политика

Казахстана за последние 25 лет, начиная с момента принятия в 1998 году ЗРК «О борьбе с коррупцией», претерпела значительные изменения, которые являются отражением процессов становления и развития новых подходов к усовершенствованию национальной системы противодействия коррупции. Период «пиратского» накопления капитала закончился. После январских событий 2022 года начался новый этап в модернизации национальной антикоррупционной политики, основанной на новом подходе - противодействии коррупции.

2. Прежняя социалистическая модель построения антикоррупционной политики была ориентирована на борьбу с коррупцией, а не на противодействие ей. Государственные акты, принятые до 2022 года, были актами долговременного действия и не могли учитывать всех конъюнктурных изменений в жизни и деятельности казахстанского общества, не обладали необходимой гибкостью. Превалировал формальный подход в деле нормативного ограничения коррупционных проявлений в решениях и действиях государственных служащих. На официальном уровне длительное время не признавались такие явления, как искусственное создание благоприятных, но противоправных, финансово-экономических условий для представителей властных структур и членов их семей.

3. Современные подходы к построению антикоррупционной политики должны отвечать следующим требованиям:

- законодательство должно быть гибким, соответствующим

международным антикоррупционным стандартам;

- законодательный орган должен оперативно реагировать на изменения социального, политического, экономического, культурного характера, которые обладают потенциальной возможностью способствовать росту

Статья подготовлена при финансовой поддержке Казахского национального педагогического университета имени Абая по грантовому

коррупции;

- антикоррупционные программы должны охватывать усредненный период времени своего действия с тем, чтобы уполномоченные органы имели возможность своевременно реагировать на новые вызовы коррупции.

проекту: «Методы выявления зон коррупционных рисков в условиях цифровизации форм контроля и управления учебным процессом в вузах» (2022 г.).

Список литературы

1. Концепция антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы. – Утверждена Указом Президента РК от 2 февраля 2022 года № 802//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000802> (дата обращения: 12.04.2022 г.).

2. Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015-2025 годы. – Утверждена Указом Президента РК от 26 декабря 2014 года № 986//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000986> (дата обращения: 14.04.2022 г.).

3. О борьбе с коррупцией – Закон Республики Казахстан от 2 июля 1998 года//<https://adilet.zan.kz/rus/docs> (дата обращения: 14.04.2022 г.).

4. О государственной службе – Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V//<https://adilet.zan.kz/rus/docs> (дата обращения: 14.04.2022 г.).

5. О противодействии коррупции – Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.12.2021 г.)//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33478302 (дата обращения: 14.04.2022 г.).

6. О государственных закупках – Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2015 года № 433-V ЗРК//<https://adilet.zan.kz/rus/docs> (дата обращения: 14.04.2022 г.).

7. План мероприятий на 2015-2017 годы по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы и противодействию теневой экономике - утвержден постановлением Правительства РК от 14 апреля 2015 года № 234 //<https://adilet.zan.kz/P1500000234/links> (дата обращения: 22.08.2022 г.).

8. План мероприятий на 2018-2020 годы по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы – утвержден постановлением Правительства РК от 31 марта 2018 года № 309//<https://adilet.zan.kz/rus/docs> дата обращения: 22.08.2022 г.).

9. План мероприятий на 2021-2023 годы по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы – утвержден постановлением Правительство РК от 24 августа 2021 года № 576. (утратил силу постановлением Правительства РК от 25 марта 2022года №

158)//<https://adilet.zan/kz/rus/docs/P2100000576> (дата обращения: 22.08.2022 г.).

10. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года. – Утверждена Указом Президента РК от 15 октября 2021 года № 674//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 12.04.2022 г.).

11. Индекс восприятия коррупции//<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 11.04.2022 г.).

12. Беккер Гэри Стэнли//https://ru.wikipedia.org/wiki/Беккер,_Гэри (дата обращения: 14.04.2022 г.).

13. Платов Е. В. Причины коррупции в России//Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 16, № 4 (24)//<https://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (Online). (дата обращения: 14.04.2022 г.).

14. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты)//Құқық және мемлекет, № 1-2 (74-75), 2017. – С.106-118.

15. Толеубекова Б. Х., Хведелидзе Т. Б. Признаки появления новых зон коррупционных рисков, обусловленных манипулированием цифровыми технологиями в вузе//Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 2, № 63, 2022. Pp. 37-40.

16. Толеубекова Б. Х, Хведелидзе Т. Б., Сайлибаева Ж. Ю. Новая политика противодействия коррупции в Казахстане в контексте вузовского образования//Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 3, № 64. Pp. 12-16.

17. Дуйсенов Э. Э. Законодательство о государственной службе в Республике Казахстан: некоторые новеллы и проблемы усовершенствования//Dogma, 2018, № 4 (06). – С. 10-17.

18. Калишева Н. Х. К вопросу о методологических аспектах конституционализма в модернизирующемся казахстанском обществе//Dogma, 2018, № 4 (06). – С.4-9.

19. Толеубекова Б. Х. Криминалистическая характеристика компьютерных преступлений (по материалам зарубежной печати). – Караганда: ВШ МВД РК, 1993. – 61 с.

20. Ахметова А. Р., Половова Л. В. Борьба с коррупцией – главное условие национальной безопасности (02.11.2017 г.)//<https://parvo.gov.ru/borba-s-korrupsiyey-glavnoye-> (дата обращения: 23.08.2022 г.).

21. Кабулова А. А. Борьба с коррупцией в Казахстане (10.01.2018 г.)//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32503920@pos=4;-108#pos=4;-108 (дата обращения: 23.08.2022 г.).

22. Мукашев А. Как ведется борьба с коррупцией в Казахстане?//<https://sabar.asia/Главная/Аналитика> (дата обращения: 23.08.2022 г.).

23. Шпекбаев А. Ж. Как Казахстан может избавиться от коррупции//<https://ru.sputnik.kz/>>Новости (дата обращения: 23.08.2022 г.).

24. Смирнов С. Коррупция в Казахстане – борьба нанайских мальчиков?//<https://www.ritmeurasia.org/news-2022-02-13---korr.> (дата обращения: 23.08.2022 г.).

Сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясатты құрудың қазақстандық әдіснамасындағы жаңа аспектілер

Аңдатпа. Қазақстанның сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясаты мемлекеттің қылмысқа қарсы іс-қимыл жөніндегі жалпыұлттық саясатының құрылымында маңызды орын алады.

Зерттеудің мақсаты: Қазақстан бұрын ұстанған күрестің ұзақ мерзімді стратегиясымен салыстырғанда қысқа мерзімді қарсы іс-қимыл тұжырымдамасында көрсетілген сыбайлас жемқорлыққа қарсы жаңа мемлекеттік саясаттың артықшылықтарын анықтау.

Қол жеткізілген нәтижелер: стратегиямен салыстырғанда елдің сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясатын тұжырымдамалау әдістемесі оның икемділігіне байланысты неғұрлым нәтижелі болып табылады, бұл конъюнктуралық өзгерістерге, өзекті әлеуметтік сұраныстарға уақтылы ден қоюға мүмкіндік береді; өмір мен қызметтің әртүрлі салаларын қарқынды цифрландыру жағдайында IT технологияларды қолдану қауіпсіздігі шаралары жүйесін құру жөніндегі тұжырымдамалық ережелерді түзетуді талап ететін сыбайлас жемқорлық тәуекелдерінің жаңа аймақтары қалыптасты.

Түйін сөздер: сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясаттың әдіснамасы, сыбайлас жемқорлық тәуекел аймақтары, сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылдың стратегиясы мен тұжырымдамасы.

B. Toleubekova, T.Khvedelidze, N.Kalkayeva

Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

New aspects in the approach to building anti-corruption policy in Kazakhstan

Abstract. The anti-corruption policy of Kazakhstan occupies an important place in the structure of the national policy of the state to combat crime.

The purpose of the study is to identify the advantages of the new state anti-corruption policy, expressed in the short-term concept of counteraction, compared to the long-term strategy of struggle, which Kazakhstan previously adhered to.

The main methods of research are a comparative description of approaches and results of Kazakhstan's anti-corruption policy, and the construction of a working hypothesis of the prospects for further improvement of the new model of anti-corruption policy in the transition from strategy to the concept.

Achieved Results: The conceptualization of the country's anti-corruption policy compared with the strategy is more effective due to its flexibility, allowing a timely response to any changes contributing to the growth of corruption.

Keywords: methodology of anti-corruption policy, zones of corruption risks, strat-

egy, and concept of combating corruption.

References

1. Kontseptsiya antikorrupsionnoy politiki Respubliki Kazakhstan na 2022-2026 gody. [Concept of anti-corruption policy of the Republic of Kazakhstan for 2022-2026.]– Utverzhdena Ukazom Prezidenta RK ot 2 fevralya 2022 goda № 802//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000802> (accessed: 12.04.2022) [in Russian].
2. Antikorrupsionnaya strategiya Respubliki Kazakhstan na 2015-2025 gody. [Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025.]– Utverzhdena Ukazom Prezidenta RK ot 26 dekabrya 2014 goda № 986//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000986> (accessed: 14.04.2022) [in Russian].
3. O bor'be s korrupsiyey. [On the fight against corruption] – Zakon Respubliki Kazakhstan ot 2 iyulya 1998 goda//<https://adilet.zan.kz>rus>docs> (accessed: 14.04.2022) [in Russian].
4. O gosudarstvennoy sluzhbe [About Public Service]– Zakon Respubliki Kazakhstan ot 23 noyabrya 2015 goda № 416-V//<https://adilet.zan.kz>rus>docs> (accessed: 14.04.2022) [in Russian].
5. O protivodeystvii korrupsii [On countering corruption]– Zakon Respubliki Kazakhstan ot 18 noyabrya 2015 goda № 410-V (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 29.12.2021 g.)//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33478302 (accessed: 14.04.2022) [in Russian].
6. O gosudarstvennykh zakupkakh [On public procurement]– Zakon Respubliki Kazakhstan ot 4 dekabrya 2015 goda № 433-V ZRK//<https://adilet.zan.kz>rus>docs> (accessed: 14.04.2022) [in Russian].
7. Plan meropriyatiy na 2015-2017 gody po realizatsii Antikorrupsionnoy strategii Respubliki Kazakhstan na 2015-2025 gody i protivodeystviyu tenevoy ekonomike [Action plan for 2015-2017 on the implementation of the Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025 and countering the shadow economy]- utverzhden postanovleniyem Pravitel'stva RK ot 14 aprelya 2015 goda № 234 //<https://adilet.zan.kz/P1500000234/links> (accessed: 22.08.2022) [in Russian].
8. Plan meropriyatiy na 2018-2020 gody po realizatsii Antikorrupsionnoy strategii Respubliki Kazakhstan na 2015-2025 gody [Action plan for 2018-2020 for the implementation of the Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025]– utverzhden postanovleniyem Pravitel'stva RK ot 31 marta 2018 goda № 309//<https://adilet.zan.kz/rus/docs> (accessed: 22.08.2022) [in Russian].
9. Plan meropriyatiy na 2021-2023 gody po realizatsii Antikorrupsionnoy strategii Respubliki Kazakhstan na 2015-2025 gody [Action plan for 2021-2023 on the implementation of the Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025]– utverzhden postanovleniyem Pravitel'stvo RK ot 24 avgusta 2021 goda № 576. (utratil silu postanovleniyem Pravitel'stva RK ot 25 marta 2022 goda № 158)//<https://adilet/zan/kz/rus/docs/P2100000576> (accessed: 22.08.2022) [in Russian].
10. Kontseptsiya pravovoy politiki Respubliki Kazakhstan do 2030 goda.[Concept of legal policy of the Republic of Kazakhstan until 2030.] – Utverzhdena Ukazom Prezidenta RK ot 15 oktyabrya 2021 goda № 674//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>

(accessed: 12.04.2022) [in Russian].

11. Indeks vospriyatiya korrupsii [Corruption Perception Index]//<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed: 11.04.2022). [in Russian]

12. Bekker Geri Stenli//[https://ru.wikipedia.org/wiki/Bekker, Geri](https://ru.wikipedia.org/wiki/Bekker,_Geri) (accessed: 14.04.2022). [in Russian]

13. Platov Ye. V. Prichiny korrupsii v Rossii [Causes of corruption in Russia]//Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo». 2018. T. 16, № 4 (24)//<https://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (Online). (accessed: 14.04.2022). [in Russian]

14. Naumov A. V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits (doktrinal'nyye i pravotvorcheskiye aspekty [Criminal liability of legal entities (doctrinal and legal aspects)]//K, yk, yk, zhane memleket, № 1-2 (74-75), 2017. – S.106-118. [in Russian]

15. Toleubekova B. KH., Khvedelidze T. B. Priznaki poyavleniya novykh zon korrupsionnykh riskov, obuslovlennykh manipulirovaniyem tsifrovymi tekhnologiyami v vuze [Signs of the emergence of new zones of corruption risks caused by the manipulation of digital technologies at the university]//Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 2, № 63, 2022. Pp. 37-40. [in Russian]

16. Toleubekova B. KH, Khvedelidze T. B., Saylibayeva ZH. YU. Novaya politika protivodeystviya korrupsii v Kazakhstane v kontekste vuzovskogo obrazovaniya [New anti-corruption policy in Kazakhstan in the context of university education]//Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 3, № 64. Pp. 12-16. [in Russian]

17. Duysenov E. E. Zakonodatel'stvo o gosudarstvennoy sluzhbe v Respublike Kazakhstan: nekotoryye novelly i problemy usovershenstvovaniya [Legislation on public service in the Republic of Kazakhstan: some short stories and improvement problems]//Dogma, 2018, № 4 (06). – S. 10-17. [in Russian]

18. Kalisheva N. KH. K voprosu o metodologicheskikh aspektakh konstitutsionalizma v moderniziruyushchemsya kazakhstanskom obshchestve [On the issue of methodological aspects of constitutionalism in a modernizing Kazakh society]//Dogma, 2018, № 4 (06). – S.4-9. [in Russian]

19. Toleubekova B. KH. Kriminalisticheskaya kharakteristika komp'yuternykh prestupleniy (po materialam zarubezhnoy pechati) [Forensic characteristics of computer crimes (based on materials from the foreign press)]. – Karaganda: VSH MVD RK, 1993. – 61 s. [in Russian]

20. Akhmetova A. R., Polovova L. V. Bor'ba s korrupsiyey – glavnoye usloviye natsional'noy bezopasnosti (02.11.2017 g.) [The fight against corruption is the main condition of national security (02.11.2017)]//<https://parvo.gov.ru/borba-s-korrupsiyey-glavnoye> (accessed: 23.08.2022). [in Russian]

21. Kabulova A. A. Bor'ba s korrupsiyey v Kazakhstane (10.01.2018 g.) [The fight against corruption in Kazakhstan (10.01.2018)]//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32503920@pos=4;-108#pos=4;-108 (accessed: 23.08.2022). [in Russian]

22. Mukashev A. Kak vedetsya bor'ba s korrupsiyey v Kazakhstane? [How is the fight against corruption in Kazakhstan?]///[https://cabar.asia>Glavnaya>Analitika](https://cabar.asia/Glavnaya>Analitika) (accessed: 23.08.2022). [in Russian]

23. Shpekabayev A. ZH. Kak Kazakhstan mozhet izbavit'sya ot korrupsii [How Ka-

zakhstan can get rid of corruption]]/https://ru.sputnik.kz/>Novosti (accessed: 23.08.2022). [in Russian]

24. Smirnov S. Korruptsiya v Kazakhstane – bor'ba nanayskikh mal'chikov? [Corruption in Kazakhstan - the fight of Nanai boys?]]/https://www.ritmearasia.org>news-2022-02-13---korr. (accessed: 23.08.2022) [in Russian]

Сведения об авторах:

Толеубекова Б.Х. – доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции Института истории и права Казахского национального педагогического университета им. Абая, Алматы, Казахстан.

Хведелидзе Т.Б. – к.ю.н., асс.профессор кафедры юриспруденции Института истории и права Казахского национального педагогического университета им. Абая, Алматы, Казахстан.

Калкаева Н.Б. – к.ю.н., асс.профессор кафедры юриспруденции Казахского национального педагогического университета им. Абая, Алматы, Казахстан.

Toleubekova B.Kh. – Doctor of Law, Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of History and Law, Abai Kazakh National Pedagogical University, *Almaty, Kazakhstan.*

Khvedelidze T.B. – Candidate of Law, associate professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of History and Law, Abay Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan.

Kalkayeva N.B. – Candidate of Law, professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of History and Law, Abay Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan.

МРНТИ 10.19.51

М.С. Бисалиев, К.Н. Шакиров

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
(E-mail: mbissaliyev@gmail.com, kshakirov@gmail.com)

Цифровые следы как фактор безопасности оборота персональных данных в сети Интернет

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к использованию знаний о цифровых следах в сети Интернет как значимом факторе обеспечения безопасного оборота персональных данных в киберсреде. Сделан обзор содержащихся в доктрине цифровизации научных позиций по указанному вопросу. Представлено авторское определение цифровых следов, предложен алгоритм выявления способов посягательства на персональные данные с помощью глобальной информационной сети, показаны типичные фазы такого рода посягательства и обычные действия правонарушителя. Впервые в данной области знаний применен комплексный подход, совмещающий в себе как достижения доктрины информационного права, так и криминалистического учения о следах. В результате сделаны предложения по принятию международного либо регионального (европейского) акта, предусматривающего стандарты обращения к специальным знаниям в случае обнаружения неправомерного доступа к персональным данным, включая их «перехват» в рамках информационного обмена в сети Интернет.

Ключевые слова: информационная безопасность, киберсреда, цифровые следы, персональные данные, личная информация, криминалистическая идентификация, правовая защита.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-81-98>

Введение

В связи с увеличением роста развития информационных-телекоммуникационных технологий одной из важнейшей задачей юридической науки и практики является

совершенствование регулирования отношений в сфере информационной безопасности. Основная современная человеческая деятельность связана с ИТ-технологиями, так как они занимают ведущую роль в

различных сферах индустрии и жизнедеятельности экономических агентов (экономика, здравоохранение, промышленность, оборона, культура, образование, оборона, юриспруденция и проч.). В настоящее время не подлежит доказыванию, что развитая информационная инфраструктура способствует социальному экономическому росту и развитию, созданию новых инструментов роста капитала (в том числе человеческого).

Однако информатизация общественного развития в условиях глобализации имеет не только положительные, но и отрицательные стороны. Анализ нормативного материала (национальных доктрин информационной безопасности и иных стратегических документов) позволяет установить следующие причинно-следственные связи: государства признают рост компьютерной преступности, особенно в кредитно-финансовой сфере; ИТ-поле используется как инструмент для разжигания межнациональной и религиозной розни; наблюдаются рост милитаризации информационного пространства и наращивание гонки информационных вооружений, при этом чаще всего указанные негативные тенденции связаны с несанкционированным доступом к персональным данным граждан.

Научным сообществом выявлено, что несанкционированный доступ к персональным данным в сети Интернет оставляет так называемые «цифровые следы». Возможность исследования данных следов представляет собой важный фактор повышения безопасности оборота персональных

данных в сети Интернет с точки зрения, во-первых, установления факта нарушения права на конфиденциальность и защиту персональных данных, во-вторых, для обнаружения обстоятельств, свидетельствующих, с каких устройств такой доступ был осуществлен, и, в-третьих, каким именно лицом осуществлен доступ к личной информации.

Само по себе исследование цифровых следов в процессе оборота персональных данных в сети Интернет призвано повысить безопасность оборота персональных данных, создать необходимые правовые условия для доказывания факта несанкционированного доступа к персональным данным, их изменения, уничтожения и т.п., то есть в целях доказывания в уголовном, гражданском и административном процессе фактов совершения правонарушений.

Вместе с тем в науке сегодня нет единого подхода к такого рода исследованиям, поскольку данная тематика не относится в полной мере к категории информационного права и находится частично в области интереса криминалистов в процессе раскрытия и расследования правонарушений, а в определенной части – специалистов по процессуальному праву, что обуславливает потребность в комплексном изучении данной проблематики, поскольку она еще в должной мере системно не сформировалась как самостоятельное направление научного исследования.

Для выработки эффективных мер обеспечения безопасности оборота персональных данных в сети Интернет и

их защиты необходимо, таким образом, исследовать не только теорию и практику применения законодательства о персональных данных, но и информацию о цифровых следах как одну из форм доказательной деятельности в процессе обеспечения посредством криминалистических методов проблем безопасности использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Изложенные выше положения показывают актуальность избранной нами темы исследования.

Предметом исследования является проблема криминалистического анализа цифровых следов при обеспечении безопасного оборота и защите персональных данных в глобальной информационной сети.

Цель исследования - выработка посредством применения криминалистического подхода методов выявления и учета признаков и свойств цифровых следов при обеспечении безопасного оборота персональных данных в сети Интернет.

Для достижения поставленной цели предполагалось решение следующих задач: анализ, обобщение теоретических материалов с целью выявления уровня научной разработанности темы в общетеоретических и отраслевых исследованиях; рассмотрение дискуссионных положений; определение некоторых методологических задач для дальнейшего научного поиска; анализ и синтез философского, психологического, социологического, лингвистического, исторического, управленческого, юридического и прежде всего

информационных и криминалистических подходов к изучению категории «цифровые следы» в правовой науке с целью их применения в процессе идентификации личности в современном обществе, национальном и международном праве.

О методах научного исследования цифровых следов

При работе над темой авторы методологически исходили из положений о комплексности рассматриваемой проблематики. В этой связи авторами широко использовались общенаучные, частно-научные и специальные методы исследования – философский, психологический, социологический, исторический, сравнительно-правовой и проч. Однако наибольшее внимание было уделено методу системного анализа, поскольку исследование цифровых следов, оставленных в глобальном информационном пространстве, является важным средством научно обоснованного установления факта неправомерного вторжения в информационный обмен, связанный с передачей персональных данных. С применением системного подхода предоставляется возможность комплексно, на основе применения достижений ИТ-технологий раскрыть действительные особенности криминалистической характеристики способов нарушения тайны персональной информации (цифровых следов), что, в свою очередь, позволяет более эффективно и качественно идентифицировать личность правонарушителя, неправомерно действующего в информационном

пространстве.

Однако до настоящего времени в доктрине информационного права, международном праве, да и в правовой науке в целом, мы наблюдаем явную недооценку важности «заимствования» и использования в сфере защиты персональных данных достижений криминалистической науки. В свою очередь, надо признать, и в криминалистической теории пока еще так же не в полной мере воспринимают специфику нарушений в информационном обмене в глобальной информационной сети и нередко затрудняются с разработкой методов и способов работы с цифровыми следами в информационном пространстве.

Именно с целью устранения возникающего в данном случае диссонанса нами сделана попытка применения комплексного подхода в виде обращения как к нормам информационного права, так и к достижениям криминалистической науки.

В итоге, на наш взгляд, формирование и развитие полноценных криминалистических знаний взаимосвязи цифровых следов как результата криминального доступа к персональным данным в информационном пространстве, в силу их особых признаков и свойств, позволит обеспечить разработку научно обоснованных криминалистических способов и методов их правовой защиты с целью достоверного установления факта и обстоятельств нарушения злоумышленниками прав субъектов-носителей персональных данных.

Вместе с тем необходимо отметить, что вопрос поиска и фиксации

цифровых следов при обнаружении случаев доступа к персональным данным, совершенного с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе технологий сети Интернет, прежде не являлся предметом комплексных исследований. При этом в криминалистике в процессе исследования механизма следообразования ещё недостаточно внимания уделяется особенностям формирования цифровых следов с учетом развития информационных технологий.

Например, в работах М.Ю. Батурина, В.Б. Вехова, Ю.В. Гаврилина, В.А. Мещерякова и других исследователей рассматривались вопросы установления факта доступа к персональным данным в сфере компьютерной информации. Вопросы характеристики противоправного поведения в области оборота персональных данных в сети Интернет поднимались в монографиях и публикациях В.А. Климова, В.А. Мещерякова. В трудах В.Ю. Агибалова, В.Б. Вехова, А.С. Вразнова, Л.Б. Красновой, В.В. Крылова, М.М. Менжега рассматривались криминалистически значимые сведения о расследовании преступлений в сфере оборота персональных данных, раскрывались проблемы расследования киберпреступлений, в том числе исследовался вопрос обоснования информационно-следовой картины доступа к персональным данным, совершенного с использованием информационно-коммуникационных технологий. Кроме того, Е.Р. Россинской, В.А. Мещеряковым, В.О. Давыдовым, Ю.В. Гаврилиным, Д.Ю. Илюшиным

уделяется внимание исследованию актуальных вопросов тактики производства отдельных проверочных действий и мероприятий при расследовании киберпреступлений. В научных же трудах Р.С. Атамановой, Д.А. Илюшина, И.Е. Мазуровой, А.Л. Осипенко, Е.С. Шевченко были предложены методические рекомендации по выявлению отдельных видов противоправного доступа к персональным данным, сопряженных с использованием сети Интернет.

Таким образом, приходится констатировать, что, к сожалению, в юридической литературе последних лет отсутствуют комплексные фундаментальные исследования указанной проблемы, существуют лишь отдельные профильные исследования, как правило, в области информационного права и криминалистического учения о следах, что свидетельствует о том, что уровень научной разработки предложенной проблематики достаточно низкий, и это служит важным аргументом для проведения более широких криминалистических исследований процессов применения цифровых следов с целью выявления фактов нарушений в сфере оборота персональных данных.

Персональные данные и возможные виды их нарушений

Обеспечение безопасности оборота персональных данных и их защиты во многом зависит от вида конкретной противоправной деятельности, посягающей на права личности в указанной сфере. Как мы указывали выше, в доктрине

информационного права лишь упоминается о способах нарушения информационных прав на охрану личной (частной) жизни применительно к действиям субъектов оборота персональных данных [1] ввиду скрытого предположения о том, что более глубокие исследования должны относиться, скорее, к области специальных знаний, например, в сфере юридической науки, в частности криминалистики [2].

Международное и европейское право сегодня предусматривает в рамках регулятивных отношений значимые превентивные меры, направленные на недопущение нарушения прав субъекта персональных данных в будущем.

Так, п.1 ст.35 Регламента Европейского Парламента и Совета 2016/679 «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46/ЕС (Общие правила защиты данных)» от 27 апреля 2016 года [3] указывает, что в случае, если способ обработки данных, особенно при использовании новых технологий и с учётом характера, объёма, контекста и целей обработки, может привести к высокой степени риска для прав и свобод физических лиц, то контролер перед обработкой персональных данных проводит оценку воздействия запланированной обработки на их защиту.

Сами по себе регулятивные способы реализации в сфере информационного права достаточно подробно предусмотрены международными актами в виде обязанностей контролера и процессора,

а также иных участников оборота персональных данных. Однако в отношении правоохранных способов (способов защиты) персональных данных международно-правовой инструментарий значительно уже. Способы же нарушения прав личности при их обороте исследованы на сегодняшний день не в достаточной степени.

В криминалистической науке способ совершения преступления большинством авторов традиционно относится к важнейшим и даже основным элементам криминалистической характеристики преступления [4], хотя ранее это понятие рассматривалось более широко и заключало в себе и способы сокрытия преступлений [5], а также некоторые типичные следственные ситуации [6], что было свойственно не только для отечественной, но и для иностранной литературы [7].

Анализ предложенных в криминалистической литературе определений способа совершения преступления (правонарушения) обычно не в полной мере отражает сущность посягательства на персональные данные, выявленную в информационном праве [8], в связи с чем они должны быть уточнены и трансформированы применительно к исследованию конкретных видов посягательств на личную информацию. Более того, данные определения представляются нам крайне сложными. Мы полагаем, в качестве исходной посылки, что способ совершения посягательств на персональные данные с использованием информационно-коммуникационных сетей, включая Интернет, – это

избранная злоумышленником последовательность личных действий и операций, связанных с применением ИТ-технологий в противоправных целях.

Вместе с тем данное определение будет поверхностным без указания на предметную область реализации такого способа, а именно криминалистики и непосредственно её приемов, способов и методов использования в информационно-коммуникационной сети. В этой связи отметим, что злоумышленниками в качестве средства причинения вреда используется информация, которая выступает в качестве объекта указанных правоотношений. Информация вообще является объектом, который порождает общественные информационные отношения [10]. При этом национальный законодатель и международное право оперируют в этой области такими взаимосвязанными понятиями как «информация», «информационный ресурс», «информационно-телекоммуникационная сеть» и другими, что характерно и для доктрины информационного права [10], а также криминалистической и криминологической литературы [11]. Персональные данные, соответственно, рассматриваются как разновидность такой особо охраняемой законом информации.

В интересующем нас контексте с точки зрения криминалистической теории, а именно криминалистической характеристики преступлений, следует различать персональные данные как предмет правонарушения и персональные данные как средство его совершения.

Как предмет правонарушения персональные данные имеют исключительно достоверный характер. Важным характеризующим признаком персональной информации является ее внешняя форма. Личная информация обязательно должна быть связана с конкретным материальным источником - лицом. Особое место среди криминалистических признаков такой информации как предмета правонарушения служат ее формализованность и ее ценностное значение. Другим важным признаком, характеризующим персональную информацию в качестве предмета правонарушения, является ее способность быть объектом регулирования общественных отношений, в том числе отношений в связи с оборотом персональных данных в сети Интернет.

Персональная информация, как уже указывалось, может выступать и средством совершения правонарушений [12]. В такой ситуации она представляет собой нелегитимный набор знаний о персональных данных граждан, специфический для совершения преступлений против личности либо интересов юридического лица. В отличие от информации-предмета правонарушения информация-средство совершения правонарушений представляет собой по большей части искаженные сведения о личности, так как именно искаженная информация вызывает неопределенности в системе общественных отношений. Для персональной информации, используемой в качестве средства совершения правонарушения, характерно отсутствие у нее

экономической или иной ценности [13]. Таким образом, персональная информация как средство совершения правонарушения – это преимущественно ложные (искаженные) сведения о личности, не обладающие какой-либо экономической или иной ценностью, используемые злоумышленниками с целью посягательства на объект правовой охраны.

Криминалистам в процессе расследования преступлений следует учитывать, что на практике в качестве средства совершения правонарушения либо объекта такого посягательства (противоправного интереса) выступает не какая-либо конкретная персональная информация, а информационный ресурс, содержащий персональные данные многих лиц в целом. Информационный ресурс – документ или документы, расположенные в информационных системах, которые могут создаваться пользователем или информационной системой. Доступ к информации и к информационному ресурсу возможен только посредством информационно-телекоммуникационной сети.

С точки зрения расследования преступлений, связанных с покушением на персональные данные, мы должны здесь видеть следующую схему: персональная информация, как самостоятельный набор сведений или, что чаще всего бывает в качестве некоторого массива данных на информационном ресурсе, являясь объектом правовой охраны, может выступать предметом правонарушения, которое совершается посредством противоправного воздействия на нее

(доступа к ней) «в границах» информационно-телекоммуникационной сети, которая, в свою очередь, может быть локальной (в рамках одной организации или одного органа власти) или глобальной (Интернет).

На основе анализа литературы и нормативного материала мы полагаем, что информационно-телекоммуникационной сетью является электрическая (электронная) сеть, предназначенная именно для обмена информацией - её передачи, хранения, обработки и т.п. с помощью вычислительной техники, позволяющей осуществить доступ к линиям (по линиям) связи, используемым для этих целей. Соответствующим образом (то есть с учетом данной дефиниции) мы определяем и способ противоправного посягательства на оборот персональных данных.

Цифровые следы как объективные носители информации о нарушении персональных данных

Криминалистам при анализе информационного пространства с целью расследования компьютерных преступлений следует иметь в виду, что сама по себе информационно-телекоммуникационная сеть – это лишь область (цепь) электрических соединений разной модальности и последовательности, трансформирующихся в информацию как раз вследствие различий в характере соединений и последовательности соединений (главным образом, второго). Следовательно, некоторые сведения (в виде цифровых следов), свидетельствующие о действиях

злоумышленника и таким образом о совершенном им правонарушении, изначально, до их поступления в распоряжение заинтересованных лиц, могут отображаться в самой информационно-телекоммуникационной сети; на устройствах, относящихся к компьютерной технике, с помощью которых осуществляется вход в сеть, подразумевающий последующий или одновременный доступ к персональной информации посредством передачи, хранения, обработки (например, шифрование или иная криптографическая обработка, архивирование особого типа) персональной информации и получения персональной информации.

Именно эти сведения (логи) можно считать «цифровыми следами», представляющими при расследовании преступлений наибольший научный и практический интерес. Следы, как об этом известно в криминалистике, - это всегда материальное отображение чего-то в пространстве.

Полагаем, что информация о возможности нахождения сведений, свидетельствующих о совершенном или готовящемся правонарушении в отношении персональных данных в самой информационно-телекоммуникационной сети, помимо соответствующего компьютерного устройства, доступна даже в ситуации, когда эта персональная информация уже относительно безвозвратно удалена с устройств ее отправителя и получателя. Её хранение в информационно-телекоммуникационной сети, представляющей собой цепь (последовательность, схему)

соединенных (соединившихся) между собой устройств, возможно лишь в условиях наличия некоторого материального носителя для хранения информации в «машинном виде», например, в форме двузначных и прочих кодов. Это утверждение верно даже в той ситуации, когда информация хранится в «облаке» какой-либо системы электронной почты, в хранилище информации на автономном сервере, куда у сторон имеется лишь ключ доступа и т.п.

Такого рода следы и представляют предмет нашего исследования как цифровые. Разделяются этапы следообразования цифровых следов на различных объектах-носителях.

В первую очередь, необходимо обратиться к специальной сфере криминалистики – трасологии. Необходимо отметить, что категория «след» понимается в трасологии неоднозначно: обычно под следом понимается отображение (отпечаток, оттиск) одного предмета на другом, возникающее в результате контакта между ними, хотя в теории трасологии как отрасли криминалистических знаний встречались и другие определения «следа» [14]. Поэтому следы в криминалистике (в узком смысле слова) – это только лишь следы, изучаемые в трасологии, то есть материальные отпечатки [15]. При этом криминалисты отмечают, что такого рода «классическое» понятие следа распространяется лишь на трасологическую морфологию, то есть в процессе трасологической идентификации следы изначально должны рассматриваться с разных позиций [16], а их круг, с очевидностью,

шире привычного и общепринятого [17], представленного, например, Г.Л. Грановским [18].

Следует упомянуть и о том, что «традиционной» криминалистикой под следами в трасологическом значении подразумеваются материальные отображения на каких-то предметах признаков внешнего строения материальных объектов, контактно взаимодействовавших с первыми, то есть распространено мнение о «контактном принципе» следообразования и, следовательно, и определения следов как последствий контакта, что предполагает и выделение особых групп следов [19], к которым, исходя из предложенных авторами характеристик, цифровые следы (как предмет нашего исследования) относятся не в полной мере [20].

В то же время в литературе подчеркивается, что след именно потому признается следом, что он определенным образом изменяет объективную действительность [21]. Кроме того, сегодня в криминалистике широко распространено мнение о том, что категория «след» изначально должна быть пригодна для использования не только в криминалистических, но и в других областях научных знаний [22], в том числе в информационном праве в сфере обеспечения безопасного оборота персональных данных [23].

Такой подход перспективен и полностью соответствует современным реалиям оборота персональных данных, включая их трансграничную передачу. В криминалистике XXI века высказано правильное, на наш взгляд, мнение о том, что след – это любое материальное отображение свойств вещей и явлений,

позволяющее судить об их свойствах и использовать их отражение для решения диагностических, классификационных, идентификационных и интеграционных (ситуалогических) задач [24]. При этом выделяется и след электромагнитного воздействия [25], хотя такого рода определение в предложенном контексте и представляется нам более широким, чем определение понятия «цифровые следы» в понимании настоящего исследования.

Как мы указывали выше, цифровые следы могут отражаться либо на конкретных устройствах, участвовавших в информационном обмене персональными данными или иной работе с персональной информацией, либо в виде исключения в самой информационно-телекоммуникационной сети. Для того чтобы быть воспринятыми каким-либо лицом эти цифровые следы должны быть отображены в свойствах некоторого обособленного объекта материального мира, условно называемого в науке материальным носителем [26].

С точки зрения этимологии, материальный носитель – это документ, содержащий данные с записанной на нем информацией, предназначенный для ее передачи во времени и пространстве. По сути же, это объективированный в пространстве носитель информации, а значит – любой материальный объект (или среда), содержащий информацию, способный достаточно длительное время сохранять в своей структуре занесенные в него сведения, к примеру, в том числе электромагнитное излучение. В процессе генезиса человечества для создания документов применяются различные

материальные объекты-носители (бумага, различные технические накопители и проч.), которые служат для закрепления и хранения на них различной информации: речевой, звуковой, рукописной и проч. Информатизация и компьютеризация общества способствовала появлению документов на небумажных носителях информации, поиск и воспроизведение которых требуют применения специальных технических устройств.

Разумеется, в процессе расследования существуют исключения, когда следовую информацию можно получить непосредственно из сети (опять-таки с подключением соответствующего вычислительного устройства и входа в сеть), минуя устройства, с которого была передана персональная информация и устройства, на которую она была получена, а также устройства ее хранения (серверы провайдеров и т.п.). Например, можно говорить в этой связи о следах, оставленных при осуществлении записи в информационной системе, построенной по типу распределенных систем (например, блокчейн) [27]), когда совершенное в системе действие автоматически отражается у всех других участников системы, не имеющих отношения к произведенным юридически значимым действиям, причем эти отображения абсолютно равнозначны технически и имеют равную юридическую силу. Теоретически, с точки зрения физики, можно говорить и о такой ситуации, когда сложный электронный импульс, содержащий те или иные сведения, пытаясь проникнуть на какое-либо устройство, по сути, «живет» в

информационно-телекоммуникационной сети до момента его «затухания» в силу закона сохранения энергии [28].

Вместе с тем указанные случаи являются в большей степени исключениями; чаще всего следы противоправных действий в отношении персональных данных в информационно-телекоммуникационной сети остаются на тех или иных вычислительных устройствах, участвовавших в информационном обмене, связанном с направлением, передачей, получением, хранением, обработкой соответствующей персональной информации, то есть здесь уже следует говорить об «информации об информации». Данные следы, называемые «цифровыми», хранятся на этих устройствах и отображают сведения, как минимум, о самом устройстве, посредством которого совершены определенные действия, и о самих действиях (в той или иной степени), совершенных с использованием указанных устройств.

Таким образом, что особенно значимо для поисковой и познавательной деятельности в указанной сфере, в таких цифровых следах совмещаются воедино сами действия и устройства, с помощью которых они были совершены. Потенциально в процессе расследования преступлений устройства могут «указать» на лицо, совершившее противоправные действия, а характер совершенных им действий – свидетельствовать о наиболее важных признаках способа совершения посягательства в процессе

криминалистического установления киберпреступления.

В криминалистической теории надо иметь в виду, что цифровые следы всегда образуются и модифицируются в результате воздействия компьютерных программ (приложений). Специфика этих следов проявляется в том, что они не имеют ни цвета, ни запаха, ни иных характеристик, которые традиционно рассматриваются трасологией, и в которых могли бы отразиться отдельные черты злоумышленника, на основании которых можно было бы достоверно идентифицировать его личность [29].

Заключение

По результатам исследования мы приходим к следующим основным выводам и положениям.

Прежде всего, мы определяем способ нарушения прав на персональные данные с помощью информационно-коммуникационных технологий как избранную злоумышленником последовательность личных действий и операций, связанную с использованием информационно-коммуникационных сетей в противоправных целях.

Персональная информация о физическом лице как самостоятельный набор сведений или, что чаще всего бывает, в качестве некоторого массива данных на информационном ресурсе, являясь объектом правовой охраны, может выступать предметом посягательства, которое совершается посредством противоправного воздействия на нее (доступа к ней) «в границах» информационно-телекоммуникационной сети, которая, в свою очередь, может быть локальной (в рамках одной организации или одного

органа власти) или глобальной, всеобщей (сеть Интернет).

Таким образом, с точки зрения криминалистики способ нарушения прав на персональные данные с помощью информационно-коммуникационных технологий – это избранная злоумышленником последовательность личных действий и операций на этапе подготовки, совершения и сокрытия своего вмешательства в оборот персональных данных, сопряженная с применением компьютерной (вычислительной) техники, позволяющей осуществлять доступ к персональной информации, включая ее отправление, получение и передачу посредством использования линий электрической (электронной) связи.

Способ нарушения прав на персональные данные с помощью информационно-коммуникационных технологий, с точки зрения криминалистического расследования преступления, тесно связан с механизмом слеодообразования. В данном случае, цифровой след образуется ввиду самого факта участия субъектов в информационном обмене посредством использования информационно-телекоммуникационной сети.

Криминалистам следует учитывать, что цифровые следы имеют значительную участившуюся специфику относительно «обычных» обмене, в той ее части, в которой данное следов, исследуемых трасологией, устройство участвовало в этом обмене указанную нами выше, которая во многом (было источником или получателем обусловлена свойствами как самой информации, ее хранителем или информации, так и информационно- передающим звеном и т.п.).

Понимание способов нарушения прав на персональные данные с цифровой след в условиях доступа в сеть, помощью информационно-

когда имеет место целенаправленный поиск информации или соответствующих сегментов сети, «пригодных», по мнению нарушителя, для ее распространения (следует помнить, что иногда достаточно включения электропитания устройства злоумышленника, что подразумевает не только его «обнаружение» в сети, но и посредством кэш-информации и файлового облегченного доступа к интересовавшей злоумышленника ранее персональной информации); вследствие целенаправленных действий злоумышленника в сети (что в ряде ситуаций не исключает и непредвиденных злоумышленником случайных соединений между устройствами, находящимися в информационно-телекоммуникационной сети).

Мы полагаем, что для цифрового следа свойственны следующие характеристики: это особая информация, которая выражена в электронном виде в форме учетной записи, представляющей собой машинный код; образуется в результате участия в информационном обмене посредством информационно-телекоммуникационной сети; представляет собой сведения об устройстве (адресе устройства), с которого был осуществлен доступ в сеть и (или), о действиях, предпринятых в сети посредством данного устройства, может

коммуникационной сети Интернет в международном информационном праве шире, чем их уголовно-правовое или криминалистическое понимание в юридической науке.

Значение способа вмешательства в правомерный оборот персональных данных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет для организации работы по профилактической защите этого оборота, в том числе техническими средствами, а также для установления факта вмешательства в оборот персональных данных в глобальной информационной сети (его документирования и доказывания), выбора стратегии и тактики обеспечения безопасности персональной информации и ее защиты достаточно велико. А на первоначальной стадии (при установлении несанкционированного доступа к персональной информации), - даже определяющее, поскольку от установленного с той или иной долей вероятности способа использования информационно-телекоммуникационной сети с целью получения доступа к персональной информации зависит установление того, какие именно доказательства должны быть собраны, какие исследовательские действия и в какой последовательности (очередности) должны быть проведены, определение путей и пределов использования специальных знаний, в том числе в части назначения криминалистических экспертиз, привлечения к участию в этих действиях специалистов и проч.

Среди категорий объектов,

являющихся носителями практически значимой для раскрытия и расследования информации, по нашему мнению, следует выделять: устройства для хранения информации; устройства для ввода и вывода информации; устройства для обработки информации; устройства для передачи информации по каналам (шлюзам) связи; информационные системы. Указанные объекты могут заключать в себе определенную значимую информацию, представляющую доказательственный интерес.

Исходя из анализа следовой картины незаконного вмешательства в правомерный оборот персональных данных, компьютерная система может выступать в качестве: средства осуществления такого вмешательства; носителя следов противоправной деятельности; предмета посягательства (неправомерного доступа к персональным данным) и носителя иной значимой информации.

С точки зрения механизма следообразования в компьютерных системах, в криминалистике наиболее продуктивно установить в качестве критерия деления уровень воздействия пользователя на компьютерную систему, на основании чего выделять следы непосредственные и опосредованные. Под непосредственными следами мы предлагаем называть цифровые следы, которые предполагают прямую связь с причиной (целью) воздействия пользователя на компьютерную систему. Например, такими следами будут компьютерные данные:

- образованные или измененные пользователем посредством устройств ввода (клавиатура, микрофон и проч.);

- скопированные или перемещенные;
- почтовые (e-mail) отправления;
- переписки с использованием мессенджеров;
- истории запросов Интернет-браузера;
- записи в базах данных и проч.

Опосредованными следами мы предлагаем называть любые цифровые следы, которые пусть и не имеют прямой связи с причиной (целью) воздействия пользователя на компьютерную систему, но инициированы этим воздействием. Например, такими следами могут быть:

- записи в файлах журналирования системных событий (логи);
- файлы реестра операционной системы;
- метаданные информационных ресурсов;
- записи служебных баз данных и проч.

Принадлежность цифрового следа к непосредственным или

опосредованным может предоставлять как информативность данного цифрового следа, так и уровень применения специальных знаний и техники, необходимых для его обнаружения и дальнейшей идентификации.

Таким образом, рассмотренные нами теоретические положения показывают, что цифровые следы могут и должны рассматриваться как самостоятельный фактор посредством их применения в процессе раскрытия и расследования возможных нарушений оборота персональных данных и обеспечения их безопасности. Однако в криминалистической науке необходимо повышать уровень теоретической разработки предложенной проблематики, что послужит важной основой для проведения более широких криминалистических исследований процессов применения цифровых следов с целью эффективного расследования фактов нарушений в сфере оборота персональных данных.

Список литературы

1. Рассолов И.М. Защита частной жизни в сетях международного информационного обмена // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. - С. 48 - 53.
2. Сорокин Д.В. Проблемы правового обеспечения информационной безопасности России в условиях глобализации информационного пространства. Автореф. дисс. канд. юр. наук. Спб., 2006. – 28 с.
3. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского Парламента и Совета «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46 / ЕС» (Общие правила защиты данных) от 27 апреля 2016 года.
4. Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений: учебник: в 2 ч. / под ред. А. П. Резвана, М. В. Субботиной. М., 2020. Ч. 1. – 480 с.
5. Лузгин И.М. Некоторые аспекты криминалистической характеристики и место в ней данных о сокрытии преступлений. М., 1984. – 340 с.
6. Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М., 1975. – 280 с.

-
7. Doak J., McGourlay C. Evidence in Context. London, New York : Routledge, 2012. 365 p.
8. Адеев П.Г. Институциональное развитие правового обеспечения информационной безопасности в российском информационном праве. Екатеринбург. 2012. – 170 с.
9. Бачило И.Л. Компьютерное право. Методология и практика // Безопасность информационных технологий. 2017. Вып.2. – С.70-81.
10. Терещенко Л.К., Тиунов О.И. Информационная безопасность органов исполнительной власти на современном этапе // Журнал российского права. 2015. № 8. - С. 100 – 109.
11. Яшков С.А. Информация как предмет преступления: дис канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. - 196 с.
12. Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2019. – 680 с.
13. Коняхин В.П., Асланян Р.Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности // Российский следователь. 2016. № 8. - С. 24 – 27.
14. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика. Учебник. 3-е издание, испр. и доп. М.: Деловой двор, 2017. – 578 с.
15. Ищенко Е.П. Актуальные проблемы и направления развития криминалистики // Актуальные вопросы криминалистики и уголовно-процессуального права. Киров, 2018. - С. 9-10.
16. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза. Учебник. М., 2020. – 560 с.
17. Койсин А.А. Современные методы исследования запаховых следов (образований) // Эксперт-криминалист. 2011. № 2. - С. 44-50.
18. Грановский Г.Л. Основы трасологии. 2-е изд. М.: Наука, 2016. – 230 с.
19. Майлис Н.П. Введение в судебную экспертизу. М., 2020. – 192 с.
20. Сухарев А.Г. Трасология и трасологическая экспертиза: Учебник. Саратов, 2018. – 492 с.
21. Криминалистика: Учебник для среднего профессионального образования / Под ред. А. А. Закатова, Б. П. Смагоринского. Волгоград, 2019. – 680 с.
22. Степанов Г.Н., Бронников А.И. Трасология: Справочник криминалиста. Т.2. Механоскопия. Волгоград, 2020. – 210 с.
23. Computer Forensics: investigation procedures and response. 2nd ed. EC-Council Press, 2017. 172 p.
24. Грановский Г.Л. Основы трасологии. М.: Деловой двор, 2018. – 212 с.
25. Максуров А.А. Исследование следов. Актуальные проблемы трасологии - Mauritius: Palmarium Academic Publishing. 2020. – 128 с.
26. Vinson D.E. Jury trials: the psychology of winning strategy. Michie Co., 1986. 244 p.
27. Максуров А.А. Технология блокчейн – новое информационное и экономико-правовое явление // Актуальные проблемы современного российского государства и права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. к.ю.н., доц. С.А. Старостина. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2018. - С.132-143.
28. Saferstein R. Criminalistics: an Introduction to Forensic Science. 12th ed. New Jersey: Pearson, 2017. 576 p.
29. Volonino L., Anzaldua R., Godwin J. Computer forensics: principles and practices. New Jersey: Pearson / Prentice Hall, 2007. 534 p.

Цифрлық іздер Интернет желісіндегі дербес деректер айналымының қауіпсіздік факторы ретінде

Аңдатпа. Мақалада кибер ортадағы дербес деректердің қауіпсіз айналымын қамтамасыз етудің маңызды факторы ретінде Интернеттегі цифрлық іздер туралы білімді пайдаланудың негізгі тәсілдері қарастырылады. Аталған мәселе бойынша цифрландыру доктринасындағы ғылыми ұстанымдарға шолу жасалды. Цифрлық іздердің авторлық анықтамасы берілген, жаһандық ақпараттық желіні пайдалана отырып, дербес деректерге қол сұғу тәсілдерін анықтау алгоритмі ұсынылады, сонымен қатар мұндай бұзушылықтың типтік фазалары мен құқық бұзушының әдеттегі әрекеттері көрсетілген. Бұл білім саласында алғаш рет ақпараттық құқық доктринасының жетістіктерін де, іздер туралы сот-медициналық ілімдерді де біріктіретін кешенді тәсіл қолданылды. Нәтижесінде дербес деректерге заңсыз қол жеткізу, оның ішінде оларды Интернетте ақпарат алмасу шеңберінде оларды «ұстау» анықталған жағдайда арнайы білімге жүгіну стандарттарын көздейтін халықаралық немесе өңірлік (еуропалық) акт қабылдау жөнінде ұсыныстар жасалды.

Түйін сөздер: ақпараттық қауіпсіздік, кибер орта, IT-технологиялар, цифрлық іздер, жеке деректер, жеке ақпарат, сәйкестендіру, құқықтық қорғау

M.S. Bissaliyev, K.N. Shakirov

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Digital footprints as a factor in the security of personal data trafficking on the Internet

Abstract. The article discusses the main approaches to the use of knowledge about digital footprints on the Internet as a significant factor in ensuring the safe circulation of personal data in the cyber environment. The authors have made a review of the positions contained in the doctrine on this issue. The article contains definitions of digital traces, an algorithm for methods of encroaching on personal data using a global information network, and typical phases of such encroachment and the usual actions of the offender. For the first time in this field of knowledge, an integrated approach has been applied, combining both the achievements of the doctrine of information law and the forensic doctrine of traces. As a result, the authors have made proposals to adopt an international or regional (European) act providing standards for accessing special knowledge in case of detection of illegal access to personal data, including their “interception” as part of information exchange on the Internet.

Keywords: information, cyber environment, Internet, digital traces, personal data,

References

1. Rassolov I.M. Zashchita chastnoj zhizni v setyah mezhdunarodnogo informacionnogo obmena // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 2. - S. 48 - 53.
2. Sorokin D.V. Problemy pravovogo obespecheniya informacionnoj bezopasnosti Rossii v usloviyah globalizacii informacionnogo prostranstva. Avtoref.diss.kand.yur.nauk. Spb., 2006. – 28 s.
3. Regulation (EU) 2016/679 of The European Parliament and of the Council on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation).
4. Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya otdel'nyh vidov prestuplenij: uchebnik: v 2 ch. / pod red. A. P. Rezvana, M. V. Subbotinoj. M., 2020. CH. 1. – 480 s.
5. Luzgin I.M. Nekotorye aspekty kriminalisticheskoy harakteristiki i mesto v nej dannyh o sokrytii prestuplenij. M., 1984. – 340 s.
6. Panteleev I.F. Metodika rassledovaniya prestuplenij. M., 1975. – 280 s.
7. Doak J., McGourlay C. Evidence in Context. London, New York: Routledge, 2012. 365 p.
8. Adeev P.G. Institucional'noe razvitie pravovogo obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v rossijskom informacionnom prave. Ekaterinburg. 2012. – 170 s.
9. Bachilo I.L. Komp'yuternoe pravo. Metodologiya i praktika // Bezopasnost' informacionnyh tekhnologij. 2017. – Vyp.2. – S.70-81.
10. Tereshchenko L.K., Tiunov O.I. Informacionnaya bezopasnost' organov ispolnitel'noj vlasti na sovremennom etape // ZHurnal rossijskogo prava. 2015. № 8. - S. 100 – 109.
11. Yashkov S.A. Informaciya kak predmet prestupleniya: Dis.....kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2020. - 196 s.
12. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': Uchebnik dlya vuzov / Pod red. V.P. Konyahina i M.L. Prohorovoj. M., 2019. – 680 s.
13. Konyahin V.P., Aslanyan R.G. Informaciya kak predmet i sredstvo soversheniya prestuplenij v sfere ekonomicheskoy deyatelnosti // Rossijskij sledovatel'. 2016. № 8. - S. 24 – 27.
14. Ishchenko E.P., Toporkov A.A. Kriminalistika: Uchebnik. 3-e izdanie, ispr. i dop. M.: Delovoj dvor, 2017. – 578 s.
15. Ishchenko E.P. Aktual'nye problemy i napravleniya razvitiya kriminalistiki // Aktual'nye voprosy kriminalistiki i ugolovno-processual'nogo prava. Kirov, 2018. - S. 9-10
16. Zinin A.M., Majlis N.P. Sudebnaya ekspertiza: Uchebnik. M., 2020. – 560 s.
17. Kojzin A.A. Sovremennye metody issledovaniya zapahovyh sledov (obrazovaniy) // Ekspert-kriminalist. 2011. № 2. - S. 44-50.
18. Granovskij G.L. Osnovy trasologii. 2-e izd. M.: Nauka, 2016. – 230 s.
19. Majlis N.P. Vvedenie v sudebnuyu ekspertizu. M., 2020. – 192 s.
20. Sukharev A.G. Trasologiya i trasologicheskaya ekspertiza: Uchebnik. Saratov, 2018. – 492 s.
21. Kriminalistika: Uchebnik dlya srednego professional'nogo obrazovaniya / Pod red. A. A. Zakatova, B. P. Smagorinskogo. Volgograd, 2019. – 680 s.
22. Stepanov G.N., Bronnikov A.I. Trasologiya: Spravochnik kriminalista. T.2. Mekhanoskopiya. Volgograd, 2020. – 210 s.
23. Computer Forensics: investigation procedures and response. 2nd ed. EC-Council Press, 2017. 172 p.
24. Granovskij G.L. Osnovy trasologii. M.: Delovoj dvor, 2018. – 212 s.

-
25. Maksurov A.A. Issledovanie sledov. Aktual'nye problemy trasologii - Mauritius: Palmarium Academic Publishing. 2020. – 128 s.
26. Vinson D.E. Jury trials: the psychology of winning strategy. Michie Co., 1986. 244 p.
27. Maksurov A.A. Tekhnologiya blokchejn – novoe informacionnoe i ekonomiko-pravovoe yavlenie // Aktual'nye problemy sovremennogo rossijskogo gosudarstva i prava: materialy ezhegodnoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / otv. red. k.yu.n., doc. S.A. Starostina. Kaliningrad: Kaliningradskij filial SPbU MVD Rossii, 2018. - S.132-143.
28. Saferstein R. Criminalistics: an Introduction to Forensic Science. 12th ed. New Jersey: Pearson, 2017. 576 p.
29. Volonino L., Anzaldua R., Godwin J. Computer forensics: principles and practices. New Jersey: Pearson / Prentice Hall, 2007. 534 p.

Сведения об авторах:

Бисалиев М.С. - докторант 2-го курса кафедры международного права, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан.

Шакиров К.Н. - д.ю.н., профессор кафедры международного права, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан.

Bissaliyev M. – The 2nd year Ph.D. student, Department of International Law, Al-Farabi Kazakh National University, 71 Al-Farabi ave., Almaty, Kazakhstan.

Shakirov K. – Doctor of Law, professor, Department of International Law, Al-Farabi Kazakh National University, Al-Farabi ave. 71, Almaty, Kazakhstan.

Жылжымайтын мүлік құқығын иеленуге қарсы қылмыстық құқық бұзушылықтардың алдын алу мәселелері

Аңдатпа. Авторлармен зерттеліп ұсынылған мақалада жылжымайтын мүлік құқығын иеленуге қарсы қылмыстық құқық бұзушылықтардың алдын алу мәселелері баяндалады. Еңбекте басты назар, меншікті тіркеуге уәкілетті органдардың лауазымдық қызметтеріндегі заңсыздықтарынан туындайтын құқық бұзушылықтарға байланысты проблемалық аспектілерге аударылады. Авторлар қолданыстағы заңнамалардың аталған құқықтарын иелену барысында тұлғаларға қатысты конституциялық құқықтарын шектейтіні туралы қорытынды жасайды. Соңдай-ақ, жылжымайтын мүлік иесіне, пайдаланушысына мүлкіне қатысты қойылған және алынған ауыртпалықтар мен заңды талаптар жайлы үш жұмыс күнінің ішінде ескертуді тіркеуші органға міндеттеу; мемлекеттік тіркеуді бас тартқан орган қызметкерлерінің шешімдерін жоғарғы тұрған органға не сотқа шағымдану тәртібі енгізу, сондай-ақ тіркеуден бас тартуға негіз болған кемшіліктер жойылған кезінде құжаттарды мемлекеттік тіркеуге қайта тапсыруға рұқсат беретін мүмкіндіктерді қарастыру; тіркеуші органның жылжымайтын мүлікке құқықтарды мемлекеттік тіркеуден бас тарту шешімін жоғары тұрған органға не сотқа шағымдану құқығын көрсету және де мақалада мемлекеттік қызметкердің және адамдардың әлеуметтік несие жүйесін енгізу қажеттігі туралы көзқарастар негізделеді.

Қорытындыда жылжымайтын мүлік құқығын иеленуге қатысты отандық құқықтық негізді жетілдіру бойынша ұсынымдар қалыптастырылды.

Түйін сөздер: жылжымайтын мүлік құқығын иелену, құқық бұзушылықтардың алдын алу, әлеуметтік несие жүйесі, мемлекеттік қызметкер, лауазымды тұлға, сыбайлас жемқорлық, шағымдану, саясат, құқық.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-99-112>

Кіріспе

Қайғысын қайратына, ашуын ақылына жеңдіре білетін, өзін барлық жағдайда басқара алатын тұлға, тіпті қоғамның кез-келген саналы мүшесін болашақ қылмыстық құқық бұзушылықтан бойын тасада ұстауына тәрбиелеу – мемлекет, жалпы қоғам үшін қазіргі қоғамдағы ең қажетті институттардың бірі. Ол институт – қылмыстылықтың алдын алу институты.

Қылмыстылықтың алдын алудың жолы ретінде танылатын қылмыстық заңнаманың мақсаттарына қол жеткізу мәселелерінің бірі – адам құқықтары саласындағы халықаралық-құқықтық стандарттардың талаптарын, қылмысқа қарсы іс-қимылды және ұлттық құқықтық жүйенің ерекшеліктерін ескере отырып, қылмыстық заңнаманы және оны қолдану практикасын жетілдіру [1].

Жалпы, заңнамада: «Құқық бұзушылық профилактикасы - құқық бұзушылық жасауға итермелейтін себептер мен жағдайларды анықтау, зерделеу, жою арқылы құқықтық тәртіпті сақтауға және күшейтуге бағытталған, құқық бұзушылық профилактикасының субъектілері жүзеге асыратын құқықтық, экономикалық, әлеуметтік және ұйымдастырушылық шаралар кешені»-деп көрсетілген[2]. «Қылмыстылықтың алдын алу кезінде ғалымдар үш негізгі деңгейді анықтайды: жалпы әлеуметтік (жалпы), жалпы арнайы (арнайы) және жеке» [3].

Жылжымайтын мүлікті иеленуді шектеудің объектілері жер мен оған қатысты мүліктермен байланысты туындайтын қатынастар болып

табылады. Жылжымайтын мүліктер тек қана меншіктік қатынастар ғана емес, сонымен қатар мелекеттің басқару аппаратындағы категориясына қатысты болғандықтан, оны лауазымды және сыбайлас жемқорлық қылмыстық құқық бұзушылықтармен күрес процесіндегі алдын алудың объектісі ретінде де қарастырған абзал.

Жылжымайтын мүлікті иеленуді шектеуге қатысты сан алуан пікірлердің болуы дұрыс құбылыс. Пайдалануда болғанымен, нысанының өзгеруіне байланысты әлі иелене қоймаған құқыққа қатысты жауапкершілік тағайындау сұрақтарын қай мемлекетте болмасын құшақ жая қарсы алатыны шамалы. Мамандардың мен практиктердің арасында оны жақтаушылар да, даттаушылар да жетіп артылады. Дегенмен, қалай болғанда да, меншіктің кез-келген түрі, оның ішінде жылжымайтын мүлік те қоғам үшін белгілі бір нақты әлеуметтік-экономикалық жағдайларда қажет және пайдалы. Аталған объектілерге қол сұғушылықтан туындайтын қоғамдық қауіп болғандықтан, оны қылмыстық заңнамамен қорғау сұрақтарының туындауы да орынды.

Зерттеу әдістері

Еңбектің әдіснамалық негізі олардың дамуы мен өзара байланысыда объективтік шындықтың құбылыстары мен үрдістерін зерттелетін ғылыми танымның диалектикалық әдісі болып табылды. Зерттеу кезінде жеке ғылыми әдістер де қолданылды: нақты социологиялық, модельдеу, жүйелік талдау, салыстырмалы құқықтық, статистикалық.

Талқылау

Криминолог-мамандар

қылмыстық құқық бұзушылықтың алдын алуға қатысты зерттеулерде келесідей негізгі үш деңгейді айқындайды: жалпы әлеуметтік (жалпы), жалпы арнайы (арнайы) және жеке.

Мемлекет алдындағы саяси, әскери, құқықтық, идеологиялық, экономикалық және басқа да қызметтік бағыттарының ортақтығы, оның жүзеге асырылуындағы мемлекет пен қоғам субъектілерінің байланысы – жалпы әлеуметтік деңгейі болып табылады. Қылмыстық құқықтық бұзушылыққа қарсы күрес, оның себептері мен шарттарын анықтау, оған қарсы іс-қимылдың тиімділігі мен тергеп-тексеруге ықпал ету шаралары – жалпы әлеуметтік деңгейдің негізгі мақсаты.

Мемлекет тарапынан заң көмегін көрсету де қылмыстылықтың алдын алуға өз әсерін тигізері анық. Дегенмен, бұл іс-шаралардың жүзеге асырылуы мемлекеттің де халықтың да ниет, ықыласынан туындайды. Статистикалық мәліметтер бойынша мемлекет кепілдік берген заң көмегін алған халықтың (122 337) үлесі келесідей: 17 286 ауыл халқының үлесі; 105 051 қала халқының саны [4].

Қылмыстылықпен күресу, оның алдын алу жолында нормативтік құқықтық актілер нақты, анық сенімді, тиісті талаптардың сақталатындай болуы тиіс. Алдын алу шарасын ретіндегі ескерту, әлеуметтік қызметтің ерекше түрі сипатындағы криминологияда мәселелі жағдай және ондағы негізгі ұғымдарға нақты түсінік берілмеген. Жалпы алғанда қылмыстық құқық

бұзушылықтың алдын алудың жалпы ұғымына терең талдау мен анықтама берудің қажеті жоқ сияқты. Жоғарыда аталған институттың ұғымы мен түрлеріне қыл қаламын қолға алып түсінік берген отандық заңгер ғалымымыз Е.І.Қайыржановтың пікірінше: «Алдын алу», «ескерту», «сақтандыру» терминдері ортақ мағынаны береді» [5]. Е. Алауханов өзінің «Криминология» атты еңбегінде: «Виктимдік мінез-құлықты қалыптастыратын және қылмыстың жасалуына себепші болатын факторларды, мән-жайларды, жағдайларды анықтау, жою немес бейтараптандыру» [6, 37б] деген сынды қылмыстылықты алдын алудың жолдарын көрсетеді.

Осы жөнінде А.И.Марцев «...Бұл мәселе тегін емес, оның теориялық негіздемесі (сөз қылмыстың алдын алудың анықтамасы туралы болып отыр-автордың ескертуі) қылмыстылықпен күрес жүргізетін мемлекеттік органдардың алдын алу қызметі үшін мәнді маңызы бар» деп дұрыс атап өткен [7, 37 б].

Аванесов Г.А., «Ескерту» терминін қылмыстық құқық бұзушылықтарға тікелей әсер ететін тұлғалардың тұрмыстық жағдайларын не тәрбие мен мәдениеттерін дамытуға бағыттаған жалпы мемлекеттік іс-шара деп түсінуге болатынын атап өтеді. Ал, «Алдын алу» терминін қылмыстылықпен күресуге бағытталған жоспарлы жұмыс, концепция, бағдарламаларда қарастырылатын қызметтерге қатысты қолданған абзал. «Алдын алу» терминін адамдардың әл-ауқатын жақсартуға не мәдениеттілікке, адамгершілікке тәрбиелеу және оларды жетілдіру

жөніндегі жалпы мемлекеттік шараларға, яғни, қылмыстылыққа әсер ететін сондай-ақ, онымен күреске жұмылдыратын шараларға үйлестіре пайдаланған жөн.

«Ескерту» терминін арнайы құқық қорғау органдары мен сот жүйесінің қылмыстылық құқық бұзушылықтармен күрестегі қабылданатын бағдарламаларда, тұжырымдамаларда, бірлесе жасалған жұмыс жоспарларында қарастырылған қызметтерге үйлестіре пайдаланған дұрыс.

Ойластырылып жатқан, дайындалып жатқан қылмыстық құқық бұзушылыққа алаңдаушылықты не оның дайындық сатысында бөгет жасауда, «Болдырмау» термині білдіреді. Мысалы, есірткі шикізаты болып саналатын өсімдіктердің тұқымын себуге. «Жолын кесу» термині істі насырға шаптырмас мақсатында қылмыс жасауға бетбұрыс, дайындық сатысына араласуды білдіреді. Қылмысты ескертудің виктимологиялық шараларына «Сақтаңдыру» терминін қолданады [5,38 б].

Зерттеуші ғалым Н.Г.Кобец жалпы құқық бұзушылықтың алдын алу мәселесін қарастыра келе, «Құқық бұзушылықты «Ескерту», «Жолын кесу» ұғымдары бір-біріне жақын, дегенмен құқық бұзушылықты ескерту, яғни, оның пайда болуына жол бермеуді, ал жолын кесу, яғни, оны үзу, болғалы жатқан не басталған қылмыстық құқық бұзушылықты соңына жеткізбестен, толығымен жүзеге асырмас үшін шара қолдануды білдіреді» - деген [8, 38б.].

Ал, маман С.М.Иншаков «Қылмыстылыққа әсер ету», «Қылмыстылықтың алдын алу», «Ескерту», «Қылмыстылықпен күрес»,

«Қылмыстылықты бақылау», сынды ұғымдарды ажырата келе, ерекшеліктерді бөліп көрсетеді [9, 8-9 б].

Қылмыстық құқық бұзушылыққа катысты «Ескерту», «Алдын алу», «Болдырмау», «Кесу» сияқты ұғымдар қолданылады, оларға криминалогиялық еңбектерде ортақ түсінік берілмеген. И.А.Гольфанд, П.П.Михайленко аталған мәселені терминологиядан бастап «Ескерту», «Болдырмау», «Алдын алу», «Жолын кесу» терминдерінің мазмұны бір, бұл жағдайда олар белгілі бір тұлғаның қоғамға зиян келтіретін әрекетін алдымен ескертуді, содан кейін оны болдырмаудың мазмұнын айқындайтын синоним сөздер болып табылады», - деген пікірде [10, 12-13 бб].

П.Г.Лекарь мен А.Р.Зелинский «Ескерту» мен «Болдырмау» терминдерін ажыратып, жеке-дара бөліп қарауды ұсынған. Ескерту – қылмыстық құқық бұзушылықтың жасалуына әсер ететін себептер мен шарттарды жою, ал болдырмау – нақты қылмыстық құқық бұзушылыққа кедергі жасау, деп түсіндіреді [11, 45 б]. Г.А.Аванесов болса, «Ескерту» – терминін кең және тар мағынада түсіндіре келе, кең мағынада ескерту – қоғамның жекелеген мүшелерін қылмыстық құқық бұзушылық жасаудан қорғау, ал тар мағынада бұл қылмыстық құқық бұзушылықтардың себептері мен шарттарын жоюға бағытталған қызмет және тиісті алдын алу іс-шараларын жүргізу болып табылады. Ескерту – адамның қылмыстық құқық бұзушылық жасау мүмкіндігін жою, ал кесу – оқталуды аяқталған қылмысқа жеткізуіне жол бермеу.

Ескерту іс-шараларын дұрыс ұйымдастыру үшін қылмыстық құқық

бұзушылық сияқты жағымсыз әлеуметтік құбылысты жоюға немесе оның көлемін анағұрлым азайтуға әсер етудің нақты объектісін анықтау қажет. Осы аталған факторлардың негізінде қылмыстық құқық бұзушылықтың алдын алуды ескертудің түрлері бір-бірінен ерекшелінеді. Қылмыстылықты ескертудің кең мағынадағы объектісі белгілі бір уақыт аралығында жасалған қылмыс жиынтығының қоғамға қауіпті әрекеттері болып табылады. Бұл объект, оның есебі, жағдайы не оның өсу көрсеткіші ретіндегі өзіндік есеп[12,83б].

Жалпы түрінен ерекшелігі, арнайы ескерту іс-шаралары қылмыстық құқық бұзушылықтан адам бойын алыс ұстауды ескерту мақсатында, яғни жою криминогендік факторларды азайтуға, әлеуметтік кіші ортаны жақсартуға бағытталады[13,118б].

Қылмыстылықтан бой тасалауды ескерту жүйесіндегі (қолдану масштабына байланысты) қоғамдық дәрежесіне байланысты қылмыстық құқық бұзушылықтың алдын алу шараларын төмендегідей топтарға бөлуге болады:

1. Қылмыстылықтан бой тасалауды ескерту шараларының жалпы түрі – мемлекеттің барлық халқына немесе қоғамның негізгі бөлігіне әсер ететін, қылмыстық құқық бұзушылықтың детерминациясы мен себебін жою шаралары.

2. Қылмыстылықтан бой тасалауды ескерту шараларының топтық түрі – халықтың жекелеген әлеуметтік топтарына, жекелеген қызмет сфераларына әсер ету шаралары.

3. Қылмыстылықтан бой тасалауды ескерту шараларының жекелеген түрі-қылмысты жасайтын нақты тұлғаларға

әсер ету шаралары[14].

Нәтижелер

Жалпы еліміздегі қылмыстылықтың алдын алу мақсатында -мемлекеттік қызметкердің және адамдардың әлеуметтік несие жүйесін енгізу қажет.

Қоғамдық қарым-қатынастардың заманауи талапқа сай келуін реттеуде, мемлекеттік қызметкерлердің әлеуметтік кредит жүйесін құру қажет. Бастапқы рейтингтің алғы шарты ретінде әр бір мемлекеттік қызметкерге 1000 баллдан берілуі керек. Бұдан кейінгі қызметіндегі функционалдық міндеттемелерін орындауына қарай, қызметкердің әр әрекеті талданады, яғни балдарды қосылып немесе алып тасталып отырады. Аталған әлеуметтік жүйені қоғамның әр азамат үшін келешекте кезең-кезеңімен енгізу керек. Әр адамның оң әрекеттеріне сай жеке рейтингі үлгілі азамат ретінде өсетін жағдайда жоғарғы деңгейдегі рейтингіде болғаны үшін, оған мемлекет тарапынан сыйақылар, жеңілдіктер, төмен мөлшерлемелердегі несие беру, басқа да жеңілдіктер берілуі тиіс.

Орташа деңгейдегі рейтингтегі қызметкер жақсы мемлекеттік қызметтен (мысалы, мемлекеттік қызметтегі «А», «Б» корпустағылары) шығарылып, («С», «D», «Е» корпустағы) қызметтерге түсірілуі мүмкін. Рейтингісі төмен болған қызметкерлер, адамдар қара тізімге енгізіледі. Олар орта бизнесті бастай алмайды, жұмыс беруші такси жүргізушісі ретінде жұмысқа қабылдаудан бас тарта алады, несие берілмейді, тіпті оларға басқа облысқа жетудегі сапары үшін қоғамдық

көліктерде билеттері сатылмайды, тіпті автокөлікті, велосипедті жалға беруден бас тартады, яғни адамның жеке мәртебесі төмендейді. Мысалы, ҚХДР-да журналист тексерілмеген ақпаратты жариялағаны үшін, яғни журналистік тергеу жүргізбей сот процесінде жеңілгені үшін теміржол көлігіне билет сатып ала алмаған. Біздің нормативтік құқықтық актілердің ішінде, «БАҚ туралы» заңның талабында журналистік зерттеу жүргізу көрсетілген.

Реабилитация жүйесі негізінде, қоғамдық, қайырымдылық қорларында ж.т.б. жақсылықтар жасау арқылы төменгіден орта рейтингке шығу мүмкіндіктерін қарастыру қажет.

Жылжымайтын мүлікке қатысты қоғамдық қарым-қатынастарды реттеуде, яғни оған құқықтарды мемлекеттік тіркеу ҚР «Жылжымайтын мүлікке құқықтарды мемлекеттік тіркеу туралы» заңымен жүзеге асырылады.

Дегенмен, атаған заң талаптарында да, басқа да нормативтік құқықтық актілердегі тұлғалардың конституциялық құқықтары шектеліп отыратыны айдан анық.

Дегенмен де, бұл заңның қоғам қатынастарын реттеуде кездесетін осал тұстары да бар.

Жылжымайтын мүлікке құқықтарды мемлекеттік тіркеу қатынастарын реттеу заңнамасында тұлғалардың конституциялық құқықтарын шектейтін келесідей олқылықтарға тоқтала кетсек. Аталған заңның 5-бабында жылжымайтын мүлікке құқық ауыртпалықтарын мемлекеттік тіркеу мерзімі көрсетілмеген. Бұл тіркеуді жүзеге асыратын лауазым иелерінің істі сөзбойдаңға салуына жол береді.

Сонымен қатар, ауыртпалықтарды тіркегеннен кейін мүлік иесін ол туралы хабардар ету міндеттілігі қарастырылмаған. Ол өз кезегінде мүлікке қатысты ауыртпалық тіркелгені туралы хабарсыз меншік иесінің меншік құқығын жүзеге асырудағы жоспарларының орындалуына шектеуі туындатып, даудамайға алып келеді. Меншік иесінің талап арызы бойынша өткізіп алған шағымдану мерзімдерін қайта қалпына келтіру сұрақтары да сотта ұзақ мерзімде қаралуына да алып келеді. Және де аталған бапта жылжымайтын мүлікке құқық ауыртпалықтарын тіркеу шешіміне жоғары тұрған органға не сотқа шағымдану құқықтарын да көрсетпеген. Жалпы заңнамада даудамайларды сотқа дейінгі кезеңде медиациялық, партисипативтік тәсілдермен шешу сұрақтарын қарастырған абзал.

Қазақстан Республикасы «Жылжымайтын мүлікке құқықтарды мемлекеттік реттеу туралы» заңның 17-бабының 3-2-тармағында: «Құқықтық кадастрдан жылжымайтын мүлікке заңды тұлғалардың тіркелген құқықтары (құқықтар ауыртпалықтары) және тіркелген ауыртпалықтар, жылжымайтын мүлік объектісіне заңдық талаптар туралы ақпарат кез келген тұлғаға сұрау салу негізінде беріледі»-деп айқындалған[15]. Яғни, нормалар тұлғалардың өз меншіктеріне қатысты құпияларды сақтау талаптарын өрескел бұза отырып, оған қол сұғуға жол ашады.

Сонымен қатар, бұл заңның 20-бабы 2-тармағы 3-тармақшасында жылжымайтын мүлікке құқықтарды мемлекеттік тіркеу жүргізілгені туралы не тіркеуден бас тарту немесе оны

тоқтата тұру туралы хабарламаны бірінғай нотариаттық ақпараттық жүйеге, сондай-ақ олар болған кезде мәмілеге қатысушылардың электрондық мекен-жайларына жіберу мерзімдері де айқындалмаған. Ол туралы тез арада хабарлама берілгені абзал.

Мемлекеттік тіркеуге тұлғалардан келіп түскен құжаттарды қабылдаудан бас тарту барысында да кемшілік тұстары анықталып отыр. Қазақстан Республикасы «Жылжымайтын мүлікке құқықтарды мемлекеттік реттеу туралы» заңның 25-бабының 2-тармағында мемлекеттік тіркеуді бас тартқан орган қызметкерлерінің шешімдерін жоғарғы тұрған органға не сотқа шағымдану тәртібі, сондай-ақ тіркеуден бас тартуға негіз болған кемшіліктер жойылған кезінде құжаттарды мемлекеттік тіркеуге қайта тапсыруға рұқсат беретін мүмкіндіктер қарастырылмаған.

Осы заңның 27-бабы 6-тармағында мемлекеттік тіркеуді тоқтата тұру кезіндегі құжаттарды кері қайтарып алынуы, оны қайта тапсыру құқығын шектемейтіндігі туралы мәлімет болғаны абзал.

Сондай-ақ, заңның 31-бабында тіркеуші органның жылжымайтын мүлікке құқықтарды мемлекеттік тіркеуден бас тарту шешімін жоғары тұрған органға не сотқа шағымдану құқығын көрсету қажет.

Жылжымайтын мүлік құқығын мемлекеттік тіркеуге қатысты заңның 53-бабының 2-пунктіне жылжымайтын мүлікке қойылған ауыртпалықтар мен заңды талаптар туралы тіркеуші органды жер мен жылжымайтын мүлік иесіне ол туралы хабар берілуі туралы толықтырулар енгізу қажеттігі туындауда. Оны келесідей мәтінде

толықтыруды ұсынамыз.

ҚР «Жылжымайтын мүлікті мемлекеттік тіркеу туралы» заңының 53-бабы

«2. Тіркеуші орган жылжымайтын мүлік иесіне, пайдаланушысына мүлікіне қатысты қойылған және алынған ауыртпалықтар мен заңды талаптар

ҚР «Қазақстан Республикасындағы сәулет, қала құрлысы және құрылыс қызметі туралы» заңы Республикамыздағы сәулет, қала құрылысы және құрылыс қызметін жүзеге асыру барысындағы мемлекеттік органдардың, жеке және заңды тұлғалардың арасында туындайтын қарым-қатынастарды реттеуге және адамның мекендейтін және тіршілік ететін толымды ортасын қалыптастыруға, елді мекендер мен қонысаралық аумақтарды тұрақты дамытуға бағытталған[16]. Бұл заңның 18-бабына сай Сәулет, қала құрылысы және құрылыс саласындағы реттеуді жүзеге асыратын, сондай-ақ бақылау- қадағалау функцияларын атқаратын лауазымды адамдар мен мемлекеттік басқару органдары ретінде Қазақстан Республикасының Президенті; Қазақстан Республикасының Үкіметі; сәулет, қала құрылысы және құрылыс істері жөніндегі уәкілетті орган; сәулет, қала құрылысы және құрылыс қызметімен сабақтас болып табылатын мәселелер бойынша өздерінің арнаулы өкілеттіктері шегінде өзге де орталық атқарушы органдар; облыстардың, республикалық маңызы бар қалалардың және астананың, аудандардың, облыстық маңызы бар қалалардың жергілікті өкілді және атқарушы органдары болып табылады.

Қоғамның кез-келген саласындағы іспетті сәулет және қала құрылысықа қатысты қатынастарда да заң талаптарының өрескел бұзылып жатады. Аталаған құқық бұзушылықтар себептерінің бірі – қоғам субъектілерінің өз міндеттемелері мен құқықтарын білмеуі, яғни құқық сауаттылығының ақсаңдауында. Әрбір тұлғаның өз құқықтарын білмеуі не толық білмеуі, сонымен қатар оны жүзеге асыру жолдарындағы кемшіліктер заңнама талаптарының өрескел бұзылуына алып келіп соғады. Ал ол, өз кезегінде конституциялық құқықтардың аяқасты болуына жол береді. Атап айтар болсақ, ҚР «Қазақстан Республикасындағы сәулет, қала құрылысы және құрылыс қызметі туралы» 2001 жылғы 16-шілдедегі №242 заңының 13-бабында:

1. Қол жеткізілуі заң тәртібімен шектелген немесе мемлекеттік құпияларға жатқызылған ақпаратты қоспағанда, Қазақстан Республикасының жеке және заңды тұлғалары өздері мекендейтін және тіршілік ететін ортаның жай-күйі, оның сәулет, қала құрылысы және құрылыс қызметінде белгіленіп отырған болжамды өзгерістері туралы толық, уақтылы және сенімді ақпарат алуға құқығы бар-деп көрсетілген. Кім, қай субъект өздерінің тұрғылықты жерлерінің жай-күйі, оның сәулет, қала құрылысы және құрылыс қызметінде мемлекет тарапынан белгіленіп отырған болжамды өзгерістері туралы ақпарат алу құқығын біледі? Кім бұл құқықтарын таныстыру барысында іс жүзінде жүзеге асырып жатыр? Олардың бұл құқықтарын кім түсіндіріп жатыр? Кім ол туралы толық, уақтылы және сенімді ақпараттарын беріп отыр? Әрине, жауапты тұлғалар

да заңнамада көрсетілген. Яғни, осы заңның 26-бабы 5-тармағында аудан әкімдіктерінің қарамағындағы аумақта жүзеге асырылатын сәулет, қала құрылысы және құрылыс қызметі саласындағы құзыретіне аумақта жоспарланып отырған құрылыс салу не өзге де қала құрылысының өзгерістері туралы халыққа хабарлап отыру жүзеге асыру жатады. Алайда, бұл заңнаманың талаптарын орындап жатырған жан бар ма? Оны мүлтіксіз қадағалап отырған лауазым иесі қайда? Бұған төмендегі заң талаптарынан туындайтын сұрақтарға да жауап табу қиындау.

Талқыланып отырған заңның 13-бабының 2-тармағында: «Жеке және заңды тұлғаларды өздерінің мекендейтін және тіршілік ететін ортасының жай-күйі туралы, сондай-ақ аумаққа құрылыс салу (қайта жоспарлау) жөніндегі ниеттері туралы хабардар етуді бұқаралық ақпарат құралдары арқылы немесе қоғамдық талқылау жүргізу, экспозициялар мен көрмелер арқылы жергілікті аудандардың (қалалардың) атқарушы органдары жүзеге асырады»-деп айқындалған. Расында, қоғамдық талқылау жүргізу, экспозициялар мен көрмеледі сол елді мекендердің өзінде жүргізілгені абзал. Барлық тұрғындардың қатысу мүмкіндігін арттыру үшін. Сондай-ақ, бұл өзгертулер мен толықтырулар аталған баптың 3-тармағында да қатысты.

Аталған заңның 13-бабының 2-тармағындағы «немесе»-деген сөзді «және» деген сөз терминімен ауыстыру қажет. Себебі, тұлғалардың құқықтарын тек бұқаралық ақпарат құралдарымен ғана қамтамасыз ету, ол тұлғалардың толық қатыспауына, барлық

тұлғалардың мүдделеріне қатысты сұрақтардың толық шешілмеуіне әкеп соғады. Және ол құқықтарын кейінен жалғыз өзі жүзеге асыра алмау қауіпі тағыда бар.

Заңдағы жеке және заңды тұлғалардың жоғарыдағы құқықтарын шектеп отырған, оның орындалуына қасақана кедергі жасайтын лауазымды тұлғалар үшін жауапкершілік тек тәртіптік жауапкершілікке тартумен шектелген. Ал бұл заңсыздықтың салдарынан тұлғалардың конституциялық құқықтары бұзылып, үлкен материалдық және моральдік шығындарға батуына жол берілуде. Сол себепті, жылжымайтын мүлік құқығын иеленуге қарсы құқық бұзушылықтар үшін жауапкершілік қылмыстық заңнамада орын алуына негіз болып отыр. Ол – қоғамға келетін қауіптіліктің, одан туындайтын тұлғаларға келер зардаптың ауқымдылығымен түсіндіріледі.

Және де осы баптың 4-тармағында: «Мемлекеттік органдар жобаланатын объектілер, тіршілік ортасының және тіршілік ету әрекетінің жай-күйі және мемлекеттік нормативтерге немесе бекітілген қала құрылысы құжаттамасына сәйкес келмейтін, сондай-ақ қоғамдық және жеке мүдделерді тікелей қозғайтын, оған көзделіп отырған өзгерістер туралы анық емес ақпарат берген (қол жеткізілуі шектеулі санатқа жатқызылмаған сұратылған ақпаратты беруден бас тартқан) жағдайда, жеке және заңды тұлғалар Қазақстан Республикасының заңдарында белгіленген тәртіппен сотқа жүгінуге құқылы»-деп айқындалған. Бұл да өміршеңдігі жоқ, іс жүзінде жүзеге

аспайтын нормалардың бірі. Мысалы, Шымкент қаласы Қаратау ауданы Қайнарбұлақ елді мекенінде уақытысында қаланың Бас жоспарына сәйкес мектеп, бала-бақша объектілерінің құрылысын жүргізу туралы жобада болғанымен, 2019жылдан бастап жоспар жүзеге аспай тұрғаны мәлім. Алайда, сол жердегі ауыл шаруашылық нысанындағы жер уаскелерін жеке үй құрылысын жүргізуге ауыстыру туралы жеке тұлғалардың өтініштері, қала Бас жоспарының күші жойылса да атқарушы органмен қанағаттандырусыз қалуда. Болашақтағы екі-үш жыл көлемінде қаланың Бас жоспары қаралуы барысында ол жерлерге мектеп, бала-бақша салынуы мүмкін деген жансақ пікірмен ғана жауап беруде. Яғни, аталған лауазым иелерімен жеке тұлғаларға тіршілік ортасының және тіршілік ету әрекетінің жай-күйі және мемлекеттік нормативтерге немесе бекітілген қала құрылысы құжаттамасына сәйкес келмейтін, сондай-ақ қоғамдық және жеке мүдделерді тікелей қозғайтын, оған көзделіп отырған өзгерістер туралы анық емес ақпарат беруде. Бұл жөнінде тұлғалар сотқа жүгінгенімен олардың талап арыздары қанағаттандырусыз қалдырылады. Себебі, жоғарыдағы келтірілген лауазым иелерімен заңның талаптары орындалмаған жағдайда, олардың қабылдаған шешімдері заңсыз болып табылатындығы, ол шешімді тұлғалардың және қоғам мүдделері ескеріле отырып қайта қарастырылуы туралы заңда талап қойылмаған.

ҚР «Жылжымайтын мүлікті мемлекеттік тіркеу туралы» заңының 53-бабының 4-пунктіне өзгертулер енгізу

үшін жаңа мәтінде беру керек[2]. Яғни, қойылған заңды талаптардың, ауыртпалықтардың (арест) қажеттілігі болмай қалған жағдайларда, заңды талаптарды, ауыртпалықтарды қойған бастамшыларға (инициаторларға) оны алып тастауды міндеттеу. Ал, қазіргі таңдағы қолданыстағы ҚР «Жылжымайтын мүлікті мемлекеттік тіркеу» заңында оны құқығына қалдырған (53-баптың 4-пункті). Сондықтан, жылжымайтын мүлікті тіркеуге қатысты нормативтік құқықтық заңнамаға да келесідей толықтырулар енгізгені абзал.

ҚР «Жылжымайтын мүлікті мемлекеттік тіркеу туралы» заңының 53-бабы

«4. Жылжымайтын мүлікке

қатысты заңды талап, бастамшылығымен қойылған тұлғамен оны тіркеуден алып тастау туралы өтініші үш жұмыс күннің ішінде тіркеуші органға тапсырылады».

Жылжымайтын мүлігіне қатысты жасалған ауыртпалылықтар мен заңды талаптар жайында мәліметтерден оның иесінің не пайдаланушысының бейхабар болуы қоғамдық қатынастардың шиеленісуіне, ол өз кезегінде тұлғалардың конституциялық құқықтарының шектелуіне әкеп соғады. Жоғарыдағы өзгерістер мен толықтырулар аталған жылжымайтын мүлікке қатысты қоғамдық қатынастарды реттеуде орасан зор роль атқарады деген ниеттеміз.

Әдебиеттер тізімі

1. Қазақстан Республикасының құқықтық саясатының 2030 жылға дейінгі тұжырымдамасын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Президентінің 2021 жылғы 15 қазандағы № 674 Жарлығы.
2. Құқық бұзушылық профилактикасы туралы Қазақстан Республикасының 2010 жылғы 29 сәуірдегі № 271-IV Заңы. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z100000271> (қаралған күні: 20.01.2023).
3. Рақымбаева М.Қ. Өзіне-өзі қол жұмсауға жеткізу қылмысының алдын алу мәселелері. Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. Құқық сериясы. - 2022. - № 4. - Б. 136-144. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2022-141-4-136-146>
4. Статистикалық агенттік мәліметтері https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=87&slug=-70&cat_id=4&lang=kk (қаралған күні: 20.01.2023).
5. Кайржанов Е.И. Криминология. – Алматы: Өркениет. – 2000. – 288с.
6. Алауханов Е. Криминология. – Алматы: Қазығұрт. – 2006. – 127б.
7. Марцев А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. – Омск: НИиРИО Ом. ВШМ МВД СССР. – 1973. – 96 с.
8. Кобец Н.Г. Предупреждение правонарушений в производственном коллективе: Вопросы теории и практики. – Москва: Юрид. лит. – 1982. – 208с.
9. Иншаков С.М. Криминология: Практикум. – Москва: Юриспруденция. – 2003. – 304с.
10. Гольфанд А.И. Михайленко П.П. Предупреждение преступления – основа

борьбы за искоренение преступности. – Киев: – 1964. – 202с.

11. А.Г. Лекарь. Профилактика преступления. - Москва: Юр.лит-ра. – 1972. – 102с.

12. Иншаков С. Криминология. – Москва: Юриспруденция. – 2000. – 432с

13. Шестаков Д.А., Бурлаков В.И. Специальная профилактика преступлений: проблемы и перспективы. //Вестник Ленинградского университета. Сер.6 Вып.4. Ленинград. – 1990. – 118с.

14. Ещанов А. Криминология (Общая часть). – Астана: Институт законодательства Республики Казахстан. – 2008. – 222с

15. ҚР «Жылжымайтын мүлікті мемлекеттік тіркеу туралы» 26.07.2006ж. №310 заңы. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z070000310> (қаралған күні: 20.01.2023).

16. ҚР «Қазақстан Республикасындағы сәулет, қала құрлысы және құрылыс қызметі туралы» 2001 жылғы 16-шілдедегі №242 заңы. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z010000242> (қаралған күні: 20.01.2023).

Н.Р. Бижан¹, М.А. Еликбай²

¹Шымкентский университет, Шымкент, Казахстан

²Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан

Проблемы профилактики уголовных правонарушений против приобретения прав на недвижимое имущество

Аннотация. В представленной авторами статье освещаются вопросы профилактики уголовных правонарушений против приобретения прав на недвижимое имущество. Основное внимание в труде уделяется проблемным аспектам, связанным с правонарушениями, вытекающими из незаконности должностных обязанностей органов, уполномоченных на регистрацию собственности. Авторы делают вывод о том, что действующее законодательство ограничивает их конституционные права в отношении лиц в процессе приобретения указанных прав, а также обосновывают следующие взгляды: обязать регистрирующий орган в течение трех рабочих дней уведомить владельца, пользователя недвижимого имущества об обременениях и юридических требованиях, наложенных и полученных в отношении его имущества; внести в вышестоящий орган либо суд порядок обжалования решений работников органа, отказавшего в государственной регистрации; а также пересдать документы на государственную регистрацию при устранении недостатков, послуживших основанием для отказа в регистрации рассмотрение разрешающих возможностей; указать право регистрирующего органа обжаловать решение об отказе в государственной регистрации прав на недвижимое имущество в вышестоящий орган либо в суд; на необходимость внедрения системы социального кредитования государственного служащего и лиц.

В заключении сформированы рекомендации по совершенствованию

отечественной правовой основы в отношении приобретения прав на недвижимое имущество.

Ключевые слова: владение недвижимостью, профилактика правонарушений, система социального кредита, государственный служащий, должностное лицо, коррупция, обжалование, политика, право.

N.R. Bizhan¹, M.A.Yelikbay²

¹Shymkent University, Shymkent, Kazakhstan

²M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan

Problems of prevention of criminal offenses against the acquisition of rights to immovable property

Abstract. The article highlights the issues of prevention of criminal offenses against the acquisition of rights to real estate. The work focuses on problematic aspects related to offenses arising from the illegality of the official duties of bodies authorized to register property. The authors conclude that the current legislation restricts their constitutional rights in relation to persons in the process of acquiring these rights. They also substantiate reasons to oblige the registering authority to notify the owner, or user of immovable property within three working days of encumbrances and legal requirements imposed and received in respect of his property; to submit to a higher authority or court the procedure for appealing decisions of employees of the body that refused state registration; and also to resubmit documents for state registration when elimination of deficiencies that served as the basis for refusal of registration consideration of permissive possibilities; indicate the right of the registering authority to appeal the decision to refuse state registration of rights to the immovable property to a higher authority or to a court; on the need to introduce a system of social crediting of a civil servant and persons.

In conclusion, the authors highlight recommendations for improving the domestic legal framework regarding the acquisition of rights to immovable property.

Keywords: real estate ownership, crime prevention, social credit system, civil servant, official, corruption, appeal, politics, law.

References

1. Kazakstan Respublikasynyn kykyktyk sayasatynyn 2030 zhyлга dejingi tyzhyrymdamasyn bekitu turaly Kazakstan Respublikasy Prezidentinin 2021 zhylygy 15 kazandagy [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated October 15, 2021 No. 674 "On approval of the Concept of Legal Policy of the Republic of Kazakhstan until 2030"] № 674 ZHarlyǵy. [in Kazakh]

2. Kykyk bezushylyk profilaktikasy turaly Qazaqstan Respublikasynyn 2010 zhylygy 29 sauirdegi № 271-IV Zany. [Law of the Republic of Kazakhstan dated April 29, 2010 No. 271-IV "On the prevention of offenses". <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z100000271>]

(accessed: 20.01.2023) [in Kazakh]

3. Rakymbaeva M.K. Ozine-ozii kol zhymssauga zhetkizu kylmysynyn aldyn alu maseleleri. [Problems of prevention of crime leading to suicide.]L.N. Gumilev atyndagy Euraziya ylttyk universitetinin habarshysy. Kykyk seriyasy. - 2022. - № 4. - B. 136-144. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2022-141-4-136-146>. [in Kazakh]

4. Statistikalyk agenttik malimetteri https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=87&slug=-70&cat_id=4&lang=kk (accessed: 20.01.2023).

5. Kajrzhanov E.I. Kriminologiya. [Criminology. General part; Textbook] –Almaty: Orkeniet. – 2000. – 288s. [in Kazakh]

6. Alauhanov E. Kriminologiya. [Criminology] – Almaty: Kazygyrt. – 2006. –127b. [in Kazakh]

7. Marcev A.I. Ugolovnaya otvetstvennost' i obshchee preduprezhdenie prestuplenij. [Criminal responsibility and general prevention of crimes] – Omsk: NIiRIO Om. VSHM MVD SSSR. – 1973. – 96 s. [in Russian]

8. Kobec N.G. Preduprezhdenie pravonarushenij v proizvodstvennom kollektive: Voprosy teorii i praktiki. [Prevention of violations in the production team: Theory and practice] – Moskva: YUrid. lit. – 1982. – 208s. [in Russian]

9. Inshakov S.M. Kriminologiya: Praktikum. [Criminology: Praktikum] –Moskva: YUrisprudenciya. – 2003. – 304s. [in Russian]

10. Gol'fand A.I. Mihajlenko P.P. Preduprezhdenie prestuplenie – osnova bor'by za iskorenenie prestupnosti. [Prevention of crime is the basis of the struggle for the eradication of crime] –Kiev.; –1964. –202s. 11. A.G. Doctor. Prevention of crime. -Moscow: Yur.lit-ra. - 1972. - 102s. [in Russian]

12. Inshakov S. Kriminologiya. [Criminology] – Moskva: YUrisprudenciya. –2000. – 432s. [in Russian]

13. Shestakov D.A., Burlakov V.I. Special'naya profilaktika prestuplenij: problemy i perspektivy. [Special prevention of crimes: problems and perspectives]//Vestnik Leningradskogo universiteta. Ser.6 Vyp.4. Leningrad. – 1990. –118s. [in Russian]

14. Eshchanov A. Kriminologiya (Obshchaya chast') [Criminology (General part)] – Astana: Institut zakonadatel'stva Respubliki Kazakhstan, – 2008. – 222s. [in Russian]

15. ҚР «Zhylzhymajтын mylykti memlekettik tirkeu turaly» 26.07.2006zh. №310 заңу. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z070000310> (accessed: 20.01.2023) [in Kazakh].

16. Kazakhstan "On architecture, urban planning and construction activities in the Republic of Kazakhstan". [RK "On state registration of real estate"] <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z010000242> (accessed: 20.01.2023) [in Kazakh].

Авторлар туралы мәлімет:

Бижан Н.Р. - заң ғылымдарының кандидаты, Шымкент университеті, Рысқұлов к. 27/2, Шымкент, Қазақстан.

Елікбай М.Ә. - заң ғылымдарының кандидаты, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Тауке-хан к. 5, Шымкент, Қазақстан.

Bizhan N.R. - Candidate of Law, Shymkent University, 27/2 Ryskulov str.,
Shymkent, Kazakhstan.

Yelikbay M.A. - Candidate of Law, M. Auezov South Kazakhstan University, 5
Tauke-Khan str., Shymkent, Kazakhstan.

М.А.Садыков¹, М.О.Сакупова², Е.А.Алтаев¹

¹Кызылординский университет имени Коркыт Ата, Кызылорда, Казахстан

²Филиал РГКП «Центр судебных экспертиз МЮ РК»

Институт судебных экспертиз по

Кызылординской области, Кызылорда, Казахстан

(E-mail: korneic@mail.ru, merekesak@mail.ru, altaeverlan@mail.ru)

Исследование пересекающихся штрихов, выполненных чернилами ручек-роллеров, тонером лазерного принтера и штемпельной краской оттиска печати

Аннотация. Авторами поднимается вопрос о решении относительной давности документа путем исследования пересекающихся штрихов реквизитов. Показана *актуальность* вышеуказанной темы, которая возрастает по мере изменения свойств пишущих приборов и химического состава красящих веществ в штрихах. Отмечено, что отсутствие в научных кругах диспута или дискуссии по этой теме отрицательно сказывается не только на развитие теоретических положений, но и не позволяет экспертам на практике решать по существу вопросы хронологической последовательности выполнения реквизитов документов, поступающих на экспертизу или исследование. Обозначены методы и способы, разработанные ранее и апробированные на многолетней криминалистической практике. Рекомендована пошаговая инструкция работы эксперта: осмотр документа с обозначением наличия пересекающихся штрихов, проведение тонкослойной хроматографии для установления химического состава материалов, изучение свойств штрихов с помощью микроскопа, применение спектрального микроскопа с целью исследования в невидимых зонах спектра, подготовка и проведение копирования штрихов на адсорбент, увлажненный водой или растворителями. Обращено внимание на такой важный аспект при проведении экспериментального этапа копирования, как правильный подбор адсорбента, увлажнителей (вода, растворители) и времени контакта. Представленная работа написана на основе информационного письма, одобренного на совместном заседании Ученого и Научно-методического совета НИИСЭ МЮ РК.

Ключевые слова: тонер, люминесценция, влажное копирование, диффузно-копировальный метод, микроскопия, морфология штрихов, ПВХ-пленка.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-113-127>

Введение

Перед экспертами нередко ставится вопрос о давности документа, последовательности выполнения реквизитов, о том, в одно или разное время были внесены какие-либо записи или изменения в данный документ.

Установление абсолютной давности документа – практически не решаемая задача, ввиду отсутствия методики, которую приняло бы экспертное сообщество. В отношении относительной давности вопрос стоит не так категорично, хотя эта задача является одной из сложных, так как решение зависит от физико-химических свойств штрихов этих реквизитов (способность копирования, морфология, люминесценция, компонентный состав, цвет, поглощение или отражения светового потока).

Для решения этого вопроса имеются два подхода: 1. установление и сопоставление времени выполнения каждого реквизита в документе; 2. установление хронологической последовательности выполнения реквизитов в документе [1].

Ученые-криминалисты с начала 20-го века стали заниматься этой проблематикой, накоплен большой опыт, созданы методы исследования штрихов всевозможных пишущих приборов. Но орудия письма совершенствуются, появляются красящие вещества с иным химическим составом, улучшается качество бумаги – все это заставляет выявлять новые способы, разрабатывать методическую базу, структурно менять концепцию подхода к этой проблеме. К этому же

необходимо добавить, что порядок составления ряда документов строго регламентируется: основной текст – подпись – оттиск печати и другие по необходимости реквизиты [2]. Все эти перечисленные моменты и влияют на постоянно возрастающую *актуальность* предлагаемой темы.

К сожалению, отечественные ученые обходят указанный вопрос и за это время появилась только одна методика по исследованию штрихов рукописных записей [3]. Отсутствие методики, методических рекомендаций и широкого научного обсуждения в виде публикаций и статей негативно сказывается на качестве экспертиз и исследований пересекающихся штрихов. Эксперты, загруженные «рутиной», в большинстве случаев просто отказываются давать какой-либо категорический вывод и не решают вопрос по существу. Самым популярным ответом на проведенное исследование становится «не представляется возможным» (НПВ). И одной из целей написания нашей статьи является пробудить интерес наших коллег к названной проблеме, организовать дискуссию, поделиться опытом и практическими навыками.

Среди многочисленных зарубежных ученых нам импонирует комплексный подход Даниловича В.Б. по поиску новых методов и способов установления хронологической последовательности выполнения реквизитов документа [4]. Особо ценным, на наш взгляд, является то, что Владимир Борисович, в отличие от других исследователей, не просто предложил новые способы исследования, но и составил алгоритм

действий эксперта, акцентировал внимание на проведении эксперимента как важнейшем этапе перед проведением влажного копирования.

Правда, ряд специалистов подвергают критике его работы в части наглядности иллюстрационного материала [5], но это никак не умаляет достоинства его методик.

Опросом экспертов было установлено, что во многих случаях при назначении экспертиз по пересекающим штрихам поступают документы, в которых реквизиты выполнены на лазерном принтере, чернилами шариковых ручек и штемпельной краской оттиска печати.

Поэтому в своей статье мы попытаемся, основываясь на схеме, предложенной Даниловичем В.Б. [6] и учитывая замечания коллег, показать пошаговый ход работы эксперта при решении интересующего нас вопроса на примере одного документа.

Методы исследования

При проведении исследования авторами применялись общенаучные и специальные методы: физические, фотографические, химические, визуальный осмотр документа, осмотр штрихов реквизитов с помощью микроскопа, тонкослойная хроматография, люминесцентное исследование штрихов, влажное копирование и адсорбционно-люминесцентное изучение штрихов в месте пересечения.

Обсуждение

Перед началом исследования с целью решения вопроса о последовательности нанесения реквизитов документа экспертами тщательно изучается документ и ранее решенные предыдущими экспертизами задачи и выводы. Если по данному объекту уже проводилось исследования, то они должны быть в распоряжении эксперта.

Так как некоторые методы экспертного исследования бывают сопряжены с повреждением объекта или даже полным его уничтожением, *видоизменяющие* методы исследования применяются с разрешения органа или лица, назначившего экспертизу. Указанное разрешение должно содержаться в постановлении (определении) о назначении экспертизы либо в соответствующем письме [7].

На начальном этапе указанного исследования применяются *невидоизменяющие* методы, а также методы, не вызывающие необратимых изменений состава исследуемых материалов письма. К ним относятся методы, основанные на визуальном исследовании штрихов при различных режимах освещения, без использования и с использованием увеличительных приборов и микроспектрофотометрии.

В обязательном порядке необходимо провести описание и измерение, сделать фотокопии или ксерокопии представленного документа (фото №№1,2). После исследования эти фотокопии или ксерокопии с отметками должны быть вложены в конверт и прикреплены к заключению. Эта информация необходима эксперту в

случае назначения дополнительной экспертизы.

Фото № 1. Общий вид документа, представленного на исследование

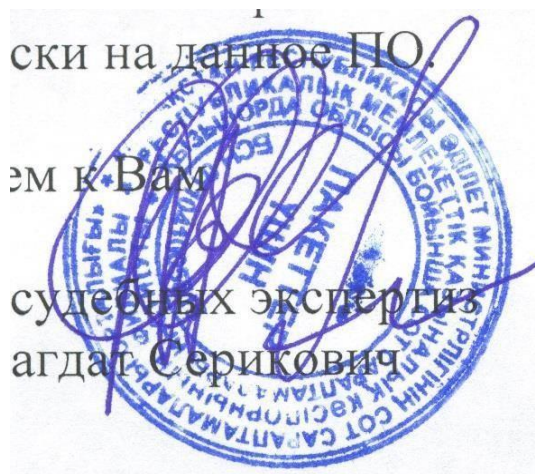

Фото №2. Фрагмент документа с оттиском печати, подписи и печатного текста.

Во всех случаях исследования записей необходимо строго придерживаться последовательности применения экспертных методик и использования средств, позволяющих осуществлять дифференциацию штрихов. Изучение штрихов материалов письма начинают с определения цвета, его оттенка и морфологических признаков.

После осмотра документ рекомендуем передать в руки эксперта-химика для проведения тонкослойной хроматографии. На этом этапе определяется состав материалов письма, способность их к растворению водой или химическими реактивами.

Микроскопическое исследование

Технические характеристики микроскопа МБС-10 позволяют существенно повысить степень различимости деталей объекта, следов давления, изучить микроструктуру штрихов, определить пишущий прибор и род материалов письма.

Также микроскопическим исследованием можно выявить ряд признаков, позволяющих определить последовательность нанесения штрихов исследуемых реквизитов документа. Одним из таких признаков является наблюдаемая непрерывность поверхлежащего штриха и прерывистость нижележащего штриха. Для изучения данного признака выбираются оптимальные условия освещения: варьируют угол падения света и его направление по отношению к исследуемому участку, стереоскопический эффект и используют различные отражательные свойства «красителя» штрихов. При данном исследовании не исключается «ложная» и неопределенная картина участка пересечения, обусловленная отсутствием четких границ штрихов, доминированием более темного цвета над более светлым и диффузией [8].

По этой причине результаты микроскопического исследования стоит считать лишь предварительными. В

дальнейшем они могут быть или подтверждены или опровергнуты.

Совокупность результатов хроматографии и микроскопии позволяют установить не только морфологию штрихов в представленном документе, но и каким пишущим прибором они образованы.

Штрихи подписи, выполненные ручкой-роллером, характеризуются следующими признаками (фото №3):

Фото №3. Микроструктура штрихов подписи, выполненной чернилами роллерной ручки. (увел. 32х)

- красящее вещество проникает в толщу бумаги;
- имеются следы давления пишущего прибора в виде углублений или бороздок с пологими краями;
- штрихи окрашены неравномерно, лежащие выше волокна основы (бумаги) документа окрашены более интенсивно;
 - наличие блеска красящего вещества в местах его скопления;
 - красящее вещество расплывается по волокнам, величина расплывов зависит от степени проклейки бумаги (основы документа);
 - вещество растворяется в воде.

Штрихи оттиска печати выполненные штемпельной краской, характеризуются следующими признаками (фото №4):

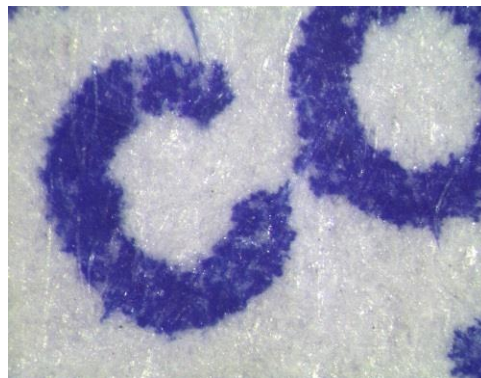

Фото №4. Микроструктура штрихов оттиска печати, выполненного штемпельной краской. (увел. 32х)

- хорошее проникновение красящего вещества в бумагу;
- поверхность штрихов матовая;
- отсутствие рельефа в штрихах;
- расплывы красящего вещества по волокнам бумаги;
- отсутствие деформации бумаги в месте нанесения оттиска;
- отсутствие люминесценции красящего вещества в месте нанесения оттиска в ультрафиолетовых лучах;
- вещество растворяется в воде.

Штрихи печатного текста, выполненные лазерным принтером, характеризуются следующими признаками (фото №5):

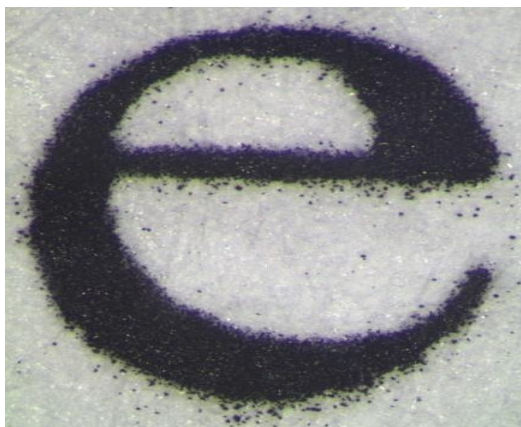

Фото № 5. Микроструктура штрихов печатного текста, выполненного на лазерном принтере. (увел. 32х)

- наложение красящего вещества поверхностное, отсутствует рельеф штрихов, выполненных красящим веществом;
- наличие точек-марашек черного цвета на чистых (незапечатанных) местах бумаги;
- наличие непропечатанных мест;
- дискретное в виде мелких частиц наложение красителя;
- наличие блеска красящего вещества в штрихах;
- при воздействии на штрихи заостренным предметом удаляется красящее вещество;
- неравномерное распределение красящего вещества на поверхности бумаги;
- в штрихах отсутствуют следы давления;
- красящее вещество не растворяется в воде;
- штрихи не люминесцируют в ультрафиолетовых лучах.

Исследование люминесцирующей способности материалов письма пересекающихся реквизитов.

Исследование люминесценции позволяет достигнуть более высокого цветового и яркостного контраста, чем при наблюдении в отраженном свете. За счет люминесцентных свойств штрихов возможно обнаружить непрерывность верхнего и прерывистость нижнего штрихов. Это особенно важно при изучении пересекающихся штрихов, близких по цветовому оттенку. Известно, что одноцветные штрихи, выполненные однородными материалами письма, могут иметь разные химические свойства. Эти различия обнаруживаются при изучении люминесценции.

Люминесценцию исследуют в видимой, в дальней, красной и ближней инфракрасной областях. Для этого в дальнейшей работе был использован люминесцентный микроскоп «Регула 5001. МК01», с помощью которого мы не просто можем наблюдать, но и фиксировать картину свечения люминесценции исследуемых штрихов.

Картина свечения люминесценции может быть разной: равномерной по всей длине штриха, на его границах или вовсе не люминесцировать, может сразу наблюдаться непрерывная люминесценция или отсутствие люминесценции верхнего непрерывного штриха. Следует учитывать также интенсивность люминесценции исследуемых пересекающихся штрихов. Также картина может быть неясной (фото №№6,7). Чаще всего это происходит в тех случаях, если нечетко выражены границы штрихов либо «перебиваются» свечением люминесценции бумаги.

Благоприятными условиями образования истинной картины пересечения являются следующие:

- ярко светящиеся контуры штрихов;
- если один из штрихов не люминесцирует, другой должен интенсивно люминесцировать;
- примерно одинаковая интенсивность свечения обоих штрихов, однако, свечение не слишком яркое.

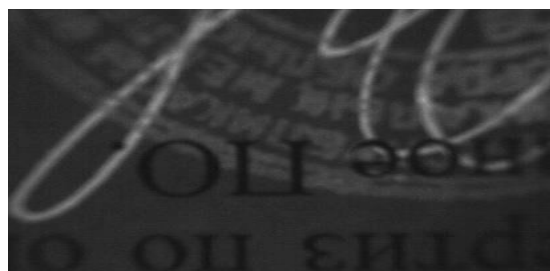
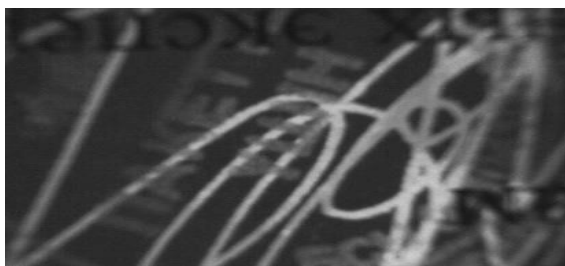

Фото № 6, 7. Картина люминесценции мест пересечения исследуемых штрихов. Зеленый люминесцентный осветитель длина волны 530н/м, светофильтр КС-19 длина волны 700-1100 н/м.

Исследование копировальной способности материалов письма.

Одним из видов видоизменяющих методов является копирование пересекающихся штрихов на адсорбент, смоченный системой растворителей. Существует общее правило подготовки и проведения копирования, которое подразумевает пошаговое выполнение определенных мероприятий.

Шаг №1. По полученным результатам хроматографического и микроскопического исследований эксперту необходимо подобрать аналогичные материалы письма по

цвету, качественному и количественному составу красителей. Обязательно нужно обращать внимание на то, что интенсивность красящих веществ в штрихах-аналогах была близка к интенсивности красящих веществ в исследуемых штрихах.

Для проведения эксперимента берется лист чистой бумаги, схожей с бумагой исследуемого документа, на котором эксперт наносит экспериментальные пересечения в двух заведомо известных вариантах их взаиморасположения.

Шагом №2 является подбор условий копирования в ходе проведения эксперимента и является основным, поскольку от этого зависит решение задачи, поставленной перед экспертом. Этот этап включает в себя:

- подбор растворителей или системы растворителей;
- подбор адсорбента;
- установление времени контакта.

При подборе системы растворителей нужно принимать во внимание степень растворимости материалов письма в растворителях любых типов. Время контакта зависит от силы давления, рода материала письма, структуры штриха. Если пренебречь указанными факторами, то при длительном контакте, вероятно взаимопроникновение красящих веществ штрихов в местах пересечения, что может повлечь за собой искажение реальной картины хронологической последовательности их выполнения.

Условия копирования проверяются на обоих заведомо известных вариантах пересечения. Лучшие результаты достигаются при таких условиях, при которых верхележащий штрих

воспринимается непрерывным, с четкими краями, с одинаковой интенсивностью, а нижний штрих или прерывается или отображается со значительной меньшей интенсивностью цвета в месте пересечения.

Выбор адсорбента зависит от материала письма, системы растворителей и времени контакта. В методической литературе довольно подробно описаны виды адсорбента, рекомендуемые при копировании пересекающихся штрихов - отфиксированная глянцевая фотобумага и поливинилхлоридная (ПВХ) пленка, которые будут нами использованы в данной работе.

Экспериментальное копирование продолжается до тех пор, пока на поверхности адсорбента не отобразятся оба откопированных штриха и последовательность их взаиморасположения не будет соответствовать их реальной хронологии выполнения пересечения.

И только после этого эксперт может перейти к следующему шагу №3 – копирование исследуемых штрихов пересечения. Здесь надо отметить, что при правильном подборе условий копирования на исследуемых участках пересечений должна получиться четкая картина взаиморасположения штрихов, соответствующая одному из двух заведомо известных вариантов их выполнения.

Наглядные примеры применения методов копирования с фотобумагой и ПВХ-пленкой.

Исследуемый участок пересечения штрихов оттиска печати и «роллера»:

1) копирование с применением фотобумаги. Для копирования штрихов

оттиска печати и «роллера» отрезок предварительно отфиксированной фотобумаги поддержали в «чашке Петри» с водой определенное время (в течение одной-двух минут, время зависит от температуры воды, «давности» исполнения штрихов, времени хранения и эксплуатации, экспертом применяется метод моделирования). Затем с поверхности фотобумаги удалили избыточное количество влаги, после чего наложили на место пересечения штрихов оттиски печати и роллера на 5 секунд. После при изучении полученной «контактограммы» с помощью микроскопа МБС-10 было установлено, что на адсорбенте зеркально отобразились нижние штрихи оттиска печати и верхние штрихи роллерной ручки (фото №№8,9,10).

2) копирование с применением ПВХ. С целью откопирования штрихов печатного текста, оттиска печати и «роллера» отрезок ПВХ-пленки размачивали в циклогексаноне в течение 5 секунд, затем с поверхности ПВХ-пленки удалили избыточное количество растворителя. Отрезок пленки приложили к участку пересечения исследуемых штрихов на 2 секунды. После, при изучении полученной «контактограммы» с помощью микроскопа МБС-10, было установлено, что на ее поверхности зеркально отобразились нижние штрихи оттиска печати и роллерной ручки и верхние штрихи печатного текста (фото №№11.12.13).

Фото № 8. Места пересечения штрихов отиска печати и чернил роллерной ручки.

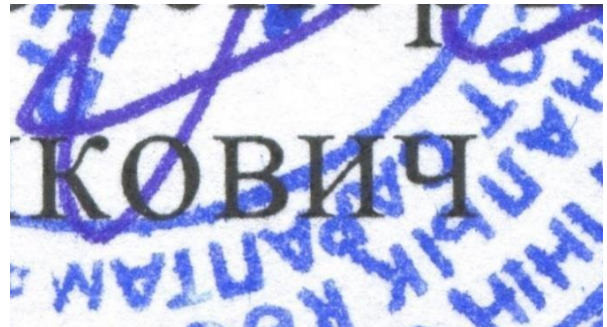

Фото № 11. Места пересечения отиска печати, чернил роллерной ручки и печатного текста.

Фото № 9. То же, что и на фото №8 после копирования на увлажненную фотобумагу, контакт 5 секунд.

Фото № 12. То же, что и на фото №11 после копирования на ПВХ-пленку, размягченную в циклогексаноне, контакт 2 секунды.

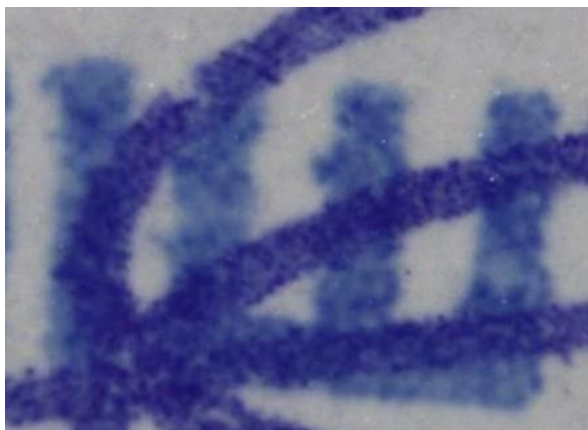

Фото № 10. Увеличенный фрагмент участка фото №9. Хорошо видны нижележащие штрихи отиска печати и верхние штрихи чернил роллерной ручки.

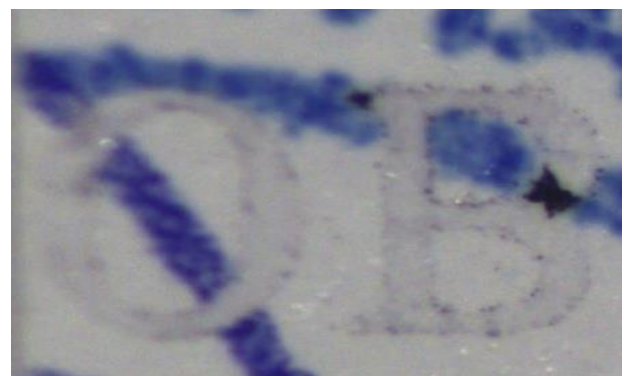

Фото № 13. Увеличенный фрагмент участка фото №12. Штрихи отиска печати и чернил роллерной ручки находятся под штрихами печатного текста.

Изучение люминесценции отпечатков следует проводить в день их получения, так как со временем четкость картины уменьшается. Если отпечаток какого-либо из штрихов люминесцирует слишком ярко, более отчетливо признаки проявляются при пониженной освещенности.

Откопированные участки исследовали на люминесцентном микроскопе «Регула 5001. МК01». На отпечатке наблюдается непрерывная люминесцирующая полоса верхнего штриха роллерной ручки, экранирующая в месте пересечения люминесценции нижнего штриха отиска печати (фото №№ 14,15,16).

Фото № 14. Места пересечения штрихов отиска печати и чернил роллерной ручки.

Фото № 15. То же, что и на фото №14 после копирования на увлажненную фотобумагу, контакт 5 секунд.

Фото № 16. То же, что и на фото № 15. Сине-зеленый люминесцентный осветитель, длина волны 505н/м, светофильтр КС-19, длина волны 700-1100 н/м. Непрерывистые штрихи чернил роллерной ручки расположены на штрихах отиска печати.

В другом случае видны люминесцирующие полосы нижних штрихов отиска печати и роллерной ручки, прерывающиеся нелюминесцирующими верхними штрихами печатного текста (фото №№. 17,18,19).

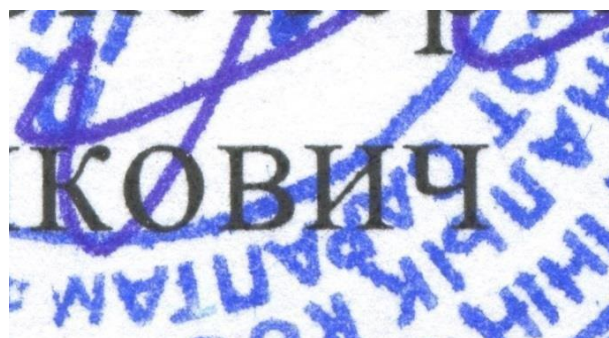

Фото № 17. Места пересечения отиска печати, чернил роллерной ручки и печатного текста.

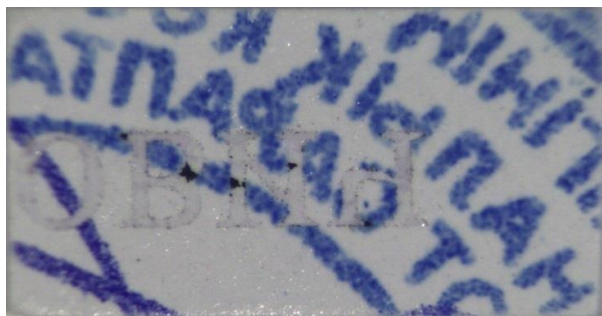

Фото № 18. То же, что и на фото №17 после копирования на ПВХ- пленку, размягченную в циклогексаноне, контакт 2 секунды.

Фото № 19. То же, что и на фото № 18. Зеленый люминесцентный осветитель, длина волны 530н/м, светофильтр КС-19 длина волны 700-1100 н/м. Видны прерывистые нижние люминесцирующие штрихи оттиска печати и чернил роллерной ручки и нелюминесцирующие верхние штрихи печатного текста.

Результаты

1. Следует подчеркнуть, что применение метода копирования требует большого практического навыка как при получении отпечатков, так и при оценке признаков. Поэтому до производства рассматриваемых экспертных исследований специалист должен изучить достаточное количество экспериментальных образцов и

соответствующую литературу.

2. Обоснованность вывода эксперта становится более весомой и убедительной при использовании комплекса методов. В таких случаях они как бы дополняют друг друга, а количество выявляемых признаков значительно увеличивается.

Заключение

Для эффективной работы эксперта по представленной теме необходимо создать систематизированные и регулярно пополняемые коллекции материалов письма как в виде штрихов, нанесенных на бумагу, так и в емкостях. Без этого эксперт, заваленный работой, просто не в состоянии подбирать аналоги, а значит, или может ошибиться с выводом или не сможет прийти к определенному выводу. Эта коллекция, как и атлас хроматографии должны быть централизованными и доступны каждому эксперту.

Список литературы

1. Ляпичев, В.Е., Шведова Н.Н. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учебник/ под редакцией В.Е. Ляпичева, Н.Н. Шведовой – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2005. - С. 221.
2. Правила документирования, управления документацией и использование систем электронного документооборота в государственных и негосударственных организациях: Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2018 г. № 703 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31 августа 2022). [Электронный ресурс] - URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39928491 (дата обращения 08.02.2023).
3. Бурков А.И. Методика судебно-экспертного исследования штрихов рукописных реквизитов. Астана, 2010г.
4. Данилович В. Б., Онищенко А. А. Исследование пересекающихся штрихов (ч. 1): Общая схема, методы и частные методики исследования: методические рекомендации – М.: РФЦСЭ Минюста России, 2002. С. 7.
5. Библиографическое описание: Фокина А.А., Головастиков Г.Ю., Лютов В.П. Анализ методики установления последовательности выполнения пересекающихся реквизитов с применением математической статистики// «Энциклопедия судебной экспертизы»; Научно-практический журнал – 2016г. - №1 (8) [Электронный ресурс] – URL:<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44342645> (дата обращения 17.05.2022).
6. Данилович В.Б., Пахомов А.В. Исследование пересекающихся штрихов, выполненных чернилами. / под редакцией Дильдина Ю.М. – Методические рекомендации - М. 2010г. С. 13.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 года № 231- V ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.01.2023). [Электронный ресурс] – URL:https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения 20.06.2022).
8. Викторова Л.Н., Сафроненко Т.И., Юрков И.С. Исследование пересекающихся штрихов; учебное пособие - М. ВНИИ МВД СССР -1978г. – С. 11-12.

М.А. Садықов¹, М.О. Сакупова², Е.А. Алтаев¹

¹Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан

²«ҚР ӘМ Сот сараптамалары орталығы» РМҚК Қызылорда облысы бойынша сот сараптамалары институты филиалы, Қызылорда, Қазақстан

Роликті қалам сиясымен, лазерлік принтер тонерімен және басып шығару әсерінің мөртабан бояуымен жасалған қиылысатын штрихтарды зерттеу

Андатпа. Авторлар деректемелердің қиылысатын штрихтарын зерттеу арқылы құжаттың салыстырмалы ескіруін шешу туралы мәселе көтереді. Жоғарыда

аталған тақырыптың өзектілігі көрсетілген, ол жазу құралдарының қасиеттері мен соққылардағы бояғыш заттардың химиялық құрамы өзгерген сайын артады. Ғылыми ортада осы тақырып бойынша пікірталастың немесе пікірталастың болмауы теориялық ережелердің дамуына теріс әсер етіп қана қоймайды, сонымен қатар сарапшыларға сараптамаға немесе зерттеуге түсетін құжаттардың деректемелерін орындаудың хронологиялық реттілігі мәселелерін іс жүзінде шешуге мүмкіндік бермейді. Бұрын жасалған және көпжылдық сот практикасында сыналған әдістер мен әдістер көрсетілген. Сарапшының жұмысының қадамдық нұсқаулығы ұсынылады: қиылысатын соққылардың болуын көрсететін құжатты тексеру, материалдардың химиялық құрамын анықтау үшін жұқа қабатты хроматография жүргізу, микроскоптың көмегімен соққылардың қасиеттерін зерттеу, спектрдің көрінбейтін аймақтарында зерттеу мақсатында спектрлік микроскопты қолдану, соққыларды сумен немесе еріткіштермен ылғалданған адсорбентке көшіру және дайындау. Эксперименттік көшіру кезеңін жүргізу кезінде адсорбентті, ылғалдандырғыштарды (су, еріткіштер) және жанасу уақытын дұрыс таңдау сияқты маңызды аспектке назар аударылды. Ұсынылған жұмыс ҚР ӘМ ҒЗИ ғылыми-әдістемелік кеңесінің және ғылыми-әдістемелік кеңесінің бірлескен отырысында мақұлданған Ақпараттық хат негізінде жазылды.

Түйін сөздер: тонер, люминесценция, дымқыл көшіру, диффузиялық көшіру әдісі, микроскопия, инсульт морфологиясы, ПВХ пленкасы.

M.A. Sadykov¹, M.O. Sakupova², E.A. Altaev¹

¹*Kyzylorda Korkyt Ata University, Kyzylorda, Kazakhstan*

²*Filial RGKP "Center for Forensic Examinations of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan" Institute of Forensic Examinations in the Kyzylorda region, Kyzylorda, Kazakhstan*

The study of intersecting strokes made with the ink of roller pens, laser printer toner, and stamp ink of the print impression

Abstract. The authors raise the question of solving the relative prescription of the document by examining the intersecting strokes of the requisites. The relevance of the above topic is presented in the article. Also, the relevance increases as the properties of writing instruments and the chemical composition of coloring substances in strokes change. It is noted that the absence of a dispute or discussion on this topic in scientific circles has a negative impact not only on the development of theoretical positions but also does not allow experts to solve in practice the issues of the chronological sequence of the execution of the requisites of documents submitted for examination or research. The methods and methods developed earlier and tested in long-term forensic practice are indicated. Step-by-step instructions for the expert's work are recommended: inspection of a document indicating the presence of intersecting strokes, conducting thin-layer chromatography to establish the chemical composition of materials, studying the

properties of strokes using a microscope, using a spectral microscope to study invisible spectral zones, preparing and copying strokes on an adsorbent moistened with water or solvents. Attention is drawn to such an important aspect during the experimental stage of copying as the correct selection of adsorbent, humidifiers (water, solvents), and contact time. The presented article is written on the basis of an information letter approved at a joint meeting of the Scientific and Methodological Council of the NIISE of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: toner, luminescence, wet copying, diffuse copying method, microscopy, the morphology of strokes, PVC film.

References

1. Lyapichev, V.E., SHvedova N.N. Tekhniko-kriminalisticheskaya ekspertiza dokumentov: uchebnik/ pod redakciej V.E. Lyapicheva, N.N. SHvedovoj – Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2005. - S. 221.
2. Pravila dokumentirovaniya, upravleniya dokumentaciej i ispol'zovanie sistem elektronnoho dokumentooborota v gosudarstvennyh i negosudarstvennyh organizacijah: Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 31 oktyabrya 2018 g. № 703 (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 31 avgusta 2022). [Elektronnyj resurs] - URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39928491 (accessed: 08.02.2023).
3. Burkov A.I. Metodika sudebno-ekspertnogo issledovaniya shtrihov rukopisnyh rekvizitov. Astana, 2010g.
4. Danilovich V. B., Onishchenko A. A. Issledovanie peresekayushchihsya shtrihov (ch. 1): Obshchaya skhema, metody i chastnye metodiki issledovaniya: metodicheskie rekomendacii – M.: RFCSE Minyusta Rossii, 2002. S. 7.
5. Bibliograficheskoe opisanie: Fokina A.A., Golovastikov G.YU., Lyutov V.P. Analiz metodiki ustanovleniya posledovatel'nosti vypolneniya peresekayushchihsya rekvizitov s primeneniem matematicheskoy statistiki// «Enciklopediya sudebnoj ekspertizy»; Nauchno-prakticheskij zhurnal – 2016g. - №1 (8) [Elektronnyj resurs] – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44342645> (accessed: 17.05.2022).
6. Danilovich V.B., Pahomov A.V. Issledovanie peresekayushchihsya shtrihov, vypolnennyh chernilami. / pod redakciej Dil'dina YU.M. – Metodicheskie rekomendacii - M. 2010g. S. 13.
7. Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 04 iyulya 2014 goda № 231- V ZRK (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 12.01.2023). [Elektronnyj resurs] – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (accessed: 20.06.2022).
8. Viktorova L.N., Safronenko T.I., YUrkov I.S. Issledovanie peresekayushchihsya shtrihov; uchebnoe posobie - M. VNII MVD SSSR -1978g. – S. 11-12.

Сведения об авторах:

Садықов М.А. – заведующий криминалистической лабораторией Кызылординского университета имени Коркыт Ата, полковник полиции, ул. Айтеке би, 29А, Кызылорда, Казахстан.

Сакупова М.О. – главный эксперт Института судебных экспертиз по Кызылординской области филиала РГКП «Центр судебных экспертиз МЮ РК», ул. Яншина, 1А, Кызылорда, Казахстан.

Алтаев Е.А. – кандидат юридических наук, заведующий кафедры «Право» Кызылординского университета имени Коркыт Ата, ул. Айтеке би, 29А, Кызылорда, Казахстан.

Sadykov M.A. – Head of the Forensic Laboratory of the Korkyt Ata Kyzylorda University, Police Colonel, 29A Aiteke bi str., Kyzylorda, Kazakhstan.

Sakupova M.O. – Chief expert of the Institute of Forensic Examinations in the Kyzylorda region of the branch of the RSE "Center for Forensic Examinations of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan", 1A Yanshina str., Kyzylorda, Kazakhstan.

Altaev E.A. – Candidate of Law, Head of the Department of "Law" of the Korkyt Ata Kyzylorda University, 29A Aiteke bi str., Kyzylorda

Б.Р. Сембекова, А.М. Рактаева

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан
(E-mail: b.sembekova@yandex.ru, asel.raktaeva@yandex.ru)*

Криминалистическое обеспечение противодействия рейдерству

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы криминалистического обеспечения процесса доказывания эффективными методами и способами, направленными на установление условий и обстоятельств преступной деятельности путем раскрытия методики расследования рейдерства. Методика расследования рейдерства раскрыта на основе проведения анализа его характеризующих признаков, определяющих пути решения организационно-правовых, тактических и стратегических задач. Криминалистический анализ криминального рейдерства основан на рассмотрении механизма преступной деятельности, отражающейся в обстановке совершения, сокрытия преступлений выбором конкретных условий и обстоятельств или созданием их, способами совершения, сокрытия, информирующих об индивидуализирующих особенностях лиц, совершивших уголовное правонарушение. Механизм преступной деятельности рейдерства, отражающийся в окружающей среде способами совершения, способами сокрытия и способами противодействия является информационным средством разработки криминалистической методики, направленной на обеспечение процесса доказывания эффективными методами познания.

Ключевые слова: противодействие рейдерству, криминальное рейдерство, криминалистическая характеристика, механизм преступной деятельности, способы совершения преступлений, способы сокрытия, криминалистические методы.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-128-137>

Введение

Противодействие рейдерству требует системно-комплексного подхода с позиции обеспечения правовой безопасности путем регулирования правовых основ и экономической безопасности путем разработки общей методики уголовных правонарушений в сфере экономической деятельности и частной методики расследования криминального рейдерства,

определяющих эффективность правоприменительной, поисково-познавательной деятельности в ходе собирания, исследования, закрепления и оценки доказательственной базы.

Обеспечению правовой безопасности в сфере совершенствования социально-экономических, общественно-политических правоотношений уделил внимание Президент Республики Казахстан Токаев К.К. Главой государства был подписан Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления борьбы с рейдерством, защиты предпринимательской деятельности от незаконного вмешательства государственных органов и должностных лиц и усиления мер, препятствующих нелегальному обороту драгоценных металлов», что явилось своевременным, действенным, определяющим механизмы правового регулирования с позиции системно-комплексного подхода к решению практических задач, направленных для оказания противодействия рейдерству как к

социально-экономическому, общественно-правовому явлению, вследствие которого в уголовный кодекс РК в ст. 249. в части 1.2.3 с Законом РК от 02.07.21 г. № 62-VII были внесены изменения и дополнения. [1].

Законодательное регулирование общественных отношений в сфере противодействия рейдерству обусловлено уголовно-правовыми, гражданско-правовыми механизмами, отражающими объективно-субъективные факторы формирования и развития его условий и обстоятельств как явления социально-экономического характера. Рейдерство как явление социально-экономического характера, как противоправная деятельность, состоящая из незаконного установления управленческого контроля и присвоения прав на имущество и активы объекта рейдерского захвата, посягает на национальные интересы государства. Посягательство на управленческую деятельность рейдерским захватом на владение, распоряжение имуществом обусловлено криминальной направленностью организованных преступных групп, организаций легализовать свои незаконные доходы путем инфильтрации в легальный бизнес, тем самым причиняя вред правам и законными интересам собственников и охраняемой государством системе экономических отношений.

Для обеспечения своей незаконной деятельности организованная преступность своими преступными доходами делится и с властными структурами. Организованная преступная и коррупционная деятельность строятся

на извлечении незаконных доходов, при достижении определённого уровня криминальных доходов стремятся к легализации своих доходов, и одним из способов легализации является рейдерство.

На основании изложенного эффективность противодействия рейдерству, прежде всего, обусловлена решением вопросов раскрытия, расследования и предупреждения уголовных правонарушений в сфере экономической деятельности, разработки криминалистических методов познания.

Постановка задачи

Для оказания противодействия рейдерству необходимы эффективные методы и способы, направленные на решение практических задач в ходе раскрытия, расследования и предупреждения уголовных правонарушений в сфере экономической деятельности, которая обусловлена механизмами регулирования общественных отношений в сфере экономики.

Эффективность регулирования общественных отношений в сфере экономики определяется созданием условий и обстоятельств, направленных на предотвращение формирования и развития криминального рейдерства, так как механизмы рейдерства связаны с социально-экономическими, общественно-правовыми факторами, которые требуют системно-комплексного подхода процесса управления, воздействия для решения практических задач в поисково-познавательной деятельности субъектов

доказывания.

Поисково-познавательная деятельность субъектов доказывания по противодействию рейдерству обусловлена правовыми механизмами регулирования в сфере экономической деятельности, созданием условий для предпринимательства и бизнеса гражданско-правовыми, уголовно-правовыми средствами, определяющими систему обеспечения правовой безопасности.

В связи с вышеизложенным первоочередной задачей является обеспечение правовой безопасности путем систематизации норм гражданско-правовой и уголовно-правовой безопасности в системе противодействия рейдерству и разработки эффективных методов и способов.

Разработка эффективных методов и способов противодействия обусловлена криминалистическими методами познания, обеспечивающими научно-обоснованными средствами познание действенных механизмов регулирования, управления криминальной ситуацией взаимодействия, решение задач организационного, поискового, удостоверительного, реконструктивного и коммуникативного характера в процессе поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания.

Целевая направленность статьи определяется раскрытием криминалистических методов познания, направленных на разработку эффективных методов и способов противодействия рейдерству, которые в системе играют доминирующую роль в обеспечении действенных механизмов

решения практических задач по расследованию, предупреждению, пресечению уголовных правонарушений в сфере экономической деятельности.

Криминалистические методы познания определяются разработкой частной методики расследования криминального рейдерства, где отражаются общие и частные признаки с позиции решения криминалистических задач на первоначальном и на последующих этапах посредством ситуационного анализа типичных проявлений закономерных процессов взаимодействующих объектов, субъектов, явлений.

История

Научные исследования в области противодействия рейдерству проводятся, имеются отдельные работы Алехина А.А. Криминальное рейдерство: уголовно-правовой и криминологические аспекты. Автореферат кандидатской диссертации. Нижний-Новгород. 2013. 35 с., Шашкова А.А. Взаимодействие правоохранительных органов и иных органов при противодействии криминальному рейдерству. Автореферат кандидатской диссертации. Челябинск. 2010. 23 с., Васильченко К.В. Оперативно-розыскная деятельность в процессе выявления и раскрытия криминального рейдерства. Автореферат кандидатской диссертации. Тюмень. 2010. 23 с., Соколова И.А. Состояние и развитие уголовно-правового механизма противодействия незаконному захвату юридических лиц (рейдерству). Москва. 2014. 28 с. и другие работы.

Анализ научных работ свидетельствует об актуальности, практической значимости и востребованности данного направления, требующего предоставления криминалистических рекомендаций в процессе поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания, исследованию которых и направлена данная работа - раскрытию частной методики расследования рейдерства на основе определения криминалистически значимых признаков.

Методы исследования

Исследование определяется применением научно-обоснованных методов, обеспечивающих системно-комплексное решение задач организационно-поискового, достоверительного, коммуникативного характера при противодействии рейдерству как явлению социально-экономического, общественно-правового характера.

Обеспечение криминалистических методов познания обусловлено проведением сравнительного анализа, применением логических методов познания при принятии и реализации решений, установлением причинно-следственных отношений, использованием методов программирования, алгоритмизации, моделирования, диагностирования условий и обстоятельств совершенного преступного деяния.

Научно-обоснованные методы познания обеспечивают решение криминалистических задач, направленных на эффективность оказания противодействия

криминальному рейдерству путем разработки криминалистической характеристики, криминалистической классификации, которые в системе определяют характер поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания, эффективные методы познания при установлении обстоятельств совершенного преступного деяния.

Результаты/Обсуждение

В ходе поисково-познавательной деятельности у субъектов доказывания при решении вопросов раскрытия, расследования уголовных правонарушений возникают задачи установления условий и обстоятельств совершенного преступного деяния при дефиците информации, что предусматривает знание общих направлений поиска доказательственной информации, методов их собирания, исследования и закрепления.

Решение практических задач в ходе поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания требует научно-обоснованного подхода, определяющего эффективные методы собирания, исследования, закрепления и оценки доказательственной информации. На основании изложенного в системе противодействия рейдерству занимает важное место разработка криминалистических средств познания, к которым относится определение методики, направленной на обеспечение практики раскрытия, расследования и предупреждения уголовных правонарушений в сфере экономической деятельности, так как рейдерство как явление социально-экономического характера обусловлено использованием

финансово-экономических механизмов для совершения, сокрытия уголовных правонарушений, отражающихся в способах совершения, в способах сокрытия, в обстановке условиями и обстоятельствами преступного деяния.

Итак, методика расследования рейдерства обусловлена закономерными процессами формирования и развития условий и обстоятельств, определяемых анализом финансово-экономических, социально-экономических факторов, детерминирующих характер преступной деятельности. То есть механизм рейдерства, отражающий условия и обстоятельства финансово-экономических социально-экономических факторов, определяя способы совершения, способы сокрытия преступной деятельности, является информационной основой для решения криминалистических задач. Механизм преступной деятельности, как процесс формирования и развития условий и обстоятельств объективно-субъективного характера, отражает причинно-следственные детерминанты преступной деятельности, выражающие типичные проявления закономерного характера, обусловленные воздействующей ролью социально-экономических факторов на процесс формирования и развития криминального рейдерства.

То есть механизм криминального рейдерства отражает условия и обстоятельства совершенного преступного деяния, проявляясь в способах совершения, способах сокрытия, способах оказания противодействия, в обстановке до совершения, в момент совершения и после совершения преступного деяния, информируя о причинно-следственных

отношениях формирования и развития криминальной направленности по захвату чужого имущества - правом на владение собственностью путем совершения мошенничества, вымогательства, отмыванием денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления, злоупотребления полномочиями и т.д.

Следует отметить, что информативность механизма криминального рейдерства определяется совершением преступных действий, направленных на достижение одной цели – сокрытие незаконного перехода права собственности на имущество, что способствует при дефиците информации в условиях неопределенности выдвижению рабочих версий по определению корыстного мотива, обусловленного целевой направленностью, проявляемой системой криминальных действий незаконного перехода права собственности на имущество. То есть система криминальных действий определяется обстановкой совершения преступления, проявляемой выбором условий и обстоятельств совершенного преступного деяния, созданием условий для совершения, сокрытия, что отражается в окружающей среде стратегической, производственной значимостью объекта преступного посягательства, рентабельностью производства, региональными особенностями и местом дислокации, способствующей формированию преступного намерения, тем самым активизируя субъектов доказывания в выдвижении версий организационно-поискового характера. Версии являются

рабочим инструментом в ходе поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания, основой выдвижения которых являются суждения о предмете преступного посягательства, об условиях и обстоятельствах преступного посягательства, о способах совершения, сокрытия и способах противодействия, которые находясь в причинно-следственной взаимосвязи, информируют о механизме преступной деятельности.

Способ совершения преступления, способ сокрытия преступления в механизме криминального рейдерства могут дополнять друг друга, определяя намерения лиц, направленных на сокрытие для совершения криминальных действий или, наоборот, на совершение для сокрытия, или направленностью на оказание противодействия путем совершения конкретных действий. Например, одним из способов криминального рейдерства является банкротство предприятия путем создания искусственной задолженности предприятия, заключения фиктивных договоров с целью вывода активов (имущества), приобретения собственности организации по небольшой стоимости в процессе, определяющих характер преступной деятельности системой преступных действий, которые являются информационной основой для выявления, исследования и закрепления доказательств при установлении условий и обстоятельств совершенного преступного деяния.

Рассмотрение только одного из способов совершения криминального рейдерства свидетельствует о проявлениях закономерных процессов

механизма преступной деятельности, являющихся криминалистически значимыми признаками, определяющими методику расследования рейдерства эффективными методами и способами собирания, исследования и закрепления доказательственной базы с применением версионного метода, путем алгоритмизации действий при осуществлении поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания.

Криминалистический анализ совершения криминальных действий в механизме рейдерства определяет на первоначальном этапе расследования уголовных правонарушений конкретные способы собирания, исследования и закрепления доказательств при установлении условий и обстоятельств совершенного преступного деяния. То есть криминалистический анализ обусловлен ситуационным подходом, определяющим типичные проявления условий и обстоятельств совершенного преступного деяния факторами криминогенного, конфликтного и криминального характера.

Как свидетельствует практика, наиболее типичной является ситуация, когда известны способ преступления и причастные к нему лица, которая определяет конкретный алгоритм действий в ходе собирания, исследования доказательств: необходимость изучения документов, характеризующих хозяйственное положение и финансовое состояние предприятия путем проведения процессуального действия как выемка, проведения таких следственных действий, как осмотры, обыски по месту

жительства, по месту работы в офисах, проведением ревизии и т.д., что способствует действенному и наступательному подходу для поиска доказательственной информации. В научных исследованиях ученых отмечается классификация типичных ситуаций по данным установления результата: наступления или ненаступления перехода права собственности, в зависимости от того, на каком этапе преступной деятельности правоохранительные органы получили информацию о рейдерстве. Выделены типичные ситуации: когда известны способ преступления и причастные к нему лица, а результат преступных действий еще не достигнут; когда достигнут результат преступных действий, известны преступники, но не в полном объеме понятен механизм преступления. [3, 18].

Ситуационный анализ отражения условий и обстоятельств криминального рейдерства определяет характер преступной деятельности, проявляясь в механизме информационной основой, то есть механизм преступной деятельности как доминирующий элемент криминалистической характеристики носит информационный характер для познания условий и обстоятельств криминальной ситуации взаимодействия. Криминальная ситуация взаимодействия при совершении рейдерства определяется способом совершения, сокрытия преступных деяний в процессе наступления последствий. Способы совершения, способы сокрытия преступных деяний при развитии события преступления как рейдерство - наступившими результатами,

последствиями определяют навыки, умения, способности лиц, совершивших преступные деяния, направленных на достижение преступного результата – захват имущества для осуществления управленческой деятельности. В результате указанных проявлений субъекты доказывания получают и информацию о личности, в большинстве случаев это лица с высшим образованием, ранее не судимые, имеющие практический стаж, обладающие навыками управленческой деятельности, занимающиеся бизнесом, предпринимательской деятельностью, деятельностная направленность их определяется совершением рейдерства организованными преступными группами. Характерные особенности лиц, совершивших рейдерства в составе групп и показаны в исследованиях ученых, которые показывают тенденцию, интересную для познания механизма преступной деятельности, в частности указывают, что в состав групп входят лица с высшим образованием (почти 30 % - с экономическим, 27 % - с юридическим, 21 % - с иным, более 4 % имели ученую степень кандидата экономических наук), достигшие 30 лет, но не старше 50 (80 %). В состав организованных групп входят депутаты (5,1 %), государственные служащие (45 %, в том числе 21,8 % следователей, 21,7 % налоговых инспекторов и 16,2 % судей), юристы (15,4 %). [3, 16-17].

Личностная характеристика лиц, причастных к совершению рейдерства, свидетельствует о высоком уровне образования, интеллектуальном потенциале в организации осуществления преступной деятельности, наличии определенного

социального статуса и т.д., что определяет тактическое обеспечение проведения процессуальных средств доказывания с учетом указанных особенностей.

Рассмотренные криминалистически значимые признаки для эффективности проведения поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания, являясь информационной основой, определяют методику расследования рейдерства действенными механизмами собирания, исследования и закрепления доказательств, тем самым обеспечивая субъектов доказывания технико-криминалистическими, тактико-криминалистическими средствами воздействия.

Заключение

Следует отметить, что в данной статье предпринята попытка проведения криминалистического анализа криминального рейдерства на основе раскрытия его характеризующих признаков с позиции решения задач раскрытия, расследования и предупреждения данных категорий уголовных правонарушений. То есть определены эффективные пути и средства выявления, получения, закрепления информации на основе изучения закономерных процессов проявления причинно-следственной обусловленности условий и обстоятельств совершения, сокрытия рейдерства, отражающихся в обстановке совершения преступления криминальной ситуацией взаимодействия, информирующей о конкретных эффективных методах установления фактических данных.

Криминалистический анализ промежуточных задач в ходе поисково-уголовных правонарушений в сфере познавательной деятельности субъектов совершения рейдерства определяет доказывания. методика раскрытия, расследования методика раскрытия, расследования предоставлением информации для уголовных правонарушений разработки эффективных методов определяется криминалистическими познания, направленных на методами познания, обусловленными алгоритмизацию процесса доказывания, установлением причинно-следственных, на диагностирование условий и пространственно-временных отношений обстоятельств совершения, сокрытия в механизме преступной деятельности преступлений, на моделирование имеющими логическую поведения участников уголовного последовательность закономерных процесса, на прогнозирование процесса процессов проявления способствующего предопределению комплекса действий для решения

Список литературы

1. Уголовный кодекс РК от 3 июля 2014 года №226-V с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.03.2023 https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 26.03.2022).
2. Степанов С. Д. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконными захватами имущественных комплексов юридических лиц (рейдерство). Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. Ростов-на-Дону – 2021. 25 с.

Б.Р. Сембекова, А.М. Рақтаева

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Рейдингке қарсы тұру үшін криминалистикалық қолдау

Аңдатпа. Мақалада дәлелдеу процесін тиімді әдістермен және тәсілдермен криминалистикалық қамтамасыз ету, рейдерлік әдістерді және тергеуді ашу арқылы қылмыстық әрекеттің шарттары мен жағдайларын анықтауға бағытталған мәселелер қарастырылады. Рейдерлікті ашу және тергеу әдістемесі ұйымдық-құқықтық, тактикалық және стратегиялық міндеттерді шешу жолдарын айқындайтын оның сипаттамалық белгілеріне талдау жүргізу негізінде ашылады. Қылмыстық рейдерлікті криминалистикалық талдау қылмыстық құқық бұзушылықты жасаған адамдардың жеке дара ерекшеліктері туралы хабардар ететін қылмыстарды жасау, нақты жағдайлар мен мән-жайларды таңдау немесе оларды жасау, жасыру тәсілдері арқылы жасыру жағдайында көрінетін қылмыстық іс-әрекет тетігін қарауға негізделген. Рейдерлік қылмыстық іс-әрекеттің механизмі танымның тиімді әдістерімен дәлелдеу процесін қамтамасыз етуге бағытталған криминалистикалық әдістемені әзірлеудің ақпараттық негізі ретінде қоршаған ортада жасалу тәсілдерімен, жасыру тәсілдерімен және қарсы тұру тәсілдерімен көрініс табады.

Түйін сөздер: рейдерлікке қарсы іс-қимыл, қылмыстық рейдерлік, криминалистикалық сипаттама, қылмыстық іс-әрекеттің механизмі, қылмысты жасау тәсілдері, жасыру жолдары, криминалистикалық әдістер.

B.R. Sembekova, A.M. Raktaeva

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Forensic countermeasures against raiding

Abstract. The article deals with the issues of forensic support of the proving process with effective methods and methods aimed at establishing the conditions and circumstances of criminal activity by revealing the methodology for investigating raiding. The methodology for investigating raiding is disclosed on the basis of an analysis of its characterizing features that determine ways to solve organizational, legal, tactical, and strategic tasks. The criminalistic analysis of criminal raiding is based on the consideration of the mechanism of criminal activity reflected in the situation of commission, and concealment of crimes. The mechanism of criminal activity of raiding, reflected in the environment by ways of committing, ways of concealment, and ways of counteraction is an information tool for the development of forensic methodology aimed at providing the process of proving effective methods of knowledge.

Keywords: Counter raiding, criminal raiding, forensic characterization, the mechanism of criminal activity, ways of committing crimes, hiding methods, forensic methods.

References

1. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V with amendments and additions as of March 26, 2023 https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (accessed: 26.03.2023)
2. Stepanov SD Features of the investigation of crimes related to illegal seizure of property complexes of legal entities (raiding). Abstract of the dissertation for the degree of Ph.D. Rostov-on-Don - 2021. 25p.

Сведение об авторах:

Сембекова Б.Р. - к.ю.н., профессор, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Рактаева А.М. - магистрант 1 курса образовательной программы «Юриспруденция», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Sembekova B.R. - Ph.D., Head Department of Criminal Law Disciplines, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Raktaeva A.M. - The 1st year master student in «Jurisprudence», L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Некоторые вопросы применения института медиации в уголовном процессе

Аннотация. Учитывая концепцию правовой политики Республики Казахстан и ряда других наиболее важных стратегических государственных программ, направленных на совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства, особое внимание вызывает процесс разрешения конфликтных ситуаций и различных споров в досудебном уголовном судопроизводстве Казахстана. В этой связи вызывают интерес любые попытки разрешения споров, возникших на начальной стадии между сторонами, защищающих права и законные интересы, и в данной ситуации возникает процессуальная необходимость в применении института медиации. Сам процесс внедрения данного института требовал определенных усилий и поэтапной рецепции в национальное законодательство в целях разрешения конфликтных ситуаций и споров, не доводя до судебного процесса, а также частичного снижения нагрузки в судебной системе в целом. В данном направлении имеет место анализ действующего национального законодательства на уровне положений уголовного и уголовно-процессуального кодекса и Закона Республики Казахстан «О медиации». Исходя из всестороннего анализа и обобщения действующих нормативных источников, учебно-методической и научной литературы, статистико-правовых подходов, в содержании статьи нашла отражение позиция авторов в части совершенствования уголовно-процессуальных механизмов применения института медиации. Приведенные предложения связаны, по мнению авторов, с разработкой четких процессуальных механизмов развития института медиации в уголовном судопроизводстве Казахстана.

Ключевые слова: институт медиации, медиатор, медиативное соглашение, уголовное судопроизводство, примирительные процедуры, участники сторон, конфликт.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-138-149>

Введение

Говоря о развитии законодательств ряда других развитых стран из англо-

саксонской правовой системы, можно отметить эффективность института медиации в гражданской и уголовно-правовой сфере, который не только

снизил количество дел в судебной системе, но и дал определенный импульс надежды участникам процесса прийти к единому соглашению и удовлетворить законные интересы. С учетом положительного международного опыта в области применения процедуры медиации в 2013 году Казахстан ввел в законодательные акты данный институт в надежде разрешить споры и примирить конфликтующие стороны, а также разгрузить судебную систему в целом. Но, к сожалению, институт медиации не получил своего должного применения и не достиг поставленной цели по различным причинам. По нашему мнению, это недоведение на должном уровне гражданам об эффективности применения процедуры медиации; сами же граждане не обращаются за помощью к медиаторам, потому что наблюдается некое недоверие к ним; в силу неопытности медиатора не могут прийти к взаимовыгодному соглашению; сами же граждане в первую очередь обращаются за правовой помощью к адвокатам, которые в целях извлечения материальной выгоды запускают их во все судебные инстанции. Оставление без должного внимания со стороны государства развития института медиации, по нашему мнению, в последующем может привести к определенным последствиям в виде усиления социальной напряженности в обществе, частичного удовлетворения требований, излишней трате денег на различные судебные экспертизы и адвокатов, значительного увеличения количества дел в уголовных судах, различных инстанциях.

В связи с изменением

качественного состава совершения преступлений в обществе основная тяжелая работа по расследованию и предупреждению преступлений была возложена на правоохранительную систему. Кроме того, невозможно без совершенствования правовой политики на государственном уровне, направленного на противодействие преступности в обществе, а также разработку эффективных профилактических мер. Введение новых институтов в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство позволило усовершенствовать весь механизм досудебного производства. В этом направлении невозможно добиться желаемых результатов, применяя только карательные меры, необходимо развивать институт медиации, когда возникший конфликт разрешается путем достижения согласия между потерпевшим и обвиняемым в досудебном производстве.

Медиация может применяться в возникших правовых отношениях по уголовным делам согласно статье 68 УК РК, когда совершен уголовный проступок либо уголовное правонарушение небольшой или средней степени тяжести [1]. При активном обращении к медиации как граждан, так и юридических лиц можно существенно снизить нагрузку судебной системы, тем самым повышая качество решения приговоров суда по наиболее значимым уголовным делам, снижая уровень напряженности в обществе, уменьшая количество осужденных в исправительных учреждениях, проблемы ресоциализации и социальной адаптации, повышая положительные результаты применения

данного института, решаются и другие обстоятельства, характеризующие эффективные стороны.

Методы исследования

Проведенное исследование основывалось на материалах, сформулированных в доктринальных и законодательных источниках международного уровня и Республики Казахстан. Исходя из этого, всестороннее и глубокое изучение такой проблемы, как институт медиации, позволило провести анализ правоприменительной деятельности органов, участвующих в уголовном судопроизводстве, разработке научно-обоснованных предложений по совершенствованию законодательства в сфере уголовно-процессуального законодательства и Закона Республики Казахстан «О медиации». Методологическая основа данного исследования состоит в использовании методов диалектики и системного метода познания как общенаучных методов познания, а также ряда частно-научных методов: формально-логического, метода сравнительно-правового, системно-юридического анализа, статистического анализа и др. С учетом возникших различных споров в уголовном судопроизводстве, а также вытекающих отсюда сложностей в удовлетворении интересов, как правило, применяется медиативное соглашение между сторонами. В этой связи организационно-процессуальные аспекты применения медиативного соглашения являются весьма актуальными и требуют более детального научного изучения проблемы его применения.

Обсуждение

Во всем мире процесс возникновения медиации имеет свою древнюю историю и богатейший опыт в разрешении спора среди населения. Еще в древнем Китае Конфуций призывал граждан использовать медиацию вместо того, чтобы идти в суд. Он рекомендовал сторонам встретиться в присутствии миротворца, который поможет им достичь согласия [2; с.167].

Медиация в ее современном понимании стала развиваться во второй половине XX столетия, прежде всего, в странах англосаксонского права - США, Австралии, Великобритании, после чего начала распространяться и в Европе - Франции, Бельгии, Нидерландах, Германии, Австрии, Италии, Швейцарии. С применением медиации стало понятно, что в некоторых случаях возможности этого метода во многом превосходят судопроизводство. Сегодня в Европе медиация рассматривается как важная часть зрелого гражданского общества, способствующая облегчению доступа граждан к правосудию [3; с. 7].

2 августа 2019 года был издан Указ Президента РК за №85 «О подписании Конвенции Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации», который предусматривал примирительные процедуры между сторонами. Данная Конвенция была подписана в Сингапуре 46 членами организации, включая США и Китай. Согласно данной Конвенции во 2-й статье дается определение понятия медиации, где она означает процедуру, которая независимо от того, как она

именуется, и от основы, на которой она проводится, посредством которой стороны пытаются достичь дружественного урегулирования своего спора при содействии третьего лица или лиц («медиатор»), не обладающих полномочиями предписывать сторонам разрешение спора [4].

Если рассматривать медиацию как способ правового урегулирования споров в досудебном производстве, то в каждой стране предусмотрены отдельные механизмы и процессуально примирительные процедуры. К примеру, согласно статье 6 УПК Франции, при заключении медиативного соглашения уголовное преследование со стороны правоохранительных органов прекращается. Кроме того, прокурор исходя от правовых полномочий, в случае отсутствия необходимости возмещения причиненного ущерба назначает примирительную процедуру между жертвой (потерпевшим) и правонарушителем (подозреваемым, обвиняемым) [5].

В статье 13 п. 1 Конституция Республики Казахстан говорится, что «каждый имеет право на признание его правосубъектности и вправе защищать свои права и свободы всеми не противоречащими закону способами ...» [6]. Данная норма предоставляет гражданам защищать свои права и свободы любыми способами, не противоречащему закону.

По мнению российского ученого Л.В. Головки, медиация - это «любые процедуры», направленные на разрешение споров с участием третьей стороны, то есть медиатора [7].

Относительно особенностей урегулирования конфликтов путем

медиации статья 68 в Уголовном кодексе Республики Казахстан «Освобождение от уголовной ответственности, связанной с примирением» гласит: «Лицо, совершившее уголовный проступок или преступление небольшой или средней тяжести, не связанное с причинением смерти, подлежит освобождению от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим, заявителем, в том числе в порядке медиации и загладило причиненный вред» [1]. Анализируя данную статью 68 УК РК, считаем необходимым 4 часть 8 пункт дополнить словами «лица, совершившие уголовные правонарушения в совокупности и неоднократно», что позволит избежать наказания определенной категории лиц, умышленно совершающих уголовные правонарушения.

Кроме того, в нормативном постановлении Верховного Суда РК от 21 июня 2001 года №4 «О судебной практике по применению статьи 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан» [8] положения части первой статьи 68 Уголовного кодекса, указанные в подпункте 3-1, применяются в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, не связанные с причинением смерти другому человеку. Согласно данному нормативному постановлению Верховного суда РК, при применении данной нормы необходимо придерживаться таких обстоятельств: лицо, совершившее уголовное правонарушение, относящееся к небольшой и средней степени тяжести, не связанное с причинением смерти; примирение с потерпевшей стороной, в частности в порядке медиации;

подозреваемое, обвиняемое лицо, загладило, то есть возместило причиненный ущерб потерпевшей стороне в уголовном процессе. В данной части статьи 68 УК РК предлагается дополнить словами «лицо, впервые совершившее уголовное правонарушение», что делает целесообразным применение данной нормы для лиц, имеющих возможность переосмыслить и не допустить совершения в дальнейшем новых уголовных правонарушений.

Д.ю.н., профессор Мицкая Е.В., рассматривая медиацию в уголовном процессе, утверждает, что «примирение сторон уголовно-правового конфликта, в том числе и посредством медиации, отнесено к основаниям прекращения дела к так называемым нереабилитирующим, потому что в данном случае у лица, признанного виновным и привлекаемого к уголовной ответственности, нет права на реабилитацию. Но при освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям лицо признается не имеющим судимости» [9]. Исходя из этого, мы понимаем, что обвиняемому легче не доказывать свою невиновность по уголовному делу, тем самым опасаясь последствий уголовного производства, легче всего будет примириться с потерпевшей стороной.

В Уголовно-процессуальном кодексе РК статья 85 предусматривает правовой статус медиатора в уголовном судопроизводстве, также статья 341 регулирует вопрос об отложении и приостановлении уголовного дела в главном судебном разбирательстве, где одной из причин является проведение процедуры медиации [10]. Данная норма

имеет прямое действие при разрешении конфликта между сторонами в уголовном судопроизводстве.

Правовая обеспеченность института медиации в Казахстане имеет свой положительный опыт, тем не менее, возникают различные проблемы в процессе его практического применения.

Исследованию проблем применения института медиации посвящено немало научных трудов ученых-правоведов. К примеру, Худойкина Т.В. и Федин И.Н. утверждают, что «причины медленного развития медиации основаны на консервативном отношении граждан к применению такого альтернативного способа урегулирования конфликтов. Большинство субъектов прибегает к государственному судебному разбирательству при решении возникших правовых споров. В целях преодоления данного отношения к медиации необходимо развивать правовую культуру юридической общественности и населения, осуществлять правовое информирование. Большую роль в этом могли бы играть суды [11].

С того времени как ввели институт медиации в Казахстане прошло 12 лет, и за данный период времени заметно, как постепенно он набирает обороты при разрешении возникших споров в уголовном судопроизводстве. Тем не менее, учитывая количество рассмотренных уголовных дел и материалов в суде, приходим к единому мнению о том, что данный институт теряет свою актуальность и потребность при разрешении конфликтных ситуаций по уголовным делам. Подтверждением данной позиции является проведенный

статистический анализ деятельности суда первой инстанции в Казахстане за последние 3 года, в частности, в 2022 году из поступивших 29701 уголовных дел путем медиации рассмотрено всего 800 дел (720 уголовных дел прекращено ввиду примирения с потерпевшим), что составляет 2%, в 2021 году из 31208 уголовных дел путем медиации рассмотрено всего 1200 дел (1066 уголовных дел прекращено ввиду примирения с потерпевшим), что составило 3%, а в 2020 году из 36245 уголовных дел путем медиации рассмотрено всего 2605 дел (2386 уголовных дел прекращено ввиду примирения с потерпевшим), что составляет 6%. Приведенный статистический показатель уголовных дел, разрешенных путем медиации, за 3 года является весьма неутешительным, что заставляет задуматься об его эффективности в целом. Несмотря на это в 2022 году путем медиации разрешено: уголовные правонарушения против личности – 105 из 4877; уголовные правонарушения против собственности – 513 из 16111; транспортные уголовные правонарушения – 57 из 2616. В 2021 году путем медиации разрешено: уголовные правонарушения против личности – 139 из 5271; уголовные правонарушения против собственности – 762 из 15935; транспортные уголовные правонарушения – 91 из 3030. В 2020 году путем медиации разрешено: уголовные правонарушения против личности – 111 из 4364; уголовные правонарушения против собственности – 1814 из 17694; транспортные уголовные правонарушения – 174 из 3625 [12]. Исходя из этого наблюдается

потребность медиации при разрешении споров, вытекающих из уголовных правонарушений против собственности, в частности это мелкое хищение, кража, скотокрадство, мошенничество, грабеж и вымогательство.

В практике американских судов наблюдается стабильное увеличение количества дел, разрешаемых с помощью медиации. В США не принято утверждать в суде соглашение, к которому приходят стороны. Если заключенное между сторонами соглашение не исполняется, то имеется возможность обращения в суд с иском как при исполнении любого договора [13].

Исходя из вышеизложенного возникает вопрос, почему же медиация в зарубежных странах работает эффективно? По нашему мнению, ответ на данный вопрос кроется в процессуальных издержках и всех финансовых затратах. Все же в европейских странах правовая помощь адвоката, а также проведение различных судебных экспертиз стоят очень дорого. К тому же следует учитывать правовую культуру всего населения, которая позволяет разрешать конфликты еще на начальной стадии всего процесса.

В целях совершенствования института медиации российские ученые А.А. Давлетов и Д.А. Братчиков предлагают внести изменение, дифференцируя уголовные дела на 2 категории, а именно: а) в связи с примирением сторон подлежит к обязательному прекращению – преступление небольшой степени тяжести; б) по усмотрению суда в связи с примирением сторон подлежащий к прекращению – по делам средней

степени тяжести [14].

28 января 2011 года был принят закон РК №401-IV «О медиации» который начал урегулировать отношения, «возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и (или) юридических лиц, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, если иное не установлено законами Республики Казахстан, и отношения, возникающие при исполнении исполнительного производства» [15]. Исходя из разносторонности (гибридность) данного законодательства, происходит некое смещение отношений с гражданско-правового на уголовно-правовое. По нашему мнению, учитывая процессуальное разграничение между гражданским и уголовным законодательством, необходимо ввести закон о медиации регулирующий отношения, возникающие только в уголовно-процессуальной сфере деятельности.

Кроме того, считаем целесообразным ввести следующее требование: у профессионального медиатора образование должно быть не только юридическое, но и психологическое для того, чтобы достичь компромисса между сторонами и создавать благоприятную атмосферу при разрешении спора.

Выводы

Прошло определенное количество времени с момента введения института медиации, и стоит сделать вывод об его эффективном применении на практике.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, представляется целесообразным принятие нового закона, регулирующего отношения, возникающие из уголовно-правовой сферы. Таким образом, в целях совершенствования института медиации в уголовном судопроизводстве предлагается рассмотреть обстоятельства личных данных подозреваемого или обвиняемого лица, его персональную характеристику, факт привлечения к административной ответственности либо совершения уголовного проступка в течение года. Кроме того, стороны, участвующие в уголовном судопроизводстве, изначально обращаются к адвокату и подпадают под его влияние, что, в свою очередь, связано с корыстными целями получения материальной выгоды, так как с помощью адвоката все уголовные судопроизводства проходят через инстанции. Поэтому на начальном этапе необходимо предоставить консультацию по привлечению медиатора, тем самым разъяснив права и обязанности сторон, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Необходимо усилить требования, предъявляемые к профессиональным медиаторам. Данный подход создаст все возможные условия для разрешения конфликтных ситуаций. Следует провести мероприятия по повышению правовой культуры населения в области процедуры применения медиации, которая сопряжена с информированием и правовой консультацией по вопросам урегулирования конфликтов и о медиации в целом.

По нашему мнению, вышеуказанные предложения значительно повысят эффективность и

практическую целесообразность применения медиативного соглашения между сторонами в гражданском и уголовном судопроизводстве.

Заключение

По мнению некоторых ученых, замедленное развитие медиации в Казахстане связано с новизной института медиации для практики правоприменения, а также с правовым нигилизмом граждан, которые не хотят понимать важность и необходимость этого института.

Внесение изменения в виде дополнения в ч. 4 п. 8 статьи 68 УК РК для лиц, совершивших уголовные правонарушения в совокупности либо неоднократно, позволит нам пресечь от последующих преступных посягательств, а также лишить возможности от ухода наказания.

В заключении необходимо отметить несколько мер по совершенствованию института медиации в уголовном судопроизводстве, во-первых, возникает процессуальная необходимость принятия нового закона «О медиации в уголовном судопроизводстве»,

регулирующего конфликты между сторонами, а также повышения правового статуса профессионального медиатора в уголовном процессе; во-вторых, необходимо учитывать обстоятельства, характер, материальное и семейное положение лица, совершившего уголовное правонарушение; в-третьих, считаем необходимым в случае выявления уголовного правонарушения сначала направить стороны к медиатору, в случае недостижения согласия продолжить дальнейшее уголовное судопроизводство в процессуальном порядке. В случае совершенствования национального законодательства в области медиации в уголовном судопроизводстве мы создадим возможность в будущем снизить нагрузку на уголовные дела в суде, возможности экономии лишних судебных расходов, решения вопросов ресоциализации и социальной адаптации лиц, попавших в уголовное судопроизводство, повышения правового статуса профессиональных медиаторов и других обстоятельств, сделать данный институт досудебным и улучшить его управляемость.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 №226-V// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 22.02.2023).
2. Архипкина А.С. Институт медиации в современном праве // Сибирский юридический вестник. – 2011. - №1. – 167.
3. Глеухан Р. «Некоторые вопросы развития медиации в Казахстане»: Учебное пособие. Р.Глеухан. – Караганда: ТОО «Типография Арко», 2016. -150 стр.
4. 2019 год 02 августа №85 Указ Президента РК «О подписании Конвенции Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1900000085> (дата обращения: 22.02.2023).

-
5. Criminal procedure code of the French Republic (English version) Inserted by Law № 200-516 of 15.06.2000. article 1 official journal of 16.06.2000 // <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>(дата обращения: 24.02.2023).
 6. Конституция РК от 30 августа 1995 г. <http://www.zakon.kz> (дата обращения: 28.02.2023).
 7. Головкин Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. №4. С. 128
 8. «О судебной практике по применению статьи 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан» Нормативное постановление Верховного суда РК от 21 июня 2001 года №4// https://adilet.zan.kz/rus/docs/P01000004S_(дата обращения: 28.02.2023)
 9. Мицкая Е.В. Досудебная медиация по уголовным делам: состояние и перспективы развития. Вестник Института законодательства и правовой информации РК). №4 (58) – 2019. // <https://cyberleninka.ru/article/n/dosudebnaya-mediatsiya-po-ugolovnym-delam-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/viewer> (дата обращения: 29.02.2023)
 10. Уголовно-процессуальный кодекс РК от 04 июля 2014 года № 231-V ЗРК. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 05.03.2023)
 11. Худойкина Т.В., Федин И.Н. Применение медиации: некоторые проблемы. European research. Олимп (Иваново). 2016. №5. С.71-72.
 12. <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 10.03.2023)
 13. Van den Oever V. Linksom of rechtsom: de gerechtsdeurwaarder als mediator // Gerechtsdeurwaarder, 2010. № 2. P. 9 [Электронный ресурс]. URL: http://www.public-i-writers.nl/uploads/Gerechtsdeurwaarder_nr2_2eproef.pdf (дата обращения: 10.03.2023)
 14. А.А. Давлетов, Д.А. Братчиков. Проблема применения медиации в уголовном процессе России. Российский юридический журнал. №5, 2014г. 168-179 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22474576_60841653.pdf (дата обращения: 14.03.2023)
 15. «О медиации» Закон РК от 28 января 2011 года №401-IV / <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401>(дата обращения: 15.03.2023).

Б.М. Сматлаев, Е.К. Даурембеков

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Қылмыстық процесте медиация институтын қолданудың кейбір сұрақтары

Андатпа. Қылмыстық және қылмыстық процестік заңнамасын жетілдіруге бағытталған Қазақстан Республикасының құқықтық саясатының тұжырымдамасын және басқа да аса маңызды стратегиялық мемлекеттік бағдарламаларды ескере отырып, Қазақстанның сотқа дейінгі қылмыстық сот ісін жүргізудегі жанжалды

жағдайларды және әртүрлі дауларды шешу процесіне ерекше назар аударады. Осыған байланысты, құқықтар мен заңды мүдделерді қорғайтын тараптар арасында бастапқы кезеңде туындаған дауларды шешудің кез келген әрекеттері қызығушылық келтіреді және бұл жағдайда медиация институтын қолданудың іс жүргізу қажеттілігі туындайды. Бұл институтты енгізу процесінің өзі даулы жағдайлар мен дауларды сот процесіне жеткізбестен шешу, сондай-ақ тұтастай алғанда сот жүйесіндегі жүктемені ішінара азайту мақсатында ұлттық заңнамаға белгілі бір күш-жігер мен кезең-кезеңімен қабылдауды талап етті. Осы бағытта қолданыстағы ұлттық заңнаманы қылмыстық және қылмыстық процестік кодексінің және "Медиация туралы" Қазақстан Республикасы Заңының ережелері деңгейінде талдау орын алады.

Қолданыстағы нормативтік дереккөздерді, оқу-әдістемелік және ғылыми әдебиеттерді, статистикалық-құқықтық тәсілдерді жан-жақты талдау мен жалпылауға сүйене отырып, мақала мазмұнында медиация институтын қолданудың қылмыстық процестік тетіктерін жетілдіру бөлігіндегі авторлардың ұстанымы көрініс тапты. Аталған ұсыныстар, авторлардың пікірінше, Қазақстанның қылмыстық сот ісін жүргізудегі медиация институтын дамытудың нақты процестік тетіктерін әзірлеумен байланысты.

Түйін сөздер: медиация институты, медиатор, медиативтік келісім, қылмыстық сот өндірісі, келісім рәсімдері, қатысушы тараптар, жанжал.

B.M. Smatlaev, Ye.K. Daurembekov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Some issues of the use of the institute of mediation in criminal proceedings

Abstract. The article focuses on the process of resolving conflict situations and various disputes in pre-trial criminal proceedings in Kazakhstan considering the concept of the legal policy of the Republic of Kazakhstan and a number of other most important strategic state programs aimed at improving criminal and criminal procedure legislation. In this regard, any attempts to resolve disputes that have arisen at the initial stage between the parties protecting the rights and legitimate interests are relevant. So that, there is a procedural need to apply the institute of mediation. The process of implementing this institution required certain efforts and step-by-step reception into national legislation, in order to resolve conflict situations and disputes without bringing them to trial, as well as partially reducing the burden on the judicial system as a whole. In this direction, there is a need for analysis of the current national legislation at the level of the provisions of the Criminal and Criminal Procedure Code and the Law of the Republic of Kazakhstan "On Mediation". Based on a comprehensive analysis and generalization of existing regulatory sources, educational, methodological, and scientific literature, and statistical and legal approaches, the content of the article reflects the position of the authors regarding the improvement of criminal procedural mechanisms for the use of the

institute of mediation. The above proposals are related to the development of clear procedural mechanisms for the development of the institution of mediation in criminal proceedings in Kazakhstan.

Keywords: institute of mediation, mediator, mediation agreement, criminal proceedings, conciliation procedures, participants of the parties, conflict.

References

- 1 Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 03 iyulya 2014 №226-V// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. (Accessed: 22.02.2023)
- 2 Arhipkina A.S. Institut mediacii v sovremennom prave // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2011. - №1. – 167.
- 3 Tleuhan R. «Nekotorye voprosy razvitiya mediacii v Kazahstane»: Uchebnoe posobie. R.Tleuhan. – Karaganda: TOO «Tipografiya Arko», 2016. -150.
- 4 2019 god 02 avgusta №85 Ukaz Prezidenta RK «O podpisanii Konven-cii Organizacii Ob"edinennyh Nacij o mezhdunarodnyh mirovyh soglashe-niyah, dostignutyh v rezul'tate mediacii» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1900000085> (Accessed: 22.02.2023).
- 5 Criminal procedure code of the French Republic (English version) Inserted by Law № 200-516 of 15.06.2000. article 1 official journal of 16.06.2000 // <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (Accessed: 24.02.2023).
- 6 Konstituciya RK ot 30 avgusta 1995 g. <http://www.zakon.kz> (Accessed: 28.02.2023).
- 7 Golovko L.V. Institut ugolovno-pravovoj mediacii i ego perspekti-vy v Rossijskoj Federacii // Zakon. 2009. №4. s. 128
- 8 «O sudebnoj praktike po primeneniyu stat'i 68 Ugolovnogo kodeksa Respubliki Kazahstan» Normativnoe postanovlenie Verhovnogo suda RK ot 21 iyunya 2001 goda №4// https://adilet.zan.kz/rus/docs/P01000004S_ (Accessed: 28.02.2023)
- 9 Mickaya E.V. Dosudebnaya mediaciya po ugolovnym delam: sostoyanie i perspektivy razvitiya. Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj in-formacii RK). №4 (58) – 2019. // <https://cyberleninka.ru/article/n/dosudebnaya-mediatsiya-po-ugolovnym-delam-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/viewer> (Accessed: 29.02.2023)
- 10 Ugolovno-processual'nyj kodeks RK ot 04 iyulya 2014 goda № 231-V ZRK. <http://https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (Accessed: 05.03.2023)
- 11 Hudojkina T.V., Fedin I.N. Primenenie mediacii: nekotorye problemy. European research. Олимп (Иваново). 2016. №5. С.71-72.
- 12 <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (Accessed: 10.03.2023)
- 13 Van den Oever V. Linksom of rechtsom: de gerechtsdeurwaarder als mediator // Gerechtsdeurwaarder, 2010. № 2. P. 9 [Электронный ресурс]. URL: http://www.public-i-writers.nl/uploads/Gerechtsdeurwa-arder_nr2_2eproef.pdf (Accessed: 10.03.2023)
- 14 A.A. Davletov, D.A. Bratchikov. Problema primeneniya mediacii v ugolovnom processe Rossii. Rossijskij yuridicheskij zhurnal. №5, 2014г. 168-179 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22474576_60841653.pdf (Accessed: 14.03.2023)

15 «О медиации» Закон РК от 28 января 2011 года №401-IV / <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401> (Accessed: 15.03.2023).

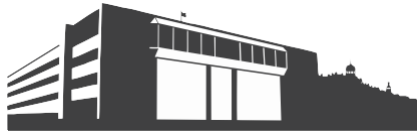
Сведения об авторах:

Сматлаев Б.М. – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Даурембеков Е.К. – PhD, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Smatlayev B.M. – Doctor of Law, professor, Dean of the Department of law, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Daurembekov Ye.K. – Ph.D., senior lecturer of the department of criminal law disciplines, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

*M.S. Narikbayev KAZGUU University, Astana, Kazakhstan
«NMC Tau-Ken Samruk», Astana, Kazakhstan
(E-mail: adilkhan.bazarbayev@gmail.com)*

Foreign investments in the Republic of Kazakhstan: the need to protect them by eliminating conflicts in arbitration proceedings

Abstract. Since gaining independence, the Republic of Kazakhstan has been an active participant in international relations, where the attraction of foreign investments is one of the main incentives for the further and stable development of our state.

Foreign investors in the Republic of Kazakhstan are among the main payers of taxes and other obligatory payments to the budget while transferring technologies and international experience.

In this connection for the purpose of creating a favorable investment climate the fundamental principles by which the state recognizes and protects private property, the right to entrepreneurial activity, and the expropriation of property for state needs with equivalent compensation are laid down [1].

Foreign investments and their legal regulation will be considered through the prism of theoretical and empirical methods of research.

The article considers the legal basis for the regulation of the investment activity of foreign investors in the Republic of Kazakhstan.

In addition, the article reflects ways of protecting foreign investors - the right to appeal to arbitration provided by international public treaties and potential difficulties in the execution of arbitral awards in the Republic of Kazakhstan.

The article reviews some international treaties, and their legal regulation, reveals conflicts and offers solutions.

Keywords: international treaties, public law, foreign investor, foreign investments, arbitration, pacta sunt servanda.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-150-161>

Introduction

Kazakhstan, being an active participant in international relations, positions itself as a friendly partner that

respects the norms of international law. For these purposes, the Republic of Kazakhstan has signed more than 40 agreements on the promotion and mutual protection of investments with various countries.

In this regard, the subject of the study is international obligations and legislative acts of the Republic of Kazakhstan, where the purpose of the article is to identify problematic issues, as well as to make proposals to avoid collisions.

The Republic of Kazakhstan is a party to the following international agreements:

- Vienna Convention on the Law of Treaties (Vienna, May 23, 1969);

- Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (Washington, D.C., March 18, 1965);

- United Nations Convention on Jurisdictional Immunities of States and Their Property (New York, December 2, 2004);

- Convention for the Protection of Investors' Rights (Moscow, 28 March 1997);

- Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, 10 June 1958);

- Agreement on Procedures for Settlement of Disputes Related to Business Activities (Kyiv, 20 March 1992);

- Agreement on Procedures for Mutual Enforcement of Arbitral, Business and Economic Court Decisions in the Territories of the Member States of the Commonwealth (Moscow, March 6, 1998).

From 1994 to 2003, foreign investments were regulated by the special Law of the Republic of Kazakhstan "On Foreign Investments".

From 2003 to 2015 the activity of investors was fixed by the Law of the Republic of Kazakhstan "On Investments", which subsequently became a separate chapter in the Entrepreneurial Code of the Republic of Kazakhstan.

It is worth noting that there are taken steps to implement international treaties and to adapt the legislation of the Republic of Kazakhstan indicate a high interest of our country to attract and protect the interests of foreign investments.

Thus, the Republic of Kazakhstan is taking comprehensive measures on public and legal regulation of foreign investors' activities.

In addition, officials of our state carry out systematic work to attract transnational corporations.

On September 20, 2022, the President of Kazakhstan in New York, USA, within the framework of the Kazakh American investment round table held a meeting with representatives of big business, where he called to expand and diversify the economic presence in the economy of our country [2].

Also, on September 21, 2022, the Prime Minister of Kazakhstan met with the head of the United Arab Emirates, on the position of the need to expand cooperation in the field of investment, where the Government of Kazakhstan is ready to fully support investors [3].

In an article in "Kursiv" online edition dated December 3, 2021, it was noted that since 1991, more than \$370 billion of foreign investment has been attracted, and the main priority of the government is to support investors [4].

By the end of 2021, the state budget of the Republic of Kazakhstan was replenished by 10.7 trillion tenge, where 5.9 trillion tenge were directed by the 50 largest taxpayers. After analyzing these taxpayers, we can conclude that more than 30 out of 50 are enterprises with foreign participation [5].

Also noteworthy are the conclusions

in the article of review-analytical portal Strategy 2050 of June 28, 2021, where the success of our country to attract foreign investors is associated with high positions when compared with other countries [6].

At the same time, according to the US News & World Report, at the end of 2021, Kazakhstan was in 75th place out of 78 countries studied by the rating participants which also took into account the quality of life, level of entrepreneurship, flexibility, social importance, logistics, cultural influence, accessibility to entrepreneurship, development of the legal framework. [7]. A more detailed methodology on how the ranking was compiled can be found on the website of the US News & World Report [7.1].

As follows from the finprom made based on the above data from US News & World Report, the level of development of entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan was estimated at 0.9 out of 100 points and unflattering in all categories of the rating. The rating is based on a study by US News & World Report, which surveyed more than 17,000 respondents from around the world to assess the perception of 78 countries in 73 different indicators. [8].

Because of the relevance of the issue, the author considers it relevant to look at the situation by applying scientific and legal analysis to determine the investment attractiveness of the country, as well as its legal regulation.

In this regard, according to the geopolitical situation of 2022 to improve the quality and quantity of attracted investors, it is necessary to ensure the safety of foreign capital by adapting and updating the legal acts for the needs of foreign capital.

The Entrepreneurial Code of the

Republic of Kazakhstan provides guarantees of the legal protection of investors' activities on the territory of the Republic of Kazakhstan, the use of income, rights of investors during nationalization and requisition, publicity of state bodies about investors, and ensuring investors' access to information related to the implementation of investment activities [1].

According to the Law of the Republic of Kazakhstan "On Legal Acts" the Constitution of the Republic of Kazakhstan has the highest legal force [9], and the current law in the Republic of Kazakhstan, including international and other obligations of the Republic, where ratified international treaties have priority over its laws [10].

The above law specifies the hierarchy of legal acts, in the presence of contradictions in the norms of normative legal acts of different levels the norms of the higher level act [9].

In this case, the Law of the Republic of Kazakhstan "On International Treaties of the Republic of Kazakhstan" provides requirements in which cases international treaties are subject to ratification [11].

However, the question remains open about the status of international treaties not ratified by the Republic of Kazakhstan and how to act in the presence of contradictions of legal acts with these treaties?

For example, the Republic of Kazakhstan joined the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards, the so-called New York Convention, in accordance with the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan. This Convention was not subsequently ratified [12].

In this connection, a question arises how to apply the conditions of the New

York Convention in the presence of contradictions with the legal acts of the Republic of Kazakhstan?

For example, the Law of the Republic of Kazakhstan "On Arbitration" provides that arbitration has no right to consider disputes with the participation of state bodies, enterprises, as well as legal entities 50 and more percent owned by the state in the absence of the consent of the authorized body [14].

According to the requirement of the law, it follows that the London Court of International Arbitration (LCIA) cannot consider a dispute involving a national company without the permission of the authorized body of Kazakhstan? Will these authorized bodies be able to challenge the execution of the LCIA decision in the courts of the Republic of Kazakhstan on the grounds of the lack of consent of the state body?

So that, it follows from the New York Convention that the participating countries recognize written agreements by which the parties undertake to submit disputes to arbitration [13].

For example, as noted in the article by A.K. Myrzakhanova, E.M. Abaideldinov, according to the international obligations assumed, the states are obliged to strictly and fully implement the decisions of international arbitration courts on disputes to which they are parties [15].

This statement is confirmed by the Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan "On the application of norms of international treaties of the Republic of Kazakhstan", where international treaties provide the right to judicial protection of legitimate interests of organizations, therefore, the

courts must start from the requirements of international law within the jurisdiction of the Republic of Kazakhstan [16].

In addition, in the above Resolution of the Supreme Court, it is stated that international treaties concluded before the adoption of the Constitution of 1995 are valid and retain priority over the legislation of the Republic of Kazakhstan if such priority is expressly provided for by the laws [16].

Also noteworthy is the case if an unratified international treaty concluded by the Republic of Kazakhstan after the adoption of the current Constitution, the rules other than in the civil legislation are established, the courts are obliged to be guided by the provisions of paragraph 3 of Article 4 of the Constitution [16].

Based on the Resolution of the Supreme Court it follows that the courts of the Republic of Kazakhstan in executing the decisions of arbitration courts must be guided by the provisions of the New York Convention, rather than the legal acts of the Republic of Kazakhstan in the presence of conflicts.

At the same time in the hierarchy of legal acts, the place of normative decisions of the Supreme Court in case of conflicts with the legal acts of the Republic of Kazakhstan is not defined.

In their article the authors Myrzakhanova A.K., and Abaideldinov E.M. propose to introduce into the Constitution a provision on the supremacy of decisions of international courts over the decisions of national courts [15].

This proposal is questionable since the judiciary is exercised on behalf of the Republic of Kazakhstan [10]. Also, the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan provides only for the

procedure for recognition and enforcement of foreign court judgments, and arbitral awards of foreign arbitral tribunals [17].

In addition, the sentence mentioned in the above article, where "decisions of international courts must be recognized as binding for decisions of national courts" [15] is unnecessary, since the United Nations Convention on Jurisdictional Immunities of States and their Property, ratified by the Republic of Kazakhstan in 2009, provides that "a State may not invoke immunity from jurisdiction in proceedings before a court of another State in respect of any question or matter if it has expressly consented to the exercise of jurisdiction by that court" [18].

Thus, the courts of the Republic of Kazakhstan should not review the decisions of foreign judicial bodies, on their merits.

However, the authors Bonnitcha D., and Brevin S. noted that in arbitration practice there are situations where arbitration courts award, in addition to the actual costs incurred, huge compensation for state interference in planned investments, which were never implemented, were not built, and unreceived future profits. In this connection, there may be reasonable doubts about the compliance of the arbitral award with the principles of justice [19].

In his article, J.G. Basin expresses doubts about this issue and notes that "the most vulnerable and at the same time practically the most important link of the named order is the possibility of a state court, which has taken for execution an arbitration court decision, to check the correctness of this decision and depending on this - to issue (or refuse to issue) an order for execution" [20].

At the same time, in their work

"Application of the concept of "public policy" in arbitration," the authors Kaldybaev A., and Linnik A. expressed concern about the fact that the courts of the Republic of Kazakhstan misunderstand what is public policy, respectively cancel the decisions of arbitrators.

Considering the above-stated and the importance of foreign capital the author concludes with the necessity of the creation of favorable legal conditions for foreign investments where legislative acts of our country should unify with the international obligations, as a result, these measures can improve the attractiveness of our country for foreign capital.

Conclusion

Foreign investments are the most powerful stimulus of economic development. Our country in the conditions of the competition is obliged to provide the best conditions for attraction of the qualitative foreign capital and technologies.

In this connection authorized bodies of the Republic of Kazakhstan for the encouragement of investments, it is necessary to adhere strictly to the principle "Pacta sunt servanda" where each operating contract is obligatory for its participants and should be carried out by them in good faith" [21].

In conclusion, it should be noted that according to the Concept of Investment Policy of the Republic of Kazakhstan until 2026, approved by the Government on July 15, 2022, "the main objective of investment policy is to create favorable conditions for foreign and domestic investors and implementation of investment projects aimed at ensuring modernization, structural changes and sustained rates of

national economic growth that contribute to a high quality of life of the population. The work in this direction will be carried out taking into account the available raw material potential, competencies, and economic efficiency" [22].

In this regard, in order to avoid conflicts in law enforcement practice, authorized bodies need to make changes and additions to the relevant legal acts, in particular:

1. Eliminate paragraph 10 of Article 8 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Arbitration", which in practice raises many questions from foreign investors when implementing joint investment projects with entities of the quasi-public

sector.

2. To supplement subparagraph 1) of Article 2 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Arbitration" with the notion of what is the public order of the Republic of Kazakhstan without reference to other legislative acts.

3. To provide in the legislation of the Republic of Kazakhstan that execution of foreign arbitration awards shall carry out only within the framework of the Astana International Financial Centre Court (AIFC). The function of issuing a writ of execution by the AIFC Court is already provided for in subparagraph 1) of paragraph 40 of the Rules of the AIFC Court.

References

1. Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 29 oktyabrya 2015 goda № 375-V «Predprinimatel'skiy kodeks Respubliki Kazakhstan» [Code of the Republic of Kazakhstan of October 29, 2015 № 375-V "Entrepreneurial Code of the Republic of Kazakhstan] [Electronic resource] https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38259854&pos=3;-108#pos=3;-108 (accessed: 27.09.2022).

2. Kasym-Zhomart Tokayev prinyal uchastiye v rabote kazakhsko-amerikanskogo investitsionnogo kruglogo stola [Kassym-Jomart Tokayev took part in the Kazakh-American investment roundtable] [Electronic resource] <https://clck.ru/326oPn> (accessed: 21.09.2022).

3. Alikhan Smailov vstretilsya s Prezidentom OAE v Abu-Dabi [Alikhan Smailov meets with UAE President in Abu Dhabi] [Electronic resource] <https://primeminister.kz/ru/news/alihan-smailov-vstretilsya-s-prezidentom-uae-v-abu-dabi-2182219> (accessed: 21.09.2022).

4. Tokayev nadeyetsya na rost inostrannykh investitsiy [Tokayev hopes for increased foreign investment] [Electronic resource] - <https://kz.kursiv.media/2021-12-03/tokaev-nadeetsya-na-rost-inostrannykh-investitsiy/> (accessed: 14.04.2022).

5. Top-50 nalogoplatel'shchikov Kazakhstana za 2021 god [Top 50 taxpayers of Kazakhstan for 2021] [Electronic resource] - <https://nalogikz.kz/docs/top-50-nalogoplatel'schikov-kazahstana-z.html> (accessed: 14.04.2022).

6. Inostrannyye investitsii v Kazakhstan: istoriya uspekha [Foreign Investment in Kazakhstan: A Success Story] [Electronic resource] - <https://strategy2050.kz/ru/news/inostrannyye-investitsii-v-kazakhstan-istoriya-uspekha/> (accessed: 14.04.2022).

7. US News & World Report [Electronic resource] - <https://www.usnews.com/>

news/best-countries/rankings/entrepreneurship (accessed: 14.04.2022).

7.1. US News & World Report, Methodology: How the 2022 Best Countries Were Ranked [Electronic resource] <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/methodology> (accessed:15.12.2022)

8. V reytinge luchshikh stran dlya predprinimatel'stva Kazakhstan okazalsya na 75-m meste iz 78 [In the ranking of the best countries for entrepreneurship, Kazakhstan was 75th out of 78] [Electronic resource] - <http://finprom.kz/ru/article/v-rejtinge-luchshih-stran-dlya-predprinimatelstva-kazahstan-okazalsya-na-75-m-meste-iz-78> (accessed: 14.04.2022).

9. Zakon Respubliki Kazakhstan «O pravovykh aktakh» ot 6 aprelya 2016 goda [Law of the Republic of Kazakhstan "On Legal Acts" of April 6, 2016][Electronic resource] - <https://clck.ru/et9v8> (accessed: 14.04.2022).

10. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan ot 30 avgusta 1995 goda [Constitution of the Republic of Kazakhstan of August 30, 1995] [Electronic resource] - https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&pos=60;-58#pos=60;-58 (accessed: 14.04.2022).

11. Zakon Respubliki Kazakhstan «O mezhdunarodnykh dogovorakh Respubliki Kazakhstan» ot 30 maya 2005 goda [Law of the Republic of Kazakhstan "On International Treaties of the Republic of Kazakhstan" of May 30, 2005] [Electronic resource] - <https://clck.ru/etBS6> (accessed: 14.04.2022).

12. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 4 oktyabrya 1995 goda № 2485 «O prisoyedinenii Respubliki Kazakhstan k Konventsii o priznanii i privedenii v ispolneniye inostrannykh arbitrazhnykh resheniy 1958 goda» [The Decree of the President of the Republic of Kazakhstan from October 4, 1995 № 2485 "On accession of the Republic of Kazakhstan to the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards 1958] [Electronic resource] - https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003953 (accessed: 15.04.2022).

13. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, June 10, 1958) [Electronic resource] - <https://clck.ru/ey3EK> (accessed: 15.04.2022).

14. Zakon Respubliki Kazakhstan «Ob arbitrazhe» ot 8 aprelya 2016 goda [Law of the Republic of Kazakhstan "On Arbitration"] dated April 8, 2016 [Electronic resource] - https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35110250&pos=139;-5#pos=139;-5 (accessed: 15.04.2022).

15. Myrzakhanova A.K., Abaydel'dinov Ye.M. Implementatsiya norm mezhdunarodnogo prava v natsional'noye zakonodatel'stvo// Vestnik Yevraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N.Gumileva. Seriya: Pravo. [Myrzakhanova A.K., Abaideldinov E.M. The implementation of international law in the national legislation of the Republic of Kazakhstan// Bulletin of L.N. Gumilev Eurasian National University. Series: Law. - № 2 (127)/2019 - 113 c.] [Electronic resource] <https://bullaw.enu.kz/article/archive/view?id=the-implementation-of-international-law-in-the-national-legislation-of-the-republic-of-kazakhstan> (accessed: 21.09.2022).

16. Normativnoye postanovleniye Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan ot 10 iyulya 2008 goda N 1 O primenenii norm mezhdunarodnykh dogovorov Respubliki

Kazakhstan [Normative resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated July 10, 2008 N 1 On application of norms of international treaties of the Republic of Kazakhstan] [Electronic resource] - https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30197893 (accessed: 15.04.2022).

17. Kodeks Respubliki Kazakhstan «Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan» ot 31 oktyabrya 2015 goda [Code of the Republic of Kazakhstan "Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan" of October 31, 2015] [Electronic resource] [https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053 &pos=5327;-38#pos=5327;-38](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053&pos=5327;-38#pos=5327;-38) (accessed: 15.04.2022).

18. O yurisdiktsionnykh immunitetakh gosudarstv i ikh sobstvennosti Konventsiya Organizatsii Ob'yedinennykh Natsiy (New York, 2 December 2004) [United Nations Convention Jurisdictional Immunities of States and Their Property (New York, 2 December 2004)] [Electronic resource] <https://clck.ru/327Uk8> (accessed: 22.09.2022).

19. Jonathan Bonnitcha and Sarah Brewin Compensation under Investment Treaties: What are the problems and what can be done? // International Institute for Sustainable Development (IISD) [Electronic resource] https://www.jstor.org/stable/resrep29241#metadata_info_tab_contents (accessed: 23.09.2022).

20. Basin YU.G. Poryadok razresheniya sporov mezhdru uchastnikami vneshnetorgovykh sdelok [Basin Y.G. The procedure for settling disputes between participants in foreign trade transactions] [Electronic resource] https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30002465&pos=5;-110#pos=5;-110 (accessed: 15.04.2022).

20.1. Kaldybaev A., Linnik A. Primeneniye ponyatiya «publichnyy poryadok» v arbitrazhe [Application of the concept of "public policy" in arbitration] [Electronic resource] https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39612021&pos=6;109#pos=6;-109 (accessed: 15.12.2022)

21. Venskaya Konventsiya o prave mezhdunarodnykh dogovorov (Vena, 23 maya 1969 g.) [Vienna Convention on the Law of Treaties (Vienna, May 23, 1969)] [Electronic resource] <https://clck.ru/eyFe2> (accessed: 15.04.2022)

22. Postanovleniye Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 15 iyulya 2022 goda № 482 «Ob utverzhdenii Kontseptsii investitsionnoy politiki Respubliki Kazakhstan do 2026 goda» [Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated July 15, 2022 № 482 "On approval of the Concept of Investment Policy of the Republic of Kazakhstan until 2026] [Electronic resource] [https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=34889573&pos=5;-109#pos=5;-109](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34889573&pos=5;-109#pos=5;-109) (accessed: 27.09.2022).

А.А. Базарбаев

*М.С. Нарикбаев атындағы «КАЗГЮУ Университеті», Астана, Қазақстан;
«Тау-Кен Самурық» Ultyq taу-ken kompanasy, Астана, Қазақстан*

Қазақстан Республикасындағы шетелдік инвестициялар: төрелік талқылаулар кезінде коллизияларды жою арқылы оларды қорғау қажеттілігі

Аңдатпа. Тәуелсіздік алған сәттен бастап Қазақстан Республикасы халықаралық қатынастардың белсенді қатысушысы болып табылады, онда шетелдік инвестицияларды тарту мемлекетіміздің одан әрі және тұрақты дамуы үшін негізгі ынталандырулардың бірі болып табылады.

Бүгінгі таңда Қазақстан Республикасындағы шетелдік инвесторлар технологиялар мен халықаралық тәжірибе трансферін жүзеге асыра отырып, салықтар мен бюджетке төленетін өзге де міндетті төлемдердің негізгі төлеушілерінің бірі болып табылады.

Осыған байланысты қолайлы инвестициялық ахуал құру мақсатында мемлекет жеке меншікті, кәсіпкерлік қызметке құқықты танитын және қорғайтын, мемлекет мұқтажы үшін мүлікті тең бағамен өтеу кезінде иеліктен шығаруды жүзеге асыратын іргелі қағидаттар қаланды [1].

Шетелдік инвестициялар және оларды құқықтық реттеу теориялық және эмпирикалық зерттеу әдістерінің призмасы арқылы қарастырылады.

Мақалада шетелдік инвестициялық қызметті реттеудің құқықтық негіздері қарастырылған.

Түйін сөздер: халықаралық шарттар, қоғамдық құқық, шетелдік инвестор, шетелдік инвестициялар, төрелік, *pacta sunt servanda*.

А.А. Базарбаев

*Университет КАЗГЮУ» имени М.С. Нарикбаева, Астана, Казахстан;
АО «НГК «Тау-Кен Самрук», Астана, Казахстан*

Иностранные инвестиции в Республике Казахстан: необходимость их защиты путем устранения коллизий при арбитражных разбирательствах

Аннотация. С момента обретения независимости Республика Казахстан является активным участником международных отношений, где привлечение иностранных инвестиций является одним из основных стимулов для дальнейшего и стабильного развития нашего государства.

На сегодняшний день иностранные инвесторы в Республике Казахстан являются одними из основных плательщиков налогов и иных обязательных платежей в бюджет, одновременно осуществляя трансфер технологий и международного опыта. В этой связи с целью создания благоприятного инвестиционного климата заложены фундаментальные принципы, которыми государством признаются и защищаются частная собственность, право на

предпринимательскую деятельность, осуществляются отчуждения имущества для государственных нужд при равноценном возмещении [1]. Таким образом иностранные инвестиции и их правовое регулирование в статье изучены через призму теоретического и эмпирического методов исследований.

Целью исследования является определение возможных причин возникновения вопросов при реализации международных договоров в сфере защиты интересов иностранных инвесторов. В статье рассмотрены правовые основы регулирования инвестиционной деятельности и иностранных инвесторов в публично-правовых отношениях, где значимость этих отношений для репутации Республики Казахстан трудно переоценить.

Кроме того, в статье отражены способы защиты иностранных инвесторов - право на обращение в арбитражи, предусмотренные международными публичными договорами, и потенциальные трудности при исполнении арбитражных решений в Республике Казахстан. В статье проведен обзор некоторых международных договоров, их правового регулирования, выявлены коллизии, предложены решения.

Таким образом практической значимостью статьи, по мнению автора, является устранение коллизии, где в законодательстве установлено требование, противоречащее международным обязательствам Республики Казахстан.

Ключевые слова: международные договоры, публичное право, иностранный инвестор, иностранные инвестиции, арбитраж, *pacta sunt servanda*.

Список литературы

1. Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан» [Электронный ресурс] https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38259854&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 27.09.2022).

2. Касым-Жомарт Токаев принял участие в работе казахско-американского инвестиционного круглого стола [Электронный ресурс] <https://clck.ru/326oPn> (дата обращения: 21.09.2022).

3. Алихан Смаилов встретился с Президентом ОАЭ в Абу-Даби [Электронный ресурс] <https://primeminister.kz/ru/news/alihan-smailov-vstretilsya-s-prezidentom-oev-abu-dabi-2182219> (дата обращения: 21.09.2022).

4. Токаев надеется на рост иностранных инвестиций [Электронный ресурс] - <https://kz.kursiv.media/2021-12-03/tokaev-nadeetsya-na-rost-inostrannykh-investitsiy/> (дата обращения: 14.04.2022).

5. Топ-50 налогоплательщиков Казахстана за 2021 год [Электронный ресурс] - <https://nalogikz.kz/docs/top-50-nalogoplatelshchikov-kazahstana-z.html> (дата обращения: 14.04.2022).

6. Иностранные инвестиции в Казахстан: история успеха [Электронный ресурс] - <https://strategy2050.kz/ru/news/inostrannye-investitsii-v-kazakhstan-istoriya-uspekha/> (дата обращения: 14.04.2022).

7. US News & World Report [Электронный ресурс] - <https://www.usnews.com/news/best-countries/rankings/entrepreneurship> (дата

обращения: 14.04.2022).

7.1. US News & World Report, Methodology: How the 2022 Best Countries Were Ranked [Электронный ресурс] <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/methodology> (дата обращения: 15.12.2022)

8. В рейтинге лучших стран для предпринимательства Казахстан оказался на 75-м месте из 78 [Электронный ресурс] - <http://finprom.kz/ru/article/v-rejtinge-luchshih-stran-dlya-predprinimatelstva-kazahstan-okazalsya-na-75-m-meste-iz-78> (дата обращения: 14.04.2022).

9. Закон Республики Казахстан «О правовых актах» от 6 апреля 2016 года [Электронный ресурс] - <https://clck.ru/et9v8> (дата обращения: 14.04.2022).

10. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года [Электронный ресурс] - https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&pos=60;-58#pos=60;-58 (дата обращения: 14.04.2022).

11. Закон Республики Казахстан «О международных договорах Республики Казахстан» от 30 мая 2005 года [Электронный ресурс] - <https://clck.ru/etBS6> (дата обращения: 14.04.2022).

12. Указ Президента Республики Казахстан от 4 октября 1995 года № 2485 «О присоединении Республики Казахстан к Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года» [Электронный ресурс] - https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003953 (дата обращения: 15.04.2022).

13. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 года) [Электронный ресурс] - <https://clck.ru/eу3ЕК> (дата обращения: 15.04.2022).

14. Закон Республики Казахстан «Об арбитраже» от 8 апреля 2016 года [Электронный ресурс] - https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35110250&pos=139;-5#pos=139;-5 (дата обращения: 15.04.2022).

15. Мырзаханова А.К., Абайдельдинов Е.М. Имплементация норм международного права в национальное законодательство// Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева. Серия: Право. - № 2 (127)/2019 – 113 с. [Электронный ресурс] <https://bullaw.enu.kz/article/archive/view?id=the-implementation-of-international-law-in-the-national-legislation-of-the-republic-of-kazakhstan> (дата обращения: 21.09.2022).

16. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 года N 1 О применении норм международных договоров Республики Казахстан [Электронный ресурс] - https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30197893 (дата обращения: 15.04.2022).

17. Кодекс Республики Казахстан «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» от 31 октября 2015 года [Электронный ресурс] https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053&pos=5327;-38#pos=5327;-38 (дата обращения: 15.04.2022).

18. О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности Конвенция Организации Объединенных Наций (г. Нью-Йорк, 2 декабря 2004 года) [Электронный ресурс] <https://clck.ru/327Uk8> (дата обращения: 22.09.2022).

19. Jonathan Bonnitcha and Sarah Brewin Compensation under Investment Treaties:

What are the problems and what can be done? // International Institute for Sustainable Development (IISD) [Электронный ресурс] https://www.jstor.org/stable/resrep29241#metadata_info_tab_contents (дата обращения: 23.09.2022).

20. Басин Ю.Г. Порядок разрешения споров между участниками внешнеторговых сделок [Электронный ресурс] https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30002465&pos=5;-110#pos=5;-110 (дата обращения: 15.04.2022).

20.1. Калдыбаев А., Линник А. Применение понятия «публичный порядок» в арбитраже [Электронный ресурс] https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39612021&pos=6;-109#pos=6;-109 (дата обращения: 15.12.2022)

21. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) [Электронный ресурс] <https://clck.ru/euFe2> (дата обращения: 15.04.2022)

22. Постановление Правительства Республики Казахстан от 15 июля 2022 года № 482 «Об утверждении Концепции инвестиционной политики Республики Казахстан до 2026 года» [Электронный ресурс] https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34889573&pos=5;-109#pos=5;-109 (дата обращения: 27.09.2022).

Information about author:

Bazarbayev A.A. - doctoral student, M.S. Narikbayev KAZGUU University, Korgaldzhin Highway 8, Senior lawyer, «NMC «Tau-Ken Samruk» JSC, Syganak str., building 17/10, Astana, Kazakhstan.

Базарбаев А.А. - М.С. Нарикбаев атындағы «КАЗГЮУ Университеті» АҚ докторанты, Қорғалжын тас жолы, 8, Астана, Қазақстан; «Тау-Кен Самурық» Ұлттық тау-кен компаниясы» акционерлік қоғамының Аға заңгері, Сығанақ көшесі, 17/10 ғимараты, Астана, Қазақстан.

*Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: makrushin.anton@hotmail.com)*

Цифровизация рынка труда: опыт стран Евразийского экономического союза

Аннотация. Цифровые технологии изменили характер современной жизни любого государства. Так, рынок труда ЕАЭС сталкивается с рядом проблем, которые может решить цифровизация. Она открывает многочисленные возможности, поэтому в данной статье рассмотрены вопросы, связанные со стремительным использованием современных технологий, которые динамично внедряются в социально-трудовые отношения в целях их приспособления к новой реальности. Данные процессы активно происходят на территории Евразийского экономического союза и позволяют создать более эффективный и прозрачный рынок труда. В исследовании использованы методы изучения и анализа специализированной литературы, нормативных правовых актов, статистических данных и сравнения трудового законодательства стран ЕАЭС. Проведенный анализ использованной литературы (как отечественной, так и зарубежной), позволяет понять сущность происходящих преобразований на рынке труда затронутого экономического региона. Анализ статистических данных за период с 2017 по 2022 годы наглядно показывает то, как цифровизация рынка труда, на примере снижения уровня безработицы, оказала положительный эффект на сферу труда. Приведены выводы касательно изученного опыта цифровизации рынка труда ЕАЭС, где отражены не только проблемы, но и новые возможности. Материалы статьи могут быть использованы неограниченным кругом лиц, которые интересуются социально-трудовыми отношениями и их эволюцией.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, цифровая экономика, цифровизация, цифровые отношения, трудовые отношения, рынок труда, цифровой труд.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-162-175>

Введение

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – это международная организация экономической интеграции, которая обладает международной правосубъектностью и учреждена на основании Договора о Евразийском региональной экономическом союзе

экономическом союзе [1]. Стремление сформировать единый рынок товаров, услуг, капитала, а также трудовых ресурсов – обозначено в качестве одной из основных целей создания экономического союза.

В состав ЕАЭС входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Совокупное население данного экономического региона составляет более 183 миллионов человек, численность экономически активного населения (рабочей силы) составляет около 93 миллионов человек [2].

Современная проблема, которая привлекает колоссальное внимание во всем мире, в том числе в регионе ЕАЭС, связана с цифровизацией рынка труда. Цифровизация меняет то, как мы живем и работаем. На рынке труда цифровые технологии меняют то, как мы находим работу, выполняем ее и управляем ею. Поэтому целью настоящего исследования является изучение процессов цифровизации рынка труда в ЕАЭС путем освещения текущего состояния дел, проблем и возможностей, а также потенциального влияния на социально-трудовые отношения.

Материалы и методы

В статье используются методы изучения и анализа специализированной литературы, нормативных правовых актов, статистических данных и сравнения трудового законодательства ЕАЭС. Автором обзревается литературные источники из различных дисциплин, включая социологию, философию, юриспруденцию. Эти источники предоставляют различные точки зрения

и понимание процесса цифровизации рынка труда, включая ее влияние на социально-трудовые отношения, а также проблемы и возможности, предоставляемые цифровыми технологиями.

Обсуждение

Рынок труда, как отмечено И.С. Бажутиным, в большинстве случаев, для государства является самым точным детектором социального положения его населения [3, С.14]; и представляет собой комплексную систему социально-трудовых отношений по поводу обмена индивидуальных способностей к труду на фонд жизненных средств [3, С. 11]. Схожей позицией в отношении сущности рынка труда обладает С.Г. Ермолаева. Так, в общем виде, под рынком труда следует понимать систему общественных отношений, которая связана с наймом и предложением рабочей силы или, иными словами, с ее куплей и продажей, где в качестве цены рабочей силы выступает заработная плата. Кроме того, использование индивидуальных способностей человека в соотношении с вознаграждением за их применение создает на рынке труда соответствующий спрос на рабочую силу [4, С. 15-16]. С точки зрения подхода, предложенного А.К. Дубовиком, характеристика рынка труда должна проводиться с позиции методологии общей теории рынков, при которой рынок труда представлен как система общественных отношений, непосредственно связанных с наймом и предложением труда; и, является особым механизмом взаимодействия между работодателями и наемными

работниками по вопросам согласования цены и условий труда [5, С. 12]. Также рынок, в дополнение к вышеуказанному, можно определить как множество симметричных избирательных обменов, которые регулируются механизмом цен в пропорциональном соотношении [6, С. 72].

XXI век – время, в котором цивилизация перешла к новому этапу своего развития – цифровому. Быстрое распространение результатов технического прогресса в мировом масштабе оказывает влияние на развитие общества. Следует отметить, что такие глобальные изменения также оказывают свое влияние и на развитие рынка труда, а также на социально-трудовые отношения. Данный процесс, несомненно, привлекает внимание мирового сообщества [7], поскольку нынешние преобразования, касающиеся будущего сферы труда, как заметили Дж. Хэйс и Л. Ричли, кажутся еще более тревожными [8, С. 92]. Также о беспокойстве общества, вызванного цифровой революцией, упоминают и Д. Вон-Уайтхэд, Ю. Геллаб, Р.М. де Бустильо Льоренте [9, С. 112].

Социальная реальность, – цитирует Е.И. Дискин определение П. Штомки, – статистическим состоянием не является, а, наоборот, представляет собой динамический процесс; социальная реальность происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов [10, С. 140]. Законы общества, как справедливо замечено Р.Е. Жюнецевым, формируются в процессе жизни людей в обществе и напрямую связаны с их повседневной жизнью [11, С. 155]. Кроме этого, по мнению Ж.Т. Тощенко, стремление к новому может

возникнуть не только внутри самого человека, но и на основании воздействия внешних причин [12, С. 316].

Поскольку совершенная форма рынка связана с другим кругом общественных отношений, от которых она неотделима, – пишут А.И. Виноградова и Н.В. Фомина, – то совершенствование этой формы рынка происходит в процессе совершенствования общественных отношений [13, С. 67]. В современном обществе, как отмечено А.И. Виноградовой, представить жизнь без информации – невозможно, поскольку она пользуется грандиозным спросом и становится одним из наиболее востребованных товаров [14, С. 50].

Общество высоких технологий, полагает Л.В. Баева, выступает как объективно необходимая сложившимся условиям стадия развития социума [15, С. 8]. Техническая трансформация общества в совокупности с цифровой революцией, – пишет А.В. Колесников, – потенциально несут собой видоизменение всех производственных взаимоотношений и экономической инфраструктуры [16, С. 137]. То, что было естественным для традиционного (классического) рынка труда, согласно рациональной позиции М.Л. Калужского, в современной действительности утрачивает свою актуальность [17, С. 23-24].

Цифровые правоотношения, как замечено А.Я. Мининым, возникают в контексте мира цифр и, соответственно, осуществляются именно в цифровой среде [18, С. 17]. А.И. Сидоренко отметил влияние взаимодействия гибкой системы управления с гибкой темпоральностью, которые в совокупности, в рамках

цифрового ландшафта, способны задавать векторы существования общества [19, С. 80]. При этом С.М. Зыряновым также обозначена значимость высокой степени достоверности и защищенности электронной информации [20, С. 9].

При переходе социально-трудовых отношений от традиционных (классических) отношений к цифровым не стоит забывать о естественных началах и сущности, которая в них заложена, и, несмотря на изменение своей формы, – упоминает Д.А. Турицын, – они должны сохранять свою истинную природу и предназначение [21, С. 23]. Для этого необходимо вспомнить как О.С. Иоффе [22, С. 513] охарактеризовал правовые отношения в целом:

«Будучи тесно связанными с иными взаимными отношениями людей в реальной общественной жизни, правовые отношения не только не утрачивают своей специфики, а, напротив, именно благодаря этой специфике приобретают большое общественное значение, играя в высшей степени важную роль и занимая вполне определенное, достаточно значительное место в кругу иных общественных отношений.»

Институциональный переход от купли-продажи рабочего времени к купле-продаже оказания услуг (выполнения работ), отмечает М.Л. Калужский, является центральной особенностью цифрового рынка труда, где: 1) проектная занятость или разовые сделки приходят на замену постоянной занятости; 2) фрилансеры или заемный

персонал приходят на замену постоянного персонала; 3) неформальная занятость замещает занятость традиционную [17, С. 30].

В свете интенсивной цифровизации многих общественных отношений, на механизм правового регулирования которых обратили внимание Е.А. Овчинникова и С.Н. Новиков, ядром данного механизма выступает система правовых средств (элементов), с помощью которых осуществляется взаимосвязанное регулирование общественных отношений: 1) в сфере оборота информации; 2) в сфере создания и использования информационных технологий; 3) в сфере формирования и управления в области оборота информационных ресурсов и технологий; 4) в реализации юридической ответственности в сфере информации [23, С. 44].

Результаты

Международная организация труда (МОТ) обратила внимание на то, что по всей Европе и Центральной Азии пандемия Covid-19 сильнее ударила по некоторым работодателям и работникам, в сравнении с другими регионами. Это, в свою очередь, оказало негативное влияние рынок труда из-за ограниченного доступа к мерам поддержки [24, С. 67], которые сказались на основных показателях рынка труда ЕАЭС (см. Табл. 1).

Таблица 1

За период пандемии Covid-19, по данным Департамента статистики Евразийской экономической комиссии [25], численность безработных с 2019 года (около 4,5 миллионов человек) по 2020 год (около 5,3 миллионов человек) выросла на 17,8 процентов; численность занятого населения снизилась на 1,6 процентов с 89,14 миллионов до 87,71 миллионов человек; численность рабочей силы сократилась на 0,6 процентов с 93,64 миллионов до 93,07

миллионов человек.

Страны региона ЕАЭС, сфокусировавшись на экономическом взаимодействии союзных государств [26, С. 41], не игнорировали возникшие с рынком труда проблемы и за счет качественной организационной работы [27, С. 124] продемонстрировали эффективность правового регулирования [28, С. 19], в результате чего удалось сократить численность безработного населения (см. Табл. 2)

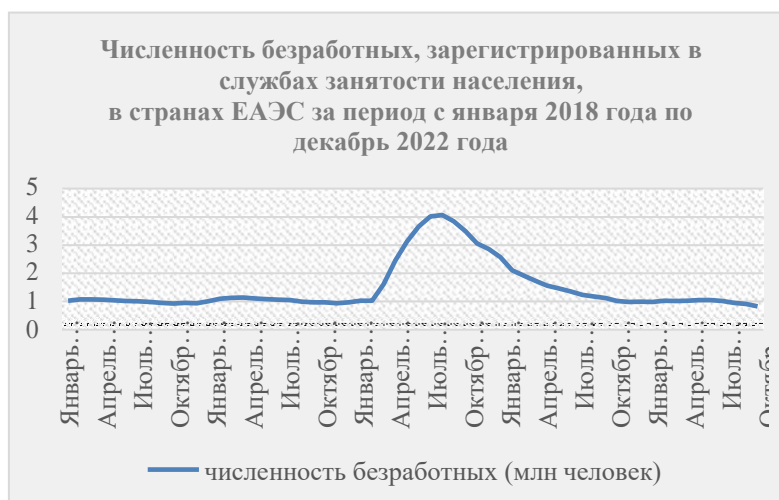

Таблица 2

Согласно данным Департамента статистики Евразийской экономической комиссии [29] можно увидеть:

1) результаты реагирования стран ЕАЭС на сложившиеся обстоятельства в плане правового регулирования (в гражданском и трудовом законодательстве расширились возможности электронного взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений) [30];

2) результаты развития инструментов цифрового взаимодействия на рынке труда благодаря совместному проекту под названием «Работа без границ» [31].

Действия ЕАЭС по цифровизации социально-трудовых отношений способствовали стремительному снижению численности безработного населения, которая достигла своего пика в августе 2020 года – около 4,01 миллионов человек. Таким образом, удалось выйти на показатели, зафиксированные до начала пандемии Covid-19: январь 2019 года – 0,96 миллионов человек; март 2022 года – 0,97 миллионов человек. Кроме того, наблюдаются положительные тенденции дальнейшего снижения численности безработных, поскольку в декабре 2022 года этот показатель составлял 0,82 миллионов человек.

Цифровые платформы становятся важной стратегией для стран ЕАЭС [32, С. 19], поскольку они являются основой новой экономики – цифровой [33, С. 30]. Как рост инноваций, вызывающий технологический прогресс [34, С. 118], так и креативное мышление способны реформировать социальную действительность [35, С. 35], а именно: решить актуальные социальные

проблемы, связанные с нищетой и безработицей [36, С. 89], дисбалансом между спросом и предложением рабочей силы, низким уровнем жизни, поиском сфер приложения труда и увеличением реальных доходов [37, С. 64].

Таким образом, анализ опыта стран ЕАЭС в сфере цифровизации рынка труда и социально-трудовых отношений показал, что эффективное использование ресурсов в условиях рынка [38, С. 43], содействие полной и экономически эффективной занятости [39, С. 50], борьба с безработицей [3, С. 130; 4, С. 44] способствовали устранению возникших препятствий [40, С. 310] и росту уровня удовлетворенности трудом [41, С. 27] среди населения данного экономического региона.

Заключение

В последние годы значительно возросла совместная работа стран ЕАЭС в области цифровизации евразийского пространства. Это свидетельствует о начале формирования цифровой экосистемы социально-трудовых отношений, которая, в свою очередь, способна трансформировать существующий рынок труда и сделать его более гибким. Кроме того, в рамках данного экономического союза, до конца 2024 года ожидается прирост общих процессов, благодаря которым будет осуществляться информационный обмен [42].

Цифровизация рынка труда является критически важным вопросом для региона ЕАЭС, сопряженным как с вызовами, так и с возможностями. Хотя внедрение цифровых технологий может

повысить производительность и создать новые рабочие места, оно также способно создать серьезные проблемы, такие как перемещение рабочих мест, устаревание навыков и неравенство в доходах. Влияние цифровизации на экономику будет зависеть от способности работников в совокупности со способностями работодателей адаптироваться к технологическим изменениям, что требует соответствующих инвестиций в образование и профессиональную подготовку, нормативно-правовую базу для защиты прав работников и благоприятную политическую среду для стимулирования инноваций и конкурентоспособности.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.10.2022 г.) / Информационная система «Континент» // Электронный ресурс: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31565247 (дата обращения: 25.03.2023).
2. Официальный сайт Евразийского экономического союза // Электронный ресурс: <http://www.eaeunion.org/#about> (дата обращения: 25.03.2023).
3. Бажутин И.С. Рынок труда: учебное пособие / И.С. Бажутин; Новосибирский государственный университет экономики и управления. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2021. – 171 с.
4. Ермолаева С.Г. Рынок труда: учебное пособие для СПО / С.Г. Ермолаева; под редакцией О.В. Охотникова. – 2-е изд. – Саратов, Екатеринбург: Профобразование, Уральский федеральный университет, 2019. – 106 с.
5. Дубовик А. К. Рынок труда: учебно-методическое пособие / А.К. Дубовик. – Минск: БНТУ, 2017. – 109 с.
6. Человек. Общество. Социальная коммуникация: учебное пособие / М.В. Черников, Л.С. Перевозчикова, Е.В. Авдеенко, К.С. Назаренко; ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет». – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2022. – 129 с.
7. ILO Centenary Declaration for the Future of Work. International Labour Organization, 2019 // Электронный ресурс: www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@relconf/documents/meetingdocument/wcms_711674.pdf (дата обращения: 25.03.2023).
8. Heyes, Jason, and Ludek Rychly. The Governance of Labour Administration. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2021 // Электронный ресурс: <https://doi.org/10.4337/9781802203158> (дата обращения: 25.03.2023).
9. Vaughan-Whitehead, Daniel, Youcef Ghellab, and Rafael M. de Bustillo Llorente. The New World of Work. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2021 // Электронный ресурс: <https://doi.org/10.4337/9781800888050> (дата обращения: 25.03.2023).
10. Дискин И.Е. Консервативная модернизация / Иосиф Дискин. – М.:

Политическая энциклопедия, 2021. – 342 с.

11. Жүншеев Р.Е. Ғылым тарихы және философиясы: логикалық-құрылымды кестелерден құрылған оқу құралы/ Тараз: Dulary university, 2022. – 187 б.

12. Тощенко Ж.Т. Социология труда: учебник / Ж.Т. Тощенко. – М: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 423 с.

13. Актуальные проблемы современного информационного общества: социально-философский анализ: монография. Кн. 4 / под ред. С.П. Дуреева, О.В. Летуновой; СибГУ им. М.Ф. Решетнева. – Красноярск, 2021. – 184 с.

14. Актуальные проблемы современного информационного общества: социально-философский анализ: монография. Кн. 3 / под ред. С.П. Дуреева, О.В. Летуновой; СибГУ им. М.Ф. Решетнева. – Красноярск, 2020. – 186 с.

15. Баева Л.В. Социокультурные и философские проблемы развития информационного общества: учебное пособие / Л.В. Баева; Астраханский государственный университет. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – 136 с.

16. Колесников А.В. Киберкосмизм. Цифровая философия темпорального универсума / А.В. Колесников. – Минск: Беларуская навука, 2022. – 315 с.

17. Калужский М.Л. Сетевой рынок труда: монография / М.Л. Калужский. – ОмГТУ. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2018. – 124 с.

18. Минин А.Я. Актуальные проблемы цифрового права: учебное пособие / А.Я. Минин. – Москва: МПГУ, 2021. – 132 с.

19. Основные тенденции в правовом регулировании цифровых технологий. Сравнительно-правовое исследование: коллективная монография / отв. ред. Х.И. Гаджиев. – Москва: ИД «Юриспруденция», 2022. – 264 с.

20. Единая цифровая среда доверия: формирование и поддержание / С.М. Зырянов, П.П. Кабытов, Л.К. Терещенко и др.; отв. ред.: С.М. Зырянов, Л.К. Терещенко. – М: ИД «Юриспруденция», 2022. – 144 с.

21. Turitsyn D.A. Digital contract in the civil law system / monograph. – М.: HELRI, 2022. – 223 p.

22. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – 4-е изд. – Москва: Статут, 2020. – 782 с.

23. Овчинникова Е.А. Новиков С.Н. Основы информационного права Российской Федерации: учебное пособие / Е.А. Овчинникова, С.Н. Новиков, под ред. С.Н. Новикова; Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики; каф. безопасности и управления в телекоммуникациях. – Новосибирск, 2021. – 138 с.

24. World Employment and Social Outlook: Trends 2022. International Labour Organization, 2022 // Электронный ресурс: <https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-dgreports/-dcomm/-publ/documents/publication/834081.pdf> (дата обращения 25.03.2023).

25. Социально-экономическая статистика (рынок труда) Департамента статистики Евразийской экономической комиссии // Электронный ресурс: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/lab

or_market.aspx (дата обращения: 25.03.2023).

26. Каширкина А.А. Россия, Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: монография / А.А. Каширкина, А.Н. Морозов. – М.: ИНФРА-М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2019. – 295 с.

27. Карпович О.Г., Мантусов В.Б. Евразийский экономический союз в контексте новых глобальных изменений: монография / О.Г. Карпович, В.Б. Мантусов. – М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. – 144 с.

28. Орлова Е.Е. Гармонизация правового регулирования занятости населения государств-участников СНГ в контексте евразийской перспективы: монография / Е.Е. Орлова. – Тамбов: Издательский центр ФГБОУ «ТГТУ», 2021. – 252 с.

29. Социально-экономическая статистика (о безработице) Департамента статистики Евразийской экономической комиссии // Электронный ресурс: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/express_unemployment.aspx (дата обращения 25.03.2023).

30. Информационная система «Континент» // Электронный ресурс: <https://continent-online.com/> (дата обращения: 25.03.2023).

31. Проект «Работа без границ» стартовал в ЕАЭС / Новости Евразийской экономической комиссии от 01.07.2021 г. // Электронный ресурс: <https://eec.eaeunion.org/news/proekt-rabota-bez-granic-startoval-v-eaes/> (дата обращения: 25.03.2023).

32. Стырин Е.М., Государственные цифровые платформы. Формирование и развитие / Е.М. Стырин, Н.Е. Дмитриева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд., эл. – 1 файл pdf: 193 с. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5; экран 10". – Текст: электронный.

33. Экономика знаний и роль человеческого капитала в ее формировании: монография / Е.Н. Чижова и др.; под ред. проф. Е.Н. Чижовой. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2018 – 296 с.

34. Мясникович М.В. Практические вопросы евразийской экономической интеграции / М.В. Мясникович. – Минск: Беларуская навука, 2021. – 294 с.

35. Мацевич-Духан И.Я. Креативное общество: от концепции к теории / И.Я. Мацевич-Духан. – Минск: Беларуская навука, 2021. – 294 с.

36. Костюченко Т.Н. Экономика труда: учебное пособие / Т.Н. Костюченко, А.Р. Байчерова, Д.В. Сидорова; Ставропольский гос. аграрный ун-т. – Ставрополь, 2021. – 172 с.

37. Фомин Э.В. Экономика и право: монография / гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – 184 с.

38. Правовое регулирование конкурентных отношений: монография / Е.А. Никитина, Ю.И. Селиверстов, О.А. Мадыгина и др. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2020. – 144 с.

39. Ильина И.Ю. Рынок труда и маркетинг персонала: учебное пособие. В 2 ч. Ч.1 / И.Ю. Ильина, Е.В. Потехина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 225 с.

40. Актуальные проблемы права: учебное пособие / М.Ю. Осипов. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2021. – 446 с.

41. Маркин Н.С., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Трудовое право: учебник / под ред. В.И. Шкатуллы. – М: Прометей, 2019. – 584 с.

42. Варос Симонян: «Информационное взаимодействие стран ЕАЭС выходит на новый уровень» // Электронный ресурс: http://digital.eaeunion.org/extranet/news/?ELEMENT_ID=11796 (дата обращения: 20.03.2023).

А.О. Макрушин

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Еңбек нарығын цифрландыру: Еуразиялық экономикалық одақ елдерінің тәжірибесі

Аңдатпа. Цифрлық технологиялар кез келген мемлекеттің қазіргі өмірінің сипатын өзгертті. ЕАЭО еңбек нарығы цифрландыру шеше алатын бірқатар проблемаларға тап болады. Ол көптеген мүмкіндіктер ашады. Сондықтан, бұл мақалада заманауи технологияларды тез қолдануға байланысты мәселелер қарастырылған. Өйткені, олар жаңа шындықты бейімдеу мақсатында әлеуметтік-еңбек қатынастарына серпінді түрде енгізілуде. Бұл процестер Еуразиялық экономикалық одақ аумағында белсенді жүріп жатыр және неғұрлым тиімді және ашық еңбек нарығын құруға мүмкіндік береді. Осы зерттеуде мамандандырылған әдебиеттерді, нормативтік құқықтық актілерді, статистикалық деректерді зерделеу және талдау және ЕАЭО елдерінің еңбек заңнамасын салыстыру әдістері пайдаланылды. Пайдаланылған әдебиеттерге (отандық және шетелдік) жүргізілген талдау зардап шеккен экономикалық аймақтың еңбек нарығында болып жатқан өзгерістердің мәнін түсінуге мүмкіндік береді. 2017 жылдан 2022 жылға дейінгі кезеңдегі статистикалық деректерді талдау еңбек нарығын цифрландырудың еңбек саласына қалай оң әсер еткенін айқын көрсетеді (жұмыссыздық деңгейінің төмендеуі мысалында). ЕАЭО еңбек нарығын цифрландырудың зерделенген тәжірибесіне қатысты тұжырымдар келтірілген, онда проблемалар ғана емес, жаңа мүмкіндіктер де көрсетілген. Осы мақаланың материалдарын әлеуметтік-еңбек қатынастарына және олардың эволюциясына қызығушылық танытатын шексіз адамдар пайдалана алады.

Түйін сөздер: Еуразиялық экономикалық одақ, цифрлық экономика, цифрландыру, цифрлық қатынастары, еңбек қатынастары, еңбек нарығы, цифрлық еңбегі.

The digitalization of the labor market: the experience of the countries in the Eurasian Economic Union

Abstract. Digital technologies have changed the nature of modern life. The EAEU labour market faces several problems that digitalization may solve. Digitalization opens up numerous opportunities. Therefore, this article discusses issues related to the rapid use of modern technologies that are being dynamically introduced into social and labour relations to adapt them to the new reality. These processes are actively taking place on the territory of the Eurasian Economic Union and make it possible to create a more efficient and transparent labour market. The research is based on the methods of studying and analyzing specialized literature, regulatory legal acts, statistical data, and a comparison of labour legislation of the EAEU countries. The analysis of the literature used (both domestic and foreign) allows us to understand the essence of the ongoing transformations in the labour market of the affected economic region. The analysis of statistical data from 2017 to 2022 clearly shows how the digitalization of the labour market has had a positive effect on the labour area (by the example of a decrease in the unemployment rate). The article presents conclusions about the experience of digitalization of the EAEU labour market, and not only problems but also new opportunities are indicated. The materials of the article can be used by an unlimited number of people who are interested in social and labour relations and their evolution.

Keywords: Eurasian Economic Union, digital economy, digitalization, digital relations, labour relations, labour market, digital work.

References

1. Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze (g. Astana, 29 maja 2014 goda) (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 25.10.2022 g.) / Informacionnaja sistema «Kontinent» // Jelektronnyj resurs: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31565247 (accessed: 25.03.2023).
2. Oficial'nyj sajt Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza // Jelektronnyj resurs: <http://www.eaeunion.org/#about> (accessed: 25.03.2023).
3. Bazhutin I.S. Rynok truda: uchebnoe posobie / I.S. Bazhutin; Novosibirskij gosudarstvennyj universitet jekonomiki i upravljenja. – Moskva: Aj Pi Ar Media, 2021. – 171 s.
4. Ermolaeva S.G. Rynok truda: uchebnoe posobie dlja SPO / S.G. Ermolaeva; pod redakcij O.V. Ohotnikova. – 2-e izd. – Saratov, Ekaterinburg: Profobrazovanie, Ural'skij federal'nyj universitet, 2019. – 106 c.
5. Dubovik A. K. Rynok truda: uchebno-metodicheskoe posobie / A.K. Dubovik. –

Minsk: BNTU, 2017. - 109 s.

6. Chelovek. Obshhestvo. Social'naja kommunikacija: uchebnoe posobie / M.V. Chernikov, L.S. Perevozchikova, E.V. Avdeenko, K.S. Nazarenko; FGBOU VO «Voronezhskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet». – Voronezh: Izd-vo VGTU, 2022. – 129 s.

7. ILO Centenary Declaration for the Future of Work. International Labour Organization, 2019 // Jelektronnyj resurs: www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@relconf/documents/meetingdocument/wcms_711674.pdf (accessed: 25.03.2023).

8. Heyes, Jason, and Ludek Rychly. The Governance of Labour Administration. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2021 // Jelektronnyj resurs: <https://doi.org/10.4337/9781802203158> (accessed: 25.03.2023).

9. Vaughan-Whitehead, Daniel, Youcef Ghellab, and Rafael M. de Bustillo Llorente. The New World of Work. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2021 // Jelektronnyj resurs: <https://doi.org/10.4337/9781800888050> (accessed: 25.03.2023).

10. Diskin I.E. Konservativnaja modernizacija / Iosif Diskin. – M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2021. – 342 s.

11. Zhynsheev R.E. Gylym tarihy zhane filosofijasy: logikalyk-kurylymdy kestelerden kurylgan oku kuraly/ Taraz: Dulaty university, 2022. – 187 b.

12. Toshhenko Zh.T. Sociologija truda: uchebnyk / Zh.T. Toshhenko. – M: JuNITI-DANA, 2017. – 423 s.

13. Aktual'nye problemy sovremennogo informacionnogo obshhestva: social'no-filosofskij analiz: monografija. Kn. 4 / pod red. S.P. Dureeva, O.V. Letunovoj; SibGU im. M.F. Reshetneva. – Krasnojarsk, 2021. – 184 s.

14. Aktual'nye problemy sovremennogo informacionnogo obshhestva: social'no-filosofskij analiz: monografija. Kn. 3 / pod red. S.P. Dureeva, O.V. Letunovoj; SibGU im. M.F. Reshetneva. – Krasnojarsk, 2020. – 186 s.

15. Baeva L.V. Sociokul'turnye i filosofskie problemy razvitija informacionnogo obshhestva: uchebnoe posobie / L.V. Baeva; Astrahanskij gosudarstvennyj universitet. – Moskva: Aj Pi Ar Media, 2022. – 136 s.

16. Kolesnikov A.V. Kiberkosmizm. Cifrovaja filosofija temporal'nogo universuma / A.V. Kolesnikov. – Minsk: Belaruskaja navuka, 2022. – 315 s.

17. Kaluzhskij M.L. Setevoj rynek truda: monografija / M.L. Kaluzhskij. – OmGTU. – Moskva; Berlin: Direkt-Media, 2018. – 124 s.

18. Minin A.Ja. Aktual'nye problemy cifrovogo prava: uchebnoe posobie / A.Ja. Minin. – Moskva: MPGU, 2021. – 132 s.

19. Osnovnye tendencii v pravovom regulirovanii cifrovyyh tehnologij. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie: kollektivnaja monografija / otv. red. H.I. Gadzhiev. – Moskva: ID «Jurisprudencija», 2022. – 264 s.

20. Edinaja cifrovaja sreda doverija: formirovanie i podderzhanie / S.M. Zyrjanov, P.P. Kabytov, L.K. Tereshhenko i dr.; otv. red.: S.M. Zyrjanov, L.K. Tereshhenko. – M: ID «Jurisprudencija», 2022. – 144 s.

21. Turitsyn D.A. Digital contract in the civil law system / monograph. – M.: HELRI,

2022. – 223 p.

22. Ioffe O.S. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii civilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «hozjajstvennogo prava». – 4-e izd. – Moskva: Statut, 2020. – 782 s.

23. Ovchinnikova E.A. Novikov S.N. Osnovy informacionnogo prava Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie / E.A. Ovchinnikova, S.N. Novikov, pod red. S.N. Novikova; Sibirskij gosudarstvennyj universitet telekommunikacij i informatiki; kaf. bezopasnosti i upravlenija v telekommunikacijah. – Novosibirsk, 2021. – 138 s.

24. World Employment and Social Outlook: Trends 2022. International Labour Organization, 2022 // Jelektronnyj resurs: <https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/dgreports/-dcomm/-publ/documents/publication/834081.pdf> (accessed: 25.03.2023).

25. Social'no-jekonomicheskaja statistika (rynok truda) Departamenta statistiki Evrazijskoj jekonomicheskoy komissii // Jelektronnyj resurs: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/lab_or_market.aspx (accessed: 25.03.2023).

26. Kashirkina A.A. Rossija, Evrazijskij jekonomicheskij sojuz i Vsemirnaja trgovaja organizacija: monografija / A.A. Kashirkina, A.N. Morozov. – M.: INFRA-M: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve RF, 2019. – 295 s.

27. Karpovich O.G., Mantusov V.B. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz v kontekste novyh global'nyh izmenenij: monografija / O.G. Karpovich, V.B. Mantusov. – M: RIO Rossijskoj tamozhennoj akademii, 2018. – 144 s.

28. Orlova E.E. Garmonizacija pravovogo regulirovanija zanjatosti naselenija gosudarstv-uchastnikov SNG v kontekste evrazijskoj perspektivy: monografija / E.E. Orlova. – Tambov: Izdatel'skij centr FGBOU «TGTU», 2021. – 252 s.

29. Social'no-jekonomicheskaja statistika (o bezrobotice) Departamenta statistiki Evrazijskoj jekonomicheskoy komissii // Jelektronnyj resurs: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/express_unemployment.aspx (accessed: 25.03.2023).

30. Informacionnaja sistema «Kontinent» // Jelektronnyj resurs: <https://continent-online.com/> (data obrashhenija: 25.03.2023).

31. Proekt «Rabota bez granic» startoval v EAJeS / Novosti Evrazijskoj jekonomicheskoy komissii ot 01.07.2021 g. // Jelektronnyj resurs: <https://eec.eaeunion.org/news/proekt-rabota-bez-granic-startoval-v-eaes/> (accessed: 25.03.2023).

32. Styrin E.M., Gosudarstvennye cifrovyje platformy. Formirovanie i razvitie / E.M. Styrin, N.E. Dmitrieva; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». 2-e izd., jel. – 1 fajl pdf: 193 s. – Moskva: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2022. – Sistem. trebovanija: Adobe Reader XI libo Adobe Digital Editions 4.5; jekran 10". – Tekst: jelektronnyj.

33. Jekonomika znanij i rol' chelovecheskogo kapitala v ee formirovanii: monografija / E.N. Chizhova i dr.; pod red. prof. E.N. Chizhovoj. – Belgorod: Izd-vo BGTU, 2018 – 296 s.

34. Mjasnikovich M.V. Prakticheskie voprosy evrazijskoj jekonomicheskoy integracii / M.V. Mjasnikovich. – Minsk: Belaruskaja navuka, 2021. – 294 s.

-
35. Macevich-Duhan I.Ja. Kreativnoe obshhestvo: ot koncepcii k teorii / I.Ja. Macevich-Duhan. – Minsk: Belaruskaja navuka, 2021. – 294 s.
36. Kostjuchenko T.N. Jekonomika truda: uchebnoe posobie / T.N. Kostjuchenko, A.R. Bajcherova, D.V. Sidorova; Stavropol'skij gos. agrarnyj un-t. – Stavropol', 2021. – 172 s.
37. Fomin Je.V. Jekonomika i pravo: monografija / gl. red. Je.V. Fomin. – Cheboksary: ID «Sreda», 2021. – 184 s.
38. Pravovoe regulirovanie konkurentnyh otnoshenij: monografija / E.A. Nikitina, Ju.I. Seliverstov, O.A. Madygina i dr. – Belgorod: Izd-vo BGTU, 2020. – 144 s.
39. Il'ina I.Ju. Rynok truda i marketing personala: uchebnoe posobie. V 2 ch. Ch.1 / I.Ju. Il'ina, E.V. Potehina. – Moskva; Berlin: Direkt-Media, 2020. – 225 s.
40. Aktual'nye problemy prava: uchebnoe posobie / M.Ju. Osipov. – Moskva: Aj Pi Ar Media, 2021. – 446 s.
41. Markin N.S., Nadvikova V.V., Shkatulla V.I. Trudovoe pravo: uchebnyk / pod red. V.I. Shkatully. – M: Prometej, 2019. – 584 s.
42. Varos Simonjan: «Informacionnoe vzaimodejstvie stran EAJeS vyhodit na novyj uroven'»// Jelektronnyj resurs: http://digital.eaeunion.org/extranet/news/?ELEMENT_ID=11796 (accessed: 20.03.2023).

Сведения об авторе:

Макрушин А.О. – докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Makrushin A.O. – Ph.D. student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

*Институт государства и права
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
(E-mail: raya_m@mail.ru)*

Социально-трудовые правоотношения в системе координат государственной безопасности Республики Казахстан

Аннотация. В статье анализируются некоторые проблемы обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан в формате реализации государственной социальной политики, представленной законодательным регулятором трудового права и права социального обеспечения. В ней рассматриваются вопросы понятия безопасности, ее видов и уровней. Анализируется разность подходов к понятиям и содержанию национальной и государственной безопасности в зарубежных странах, отличительные особенности содержательных и смысловых трактовок, представленных учеными государств ближнего и дальнего зарубежья. Аналитическое исследование строится на базе, как национальных правовых рычагов, так и норм международного права, составляющих базовые основы социально-экономической безопасности, в том числе создающих социальные угрозы и вызовы. Особое внимание уделяется вопросам правовых казусов, представленных сегодня нормами действующего законодательства Республики Казахстан в контексте их потенциальных проекций угроз национальной безопасности в Казахстане. Автор раскрывает аспекты негативного влияния некоторых норм права на процесс формирования социальной национальной безопасности Республики Казахстан на примере правовой казуистики, строя исследование по принципу нарастания правового потенциала: от одной правовой нормы, представленной в статье закона «О детских деревнях и домах юношества», к формату действия всего законодательного акта - закона «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье» и к международным договорам, ратифицированным Республикой Казахстан, которые имеют приоритет перед законами страны, на примере статуса трудящихся мигрантов.

В статье анализируются взаимосвязанные, взаимозависимые совокупности сложных правовых процессов по правовой регламентации определенных социально-трудовых правоотношений, которые без учета национальной вариативности и межгосударственной гибкости, актуарного прогнозирования,

элементарной безграмотности приводят к правовой казуистике, невозможности реального функционирования правовых установок и в конечном итоге, отражаются на элементных составных системы безопасности страны.

Ключевые слова: национальная безопасность, пенсионное обеспечение, мигранты, мать-воспитатель, социальные пособия, трудовой договор, гендерквирсы, международные договоры.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-176-191>

Введение

Проблемы национальной безопасности сегодня отнесены к категории глобальных проблем человечества и составляют краеугольный камень политики любого государства и общего миропорядка. Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев на заседании, посвященном 30-летию Комитета национальной безопасности страны, отметил, что «Система национальной безопасности является незыблемой опорой нашей государственности, нашего независимого развития», от нее «в значительной степени зависит не только политическая стабильность внутри государств, но и устойчивое экономическое развитие». При этом Президент отметил, что «страна приступила к построению Нового Казахстана, глубинной модернизации всех сфер жизни. Государство будет последовательно развивать гражданское общество и защищать демократические принципы» [1]. Риски безопасности имеют многовекторный характер и провоцируются различными юридическими фактами, политическими, правовыми, экономическими просчетами, актуарными ошибками, преимущественно долгосрочного

характера, политической неадекватностью, государственными или международными амбициями и иными моментами, способными тормозить, минимизировать результаты поставленных задач. Такие просчеты, не зависимо от причин, могут привести к фатальным последствиям, в том числе к краху государств, систем, межгосударственных объединений. При этом социально-экономические и трудовые тематические блоки занимают одно из лидирующих позиций общей шкалы рисков. В мае 2022 года на информационной платформе info.KZ впервые были опубликованы материалы политико-аналитического исследования угроз национальной безопасности Республики Казахстан, проводимого общественным фондом «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», рассчитанного на среднесрочную перспективу. Особенностью данного обзора, как нам показалось, явилось не только выявление, выделение, классификация рисков, но и прогнозирование их по принципу стабильности. Так, практически все риски классифицировались на категории угроз по следующим позициям: полностью проявившиеся, с максимально высоким, минимальным уровнем проявления, на весь

рассматриваемый период, на предстоящие 2 года, постоянные, краткосрочные и т.д.

Мы полагаем, что аналогичное исследование, проведенное с точки зрения правового формата, представило бы не меньший интерес, определив реальные возможности переформатирования правовых норм в сфере национальной безопасности нашего государства по всем направлениям, в том числе и социально-трудовым.

Что касается вышеназванного исследования, то в нем были выделены угрозы во внутривнутриполитической, экономической, социальной сферах, в системе образования, здравоохранения, материального самочувствия казахстанцев после пандемии и др. [2].

Проведенное нами научное исследование показывает также и то, что в Казахстане данная тема изучена на крайне низком уровне. Наличие научных работ по трудовому праву, праву социального обеспечения, не компенсируют научный пробел, образовавшийся в тематическом формате национальной безопасности, а немногочисленные работы по теме национальной безопасности, как правило, рассматривают иные ее аспекты и направления.

Методы

В статье использованы научные методы, помогающие раскрыть сущностные характеристики социально-трудовых правовых норм, в том числе национального и международного права, оказывающих, с нашей точки зрения, негативное влияние на систему

национальной безопасности по соответствующей тематической группе. Общенаучные, специальные, частнонаучные методы, в том числе сравнительно-сопоставительный, метод обобщения и научного прогноза, системного анализа, историко-правовой и другие позволяют выявить позитивные преимущества и негативные прогнозы по рассматриваемому вопросу, а также определить некоторые оптимальные варианты разрешения правовых проблем.

Обсуждение

Базовые правовые положения в области безопасности в Казахстане определены Законом Республики Казахстан от 06.01.2012 года «О национальной безопасности Республики Казахстан» [3]. В частности, статья первая определяет национальную безопасность как состояние защищенности национальных интересов страны от реальных и потенциальных угроз, обеспечивающее динамическое развитие человека и гражданина, общества и государства. Кроме того, в понятийном аппарате определены спектры национальных интересов, в число которых вошли (подпункт 6 ст.1) политические, экономические, социальные и другие потребности, от реализации которых зависит способность государства обеспечивать защиту прав человека и гражданина, ценностей казахстанского общества и основ конституционного строя. В качестве объектов представлены:

1. человек, его жизнь, права и свободы;
2. общество, его материальные и духовные ценности;

3. государство, его конституционный строй.

В законодательном порядке определены принципы, виды, основные национальные интересы и угрозы, а также гарантии прав и свобод граждан в рамках обеспечения национальной безопасности, отдельные положения по видам обеспечения национальной безопасности, включая общественную, экономическую, экологическую и др. Все это подчеркивает важность и актуальность социально-трудового блока правоотношений.

С нашей точки зрения, следует обратить внимание на тот факт, что в казахстанском законодательстве используется терминологический формат «национальная безопасность». В Республике Казахстан диссертационные работы на тему национальной безопасности были представлены различными областями научных знаний, в том числе философией, политологией, экономикой и др., но все они ориентированы исключительно на названный терминологический формат [4].

Вместе с тем в странах дальнего зарубежья и государствах постсоветского периода ведется активная научная дискуссия относительно соотношения понятий «национальная безопасность» и «государственная безопасность». При этом военные действия, имеющие сегодня место быть между Российской Федерацией и Украиной, обострили и активизировали спорный формат по данному вопросу, особенно в странах Евросоюза и Соединенных Штатов Америки. Считается, что впервые термин «безопасность» был предложен Джеймсом Мэдисоном, четвертым

президентом США, основным автором Конституции США и Билля о правах [5]. Что касается понятия «национальная безопасность», то такую конкретизацию ввел Теодор Рузвельт, будучи 26 президентом Соединенных Штатов Америки [6]. Толкование же данного терминологического феномена было дано не государственным деятелем и не правоведом, а журналистом Уолтером Липпманом, выделившим приоритет нации перед всеми иными субъектами в части обеспечения безопасности [7]. Аналогичный путь научно-теоретической модернизации данная терминологическая категория прошла и в других странах, только на более позднем этапе и за более короткий период. Так, например, в Российской Федерации классификатор «национальная безопасность» был введен лишь в 2009 году Указом Президента «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», ныне утратившим юридическую силу [8]. До этого периода использовалось понятие просто «безопасность». Данная тема представлена сегодня в спорном дискуссионном формате на научном уровне. Так среди ученых, исследующих этот вопрос, можно назвать Ю.Г. Федорову [9], Д.В. Ирошникова [10], Т.В. Владимирову [11] и др. Предлагая разные научные трактовки, авторы, вместе с тем, солидарны в одном: данные исследования имеют серьезное практическое значение, поскольку разность и неоднозначность понимания содержания видовых классификационных характеристик безопасности часто приводит не просто к проблемам трактовки терминологических дефиниций, но и к

проблемам в области правоприменительной практики. Однако, с нашей точки зрения, данный научный пробел приводит к казуистике и в рамках правотворчества, не только на национальном, но и на международном уровне.

Нельзя не подчеркнуть и тот факт, что в странах дальнего зарубежья аналогичные споры проходят в совершенно иной дискуссионной плоскости. Особенно это прослеживается в государствах ЕС и США. Например, вопросы безопасности стран-участников Евросоюза официально связываются в концепцию глобальной безопасности, с минимальным акцентом на безопасность национальную, которая самым тесным образом зависит от условий, предлагаемых Соединенными Штатами. Так в официально опубликованном документе «Европейская Стратегия Безопасности, Безопасная Европа в лучшем мире» подчеркивается, что «для Европы трансатлантическое партнерство остается незаменимым фундаментом, основанным на общей истории и ответственности. ЕС и НАТО должны углубить свое стратегическое партнерство с целью улучшения сотрудничества.... Соединенные Штаты Америки внесли, прежде всего, в рамках НАТО, решающий вклад в процесс европейской интеграции, в безопасность Европы», сегодня «ни одна страна не способна в одиночку разрешить сложные проблемы современности» [12, 11-12 стр.]. Вероятно, по этой причине решения некоторых государств ЕС, представленные в формате национальной безопасности, подвергаются жесточайшей критике в

случае несовпадения с мнением высших органов данного международного объединения, а иногда и жестким санкциям. Особенно показательными являются санкции против Венгрии, принявшей закон о запрете пропаганды ЛГБД среди несовершеннолетних, и Польши, Конституционный суд которой подтвердил установку о приоритете Конституции страны над законодательством Евросоюза. Принятые законодательные акты, направленные на обеспечение национальной безопасности этих государств, вступили в противоречие с установками по безопасности ЕС, пытающегося установить единые безоговорочные стандарты по безопасности, без учета мнения стран-участников о проблемах их национальной безопасности.

Что касается Республики Казахстан, то специальное законодательство в области безопасности, без классификации уровней, определяет ее фундаментальный статус как безопасность национальную, и виды, что нами указывалось выше. При этом социально-трудовой блок занимает серьезное классификационное положение, что доказывает история независимого Казахстана. За тридцать один год независимости социально-трудовые споры, конфликты несколько раз переходили в политическое противостояние, создавая реальные угрозы национальной безопасности страны, включая состояние ее государственности. Поэтому мы остановимся лишь на тех некоторых правовых моментах, которые, с нашей точки зрения, относятся к категории

правовых казусов и нуждаются в изменениях, дополнениях, правовых корректировках или отмене, при этом в качестве тематической основы мы будем использовать непосредственно установки Закона Республики Казахстан от 06.01.2012 года «О национальной безопасности Республики Казахстан» [3].

Результаты

Не имея возможности представить в рамках объема данной статьи более подробный анализ казуистических положений, норм, представленных сегодня в системе действующего законодательства Республики Казахстан, мы остановимся лишь на некоторых, наиболее показательных, с нашей точки зрения.

Так, ст. 17 закона о безопасности устанавливает гарантии прав и свобод человека и гражданина при обеспечении национальной безопасности, при этом, пункт 2 определяет, что «при обеспечении национальной безопасности права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения. При этом указанные лица в установленном законодательством порядке вправе получать разъяснения от соответствующих государственных органов по поводу ограничения их прав и свобод». В этой связи нам хотелось бы обратить внимание на Закон Республики Казахстан от 13 декабря 2000 года «О детских деревнях семейного типа и домах юности», который, как мы

полагаем, содержит норму, вступающую в явное противоречие с Конституцией Республики Казахстан [13] и с законодательством о национальной безопасности. Статья 14 данного законодательного акта устанавливает требования, предъявляемые к матери-воспитателю, определяя, что матерями-воспитателями детских домов семейного типа могут быть граждане Республики Казахстан, достигшие возраста двадцати семи лет, имеющие высшее, послесреднее или среднее (техническое и профессиональное) образование, не состоящие в браке, не имеющие собственных либо усыновленных (удочеренных) несовершеннолетних детей. Правовая установка данной статьи вызывает вопрос, не являются ли нарушением конституционных гарантий требования о том, что должность «матери-воспитателя» могут занимать только граждане, которые не состоят в браке, не имеют собственных либо усыновленных (удочеренных) несовершеннолетних детей. Следует иметь в виду, что речь в данном случае идет не о брачно-семейном законодательстве и не об институте «материнство и детство», а исключительно о трудовых правоотношениях, и «мать-воспитатель» по статусным позициям – это всего лишь должность, предусмотренная штатным расписанием, работа по данной должности осуществляется по трудовому договору в рамках должностных инструкций, с получением за эту работу заработной платы, то есть имеют место быть исключительно трудовые правоотношения, регулируемые Трудовым кодексом Республики Казахстан. Вероятно, можно

объяснить желание авторов этого закона перевести трудо-правовые отношения в лоно брачно-семейных и видеть в лице работника, называемого «мать-воспитатель», человека, скорее всего, женщину (как видно из текста закона, такое требование не установлено), настоящую мать, у которой не должно быть своих детей во избежание отвлечения ее внимания, любви и заботы на них, а не на детей, вверенных ей на рабочем месте. Вероятно, и замужем она не должна быть по этой же причине. Но мы уверены, что данная правовая норма не соотносится с гарантиями, провозглашенными Конституцией нашей страны и трудовым законодательством. Так, пункт 2 статьи 14 Конституции Республики Казахстан устанавливает, что «Никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам» [14].

Аналогичную норму содержит и Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г., статья 6 «Запрещение дискриминации в сфере труда» которого гласит:

1. Каждый имеет равные возможности в реализации своих прав и свобод в сфере труда. Никто не может быть ограничен в правах в сфере труда, кроме случаев и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом и иными законами Республики Казахстан.

2. Никто не может подвергаться какой-либо дискриминации при реализации трудовых прав по мотивам

происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства, возраста или физических недостатков, принадлежности к общественным объединениям или по иным обстоятельствам». Пункт 3 этой правовой нормы оговаривает такие исключения из правил, в частности, «не являются дискриминацией различия, исключения, предпочтения и ограничения, которые в соответствии с законами Республики Казахстан устанавливаются для соответствующих видов трудовой деятельности либо обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите» [15].

Но однозначно, запреты на вступление в брак и рождение детей или их усыновление, удочерение, как обязательные условия для занятия определенных должностей и выполнения трудовых функций, к таким исключениям не могут иметь никакого отношения, поскольку относятся к личным неотчуждаемым правам и свободам человека и гражданина. Это подтверждается и другими положениями Трудового Кодекса страны. Так, статья 49 содержит исчерпывающий перечень оснований прекращения трудового договора, называя в качестве таковых: соглашение сторон, истечение срока трудового договора, инициативы работника и работодателя, перевод работника к другому работодателю, отказ работника от продолжения трудовых отношений, его переход на выборную работу (должность) или назначение его на

должность, исключаящую возможность продолжения трудовых отношений, кроме случаев, предусмотренных законами, нарушение условий заключения трудового договора и обстоятельства, не зависящие от воли сторон. При этом ст. 52 содержит также исчерпывающий перечень оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя и, естественно, в ней отсутствуют такие основания, как расторжение трудового договора по инициативе администрации из-за вступления работника в зарегистрированный брак или рождения у него (усыновление, удочерение) ребенка. Однако закон запрещает работать в должности матери-воспитателя именно при таких условиях. Возникает закономерный вопрос, на каком правовом основании будет расторгнут трудовой договор с матерью-воспитателем, позволившей себе вступить в брак или родить ребенка (усыновить, удочерить), если такой работник откажется увольняться по собственному желанию? Таких оснований в Трудовом кодексе нет и быть не может.

Глава 12 Трудового кодекса, определяющая особенности регулирования труда отдельных категорий работников, также не содержит аналогичных положений.

Мы полагаем, что эта правовая норма нуждается в серьезных изменениях и дополнениях, кроме того, учитывая, что с первого января 2023 года в Казахстане начнет свою деятельность Конституционный суд, призванный обеспечивать верховенство Конституции Казахстана на всей территории страны и при этом

список субъектов обращения в данную судебную структуру расширен до разумных пределов, вопросы, поставленные нами, могут послужить реальным основанием предмета обращения в рамках конституционного производства.

С нашей точки зрения, еще одно положение рассматриваемой нами правовой нормы, нуждается в кардинальном пересмотре. Из положения данной статьи следует, что «матерями-воспитателями могут быть граждане Республики Казахстан», при этом в статье не уточняется половая идентификация работника, занимающего эту должность. Учитывая, что в данном случае речь идет о трудовых функциях и штатном расписании, работе по трудовому договору, а не о брачно-семейных отношениях, где четко прописывается право-половой формат двух субъектов – «мать» и «отец», возникает правовой формат возможности занятия должности матери-воспитателя мужчиной. Вероятно, в данном случае анализируемый нами законодательный акт в полной мере соответствует Декларации ООН по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности, принятой 18.12.2008 года на Генеральной Ассамблее ООН и подписанной 96 государствами, которая фактически упраздняет субъектный правовой идентификатор «женщина» и «мужчина» и отдает приоритет небинарной гендерной идентичности. Сегодня насчитывается более 85 видов такой идентичности, людей, называемых в международном праве гендерквирами или агендерами. При таком положении дел занятие должности «мать-

воспитатель» действительно может быть предоставлено не только женщине. Однако, с нашей точки зрения, в соответствии с принципами национальной безопасности Республики Казахстан такую должность должны занимать исключительно женщины, поскольку именно с ними ассоциируется слово «мать». Мы считаем, что в законе, регламентирующем статус детских деревень семейного типа и домов юношества, должность «мать-воспитатель» необходимо упразднить, заменив ее, например, на «родитель-воспитатель», изменив, соответственно, условия заключения трудового договора с людьми, претендующими на занятие такой должности и, соответственно, выполняющих трудовые функции по данной должности.

К числу законодательных актов, которые, с нашей точки зрения, нуждаются в скорейшем кардинальном пересмотре, мы относим Закон Республики Казахстан от 30.06.1992 г. «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье» [16].

Данный законодательный акт сегодня вызывает ряд вопросов, начиная с его технического оформления. Закон состоит из 24 статей, основной блок тематического построения ориентирован на правоотношения в части социальной защиты граждан, пострадавших от данного бедствия, который представлен главой третьей, статьями 11-21. При этом статьи 20 и 21 регулируют не сами льготы, а основания для их изменения и прекращения, а также распространение данного закона на граждан других государств, пострадавших от данного

экологического бедствия. Таким образом, сами льготы регламентированы девятью статьями. Постатейный анализ показывает следующее:

Статья 11 устанавливает, что Правительство и местные исполнительные органы приоритетно обеспечивают население этих зон чистыми продуктами питания и качественной питьевой водой. Закономерно возникает вопрос о том, может ли население, проживающее в других местах, обеспечиваться не качественными продуктами питания и не качественной питьевой водой.

Статья 12 определяет систему организации медицинского обслуживания, финансирования и материального снабжения здравоохранения. Среди прописанных гарантий поименовано предоставление медико-санитарной и медико-социальной помощи во всех клиниках, медицинских центрах республики и других медицинских учреждениях по направлениям соответствующих органов здравоохранения. Такие и ряд других целевых гарантий сегодня предусмотрены законодательством об обязательном социальном медицинском страховании [17] и никоим образом не могут быть представлены в формате социальных льгот.

Статья 13 указывает, что гражданам таких зон, вышедшим на пенсию до 1 января 1998 года, пенсия назначается с учетом применения коэффициента за проживание в соответствующих неблагоприятных зонах. С момента проведения в Казахстане пенсионной реформы, т.е. с 1998 года и переходом на накопительную модель пенсионирования, прошло

двадцать четыре года. За этот период в пенсионное законодательство страны были внесены значительные изменения и дополнения, пересмотрены принципиальные позиции системы пенсионного обеспечения, однако они не повлияли никоим образом на льготы в части пенсионного обеспечения граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье, кроме того, представленная гарантия никоим образом не может быть охарактеризована как социальная льгота, поскольку именно таким образом сегодня представлен порядок исчисления пенсионных выплат по возрасту. Следует обратить внимание и на то, что прописанное законодательное уложение касается исключительно лиц, вышедших на пенсию до 1 января 1998 года.

Статья 14, устанавливающая льготы в области охраны материнства и детства была упразднена с первого апреля 1999 года.

В статьях 15-19 исключены практически почти все льготы. Текст действующего закона, содержащий статьи, не подкрепленные элементарным текстом ввиду его исключения, не несет никакой правовой нагрузки и является, как мы полагаем, дискредитационным фактором всей законодательной системы.

Таким образом, постатейный анализ Закона Республики Казахстан «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье» сегодня не отвечает поставленным целям и задачам, поскольку фактически отменяет все направления социальной защиты, за небольшим исключением.

Серьезная правовая ошибка содержится и в ст. 21 данного законодательного акта. Так, правовая норма называется «Распространение действия настоящего Закона на граждан других государств, пострадавших вследствие экологического бедствия в казахстанской части Приаралья», однако текст статьи регламентирует правовой статус совершенно иных субъектов, определяя, что граждане, проживающие за пределами Республики Казахстан и пострадавшие в результате экологической катастрофы или экологического кризиса в казахстанской части Приаралья, пользуются всеми льготами, предусмотренными настоящим Законом...». если абстрагироваться от того, что на сегодняшний день почти все льготы отменены и остановиться исключительно на субъектном составе, то видно, что в названии статьи говорится о статусе граждан других государств, то есть иностранцев, которые могут проживать как на территории Казахстана, так и за его пределами, а непосредственно в тексте статьи указываются иные субъекты - граждане, проживающие за пределами Республики Казахстан, то есть не только иностранцы, но и граждане нашей страны.

Серьезные правовые просчеты сегодня представлены не только в рамках национального законодательства, но и норм международного права. Так, все договоры и соглашения в области сотрудничества в части трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов, ратифицированные Республикой Казахстан и в соответствии со ст. 4 Конституции страны, имеющие

приоритет перед законами, устанавливают, что на трудящихся-мигрантов в полном объеме распространяются положения в области социального страхования и социального обеспечения, кроме пенсионного. Пенсионное обеспечение отнесено к формату правовой регламентации страны их фактического проживания, за исключением государств - участников ЕАЭС, заключивших отдельное Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств - членов Евразийского экономического союза. Однако Казахстан отменил пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца, а также почти все льготные пенсии, в том числе по Списку № 1 и № 2, переориентировав их в формат пособий. По этой причине, в случае получения инвалидности трудящимся мигрантам Республика Казахстан должна назначать государственное социальное пособие по инвалидности, и одновременно с этим, страна его фактического проживания должна назначать им соответствующий вид пенсии. Это касается и иных выплат, поскольку Республика Казахстан сегодня является единственным государством СНГ, изменившим видовой классификатор социально-обеспечительных выплат.

Выводы

23 июня 2021 года Указом

Президента Республики Казахстан была утверждена Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан на 2021-2025 годы [18]. Одно из главных ее положений касается целевых показателей защищенности граждан, снижения рисков социально-экономической сферы и благополучия населения. Данные задачи могут обеспечить лишь грамотное, продуктивное законодательство и международные обязательства, не влекущие риски для Республики Казахстан. Рассмотренные нами проблемы касаются вопросов определения и упразднения таких рисков, их минимизацию. Нами было рассмотрено лишь незначительное количество правового материала, однако даже этот минимум показывает наличие серьезной казуистики и проблем в области регламентации социально-трудовых правоотношений, оказывающих непосредственное влияние на состояние национальной безопасности в стране и подтверждает необходимость проведения тщательного мониторинга казахстанского законодательства в социально-трудовой сфере.

В рамках научного проекта № АР14872048: Разработка мер по обеспечению национальной безопасности Республики Казахстан в законотворческой сфере.

Список литературы

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество. [Электрон. ресурс] – 2022. - URL: <https://dknews.kz/ru/politika/244666> (дата обращения: 16.12.2022 г.)
2. Политико-аналитическое исследование угроз национальной безопасности Республики Казахстан. ОФ «Центр социальных и политических исследований «Стратегия» [Электрон.ресурс] - 2022. - URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/component/search/> (дата обращения: 09.12.2022 г.)
3. Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 06.01.2012 года //Информационный правовой портал [Электрон. ресурс] - URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 12.12.2022)
4. Калдыбай К.К. Философские основы национальной безопасности в условиях Независимого Казахстана. Аннотация на дисс. доктора философии (Ph.D.) 6D020100 философия: [Электрон. ресурс] – 2020. -URL: <https://www.kaznu.kz/content/files/pages/folder/3157> (дата обращения: 13.12.2022 г.)
- Сергазин Е.Ф. Стратегия безопасности Республики Казахстан в контексте региональных угроз. Аннотация на дисс. доктора философии (Ph.D.) 6D050200 политология [Электрон. ресурс] – 2018. - URL: <https://www.enu.kz/downloads/materials> (дата обращения: 12.12.2022 г.)
- Байдалинова А.С. Продовольственная безопасность в системе экономической безопасности Казахстана: сущность, оценки и современные тенденции развития. Аннотация на дисс. доктора философии (Ph.D.) 6D050600 экономика: [Электрон. ресурс] – 2020. - URL: <https://repository.apa.kz/bitstream/handle/123456789/163> (дата обращения: 09.12.2022 г.)
5. Исаев С.А. Джеймс Мэдисон Политическая биография. – СПб.: Наука. - 2006. - 551 с.
6. Рузвельт Теодор Законы лидерства. - М.: Экспо. 2021-288 с.
7. Печатнов В. О. Уолтер Липпман и пути Америки. - М.: Международные отношения, 1994. - 336 с.
8. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Электрон. ресурс] – 2009. - URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 10.12.2022 г.)
9. Федорова Ю.Г. Соотношение понятий национальной, конституционной и государственной безопасности Российской Федерации [Электрон. ресурс]- 2003. - URL: <https://www.elibrary.ru/item> (дата обращения: 12.12.2022 г.)
10. Ирошников Д.В. О соотношении понятий «государственная» и «национальная» безопасность Российской Федерации [Электрон. ресурс] – 2009. - URL: <http://pravmisl.ru/index.php> (дата обращения: 09.12.2022 г.)
11. Владимиров Т.В. К вопросу соотношения национальной и государственной безопасности // Социодинамика. – 2016. – № 6. – С. 18 -28. [Электрон. ресурс] - 2016. - URL: https://nbpublish.com/library_read_article (дата обращения: 12.12.2022 г.)

12. Европейская Стратегия Безопасности, Безопасная Европа в лучшем мире. Совет Европейского Союза. – Люксембург.: Бюро официальных публикаций Европейских Сообществ, 2009 г., 48. с.

13. Закон Республики Казахстан от 13.12.2000 г. «О детских деревнях семейного типа и домах юности», Информационный правовой портал [Электрон. ресурс] - URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 12.12.2022 г.)

14. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 г. Информационный правовой портал [Электрон. ресурс] - URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 12.12.2022 г.)

15. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23.11.2015 г. Информационный правовой портал [Электрон. ресурс] - URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 12.12.2022 г.)

16. Закон Республики Казахстан от 30.06.1992 г. «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье» Информационный правовой портал [Электрон. ресурс] - URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 12.12.2022 г.)

17. Закон Республики Казахстан от 16.11.2015 г. «Об обязательном социальном медицинском страховании» Информационный правовой портал [Электрон. ресурс] - URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 12.12.2022 г.)

18. Стратегия национальной безопасности Республики Казахстан на 2021- 2025 годы. [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.inform.kz/ru/> (дата обращения: 12.12.2022 г.)

И. Межибовская

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Мемлекет және құқық институты, Алматы, Қазақстан

Қазақстан Республикасының мемлекеттік қауіпсіздігі координаттар жүйесіндегі әлеуметтік-еңбек құқықтық қатынастары

Андатпа. Мақалада еңбек құқығы мен әлеуметтік қамсыздандыру құқығының заңнамалық реттеушісі ұсынған мемлекеттік әлеуметтік саясатты іске асыру форматында Қазақстан Республикасының ұлттық қауіпсіздігін қамтамасыз етудің кейбір мәселелері талданады. Ол қауіпсіздік түсінігі, оның түрлері мен деңгейлері мәселелерін қарастырады.

Шет елдердегі ұлттық және мемлекеттік қауіпсіздік ұғымдарымен мазмұнына деген көзқарастардың айырмашылығы, жақын және алыс шетел мемлекеттерінің ғалымдары ұсынған мазмұны мен мағыналық түсіндірмелерінің айрықша белгілері талданады.

Аналитикалық зерттеуде әлеуметтік-экономикалық қауіпсіздіктің бастапқы негіздерін құрайтын, соның ішінде әлеуметтік қауіптен сын-қатерлерді тудыратын ұлттық құқықтық тетіктердің де, халықаралық құқық нормаларының да негізінде құрылады. Бүгінгі күні Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасының

нормаларымен ұсынылып отырған құқықтық инциденттер мәселелеріне олардың Қазақстандағы ұлттық қауіпсіздікке төнетін қатерлердің ықтимал болжамдары тұрғысында ерекше назар аударылады.

Автор құқықтық әлеуметті арттыру қағидаларына зерттеу құра отырып, құқықтық казуизм мысалында Қазақстан Республикасының әлеуметтік ұлттық қауіпсіздігін қалыптастыру үдерісіне құқықтың жекелеген нормаларының кері әсер ету аспектілерін ашады: «Балалар ауылдары мен жасөспірімдер үйлері туралы» заңның бабында ұсынылған бір құқықтық нормадан бүкіл заңнамалық актінің форматына – «Арал теңізіндегі экологиялық апат салдарынан зардап шеккен азаматтарды әлеуметтік қорғау туралы» заңға және Қазақстан Республикасы ратификациялаған, ел заңдары алдында басымдыққа ие халықаралық шарттарға еңбек мигранттарының мәртебесі.

Мақалада ұлттық құбылмалылық пен мемлекетаралық икемділікті, өзекті болжауды, қарапайым сауатсыздықты есепке алмай, құқықтық казуизмге, құқық бұзушылықтың мүмкін еместігіне әкелетін белгілі бір әлеуметтік-еңбек құқықтық қатынастарды құқықтық реттеуге арналған күрделі құқықтық процестердің өзара байланысты, өзара тәуелді жиынтығы талданады, құқықтық қондырғылардың нақты жұмыс істеуі және сайып келгенде, елдің қауіпсіздік жүйесінің элементтік құрамдас бөліктерінде көрінеді.

Түйін сөздер: ұлттық қауіпсіздік, зейнетақымен қамтамасыз ету, мигранттар, қамқоршы ана, әлеуметтік жәрдемақылар, еңбек шарты, гендерлік, халықаралық шарттар.

I. Mezhibovskaya

Institute of State and Law, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Social and labor legal relations in the coordinate system of the state security of the Republic of Kazakhstan

Abstract. The article analyzes some problems of ensuring the national security of the Republic of Kazakhstan in the format of the implementation of the state social policy presented by the legislative regulator of labor law and social security law. It examines the issues of the concept of security, its types and levels. The article analyzes the difference in approaches to the concepts and content of national and state security in foreign countries, the distinctive features of the content and semantic interpretations presented by scientists of the near and far abroad countries. The analytical study is based on both national legal levers and the norms of international law that constitute the basic foundations of socio-economic security, including those that create social threats and challenges. Special attention is paid to the issues of legal incidents presented today by the norms of the current legislation of the Republic of Kazakhstan in the context of their potential projections of threats to national security in Kazakhstan. The author reveals the aspects of the negative impact of certain norms of law on the process of formation of social national security of the Republic of Kazakhstan on the example of legal casuistry, building a study

on the principle of increasing legal potential: from one legal norm presented in the article of the law "On children's villages and youth homes" to the format of the entire legislative act - the law "On Social Protection of citizens affected by an environmental disaster in the Aral Sea region" and international treaties ratified by the Republic of Kazakhstan and having priority over the laws of the country, on the example of the status of migrant workers.

The article analyzes interrelated, interdependent sets of complex legal processes for the legal regulation of certain social and labor relations, which, without taking into account national variability and interstate flexibility, actuarial forecasting, elementary illiteracy, lead to legal casuistry, the impossibility of the real functioning of legal attitudes and, ultimately, affect the elementary components of the security system of countries.

Keywords: national security, pension provision, migrants, mother-educator, social benefits, employment contract, genderqueers, international treaties.

References

1. The message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan "A just state. One nation. A prosperous society. [Electron. resource] – 2022. - URL: <https://dknews.kz/ru/politika/244666> (accessed: 12.12.2022)

2. Political and analytical study of threats to the national security of the Republic of Kazakhstan. OF the "Center for Social and Political Studies "Strategy". [Electron. resource] – 2022. - URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/component/search/> (accessed: 09.12.2022).

3. The Law of the Republic of Kazakhstan "On National Security of the Republic of Kazakhstan" dated 06.01.2012 //Legal Information Portal [Electron. resource] - URL: <https://adilet.zan.kz> (accessed: 12.12.2022).

4. Kaldybai K.K. Philosophical foundations of national security in the conditions of Independent Kazakhstan. Abstract on diss. Doctor of Philosophy (Ph.D.) 6D020100 Philosophy: [Electron. resource] – 2020. -URL: <https://www.kaznu.kz/content/files/pages/folder/3157> (accessed: 13.12.2022).

Sergazin E.F. Security strategy of the Republic of Kazakhstan in the context of regional threats. Abstract on diss. Doctor of Philosophy (Ph.D.) 6D050200 Political Science [Electron. resource] – 2018. - URL: <https://www.enu.kz/downloads/materials> (accessed: 12.12.2022)

Baidalinova A.S. Food security in the economic security system of Kazakhstan: essence, assessments and current development trends. Abstract on diss. Doctor of Philosophy (Ph.D.) 6D050600 Economics: [Electron. resource] – 2020. - URL: <https://repository.apa.kz/bitstream/handle/123456789/163> (accessed: 09.12.2022)

5. Isaev S.A. James Madison Political biography. – St. Petersburg: Nauka. - 2006. - 551 p.

6. Roosevelt Theodore The Laws of leadership. - M.: Expo. 2021-288 p.

7. Printnov V. O. Walter Lippman and the ways of America. - M.: International

Relations, 1994. - 336 p.

8. Decree of the President of the Russian Federation "On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020" [Electron. resource] – 2009. - URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> (accessed: 10.12.2022)

9. Fedorova Yu.G. Correlation of the concepts of national, constitutional and state security of the Russian Federation [Electron. resource]- 2003. - URL: <https://www.elibrary.ru/item> (accessed: 12.12.2022)

10. Iroshnikov D.V. On the correlation of the concepts of "state" and "national" security of the Russian Federation [Electron. resource] – 2009. - URL: <http://pravmisl.ru/index.php> (accessed: 09.12.2022)

11. Vladimirov T.V. On the issue of the correlation of national and state security // Sociodynamics. – 2016. – No. 6. – p. 18 -28. [Electron. resource] - 2016. - URL: https://nbpublish.com/library_read_article (accessed: 12.12.2022)

12. European Security Strategy, A Safe Europe in a better world. The Council of the European Union. – Luxembourg.: Bureau of Official Publications of the European Communities, 2009, 48. p.

13. Law of the Republic of Kazakhstan dated 13.12.2000 "On family-type children's villages and youth homes", Legal Information Portal [Electron. resource] - URL: <https://adilet.zan.kz> (accessed: 12.12.2022)

14. Constitution of the Republic of Kazakhstan dated 30.08.1995. Legal Information Portal [Electron. resource] - URL: <https://adilet.zan.kz> (accessed: 12.12.2022)

15. The Labor Code of the Republic of Kazakhstan from Kazakhstan dated 23.11.2015.

Legal Information Portal [Electron. resource]-URL: <https://adilet.zan.kz> (accessed: 12.12.2022)

16. The Law of the Republic of Kazakhstan dated 30.06.1992. "On social protection of citizens affected by an environmental disaster in the Aral Sea region" Information Legal Portal [Electron. resource] -URL: <https://adilet.zan.kz> (accessed: 12.12.2022)

17. The Law of the Republic of Kazakhstan dated 16.11.2015 "On compulsory social health insurance" Legal Information Portal [Electron. resource]-URL: <https://adilet.zan.kz> (accessed: 12.12.2022)

18. National Security Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2021-2025. [Electron. resource]- <https://www.inform.kz/ru/> (accessed: 12.12.2022)

Сведения об авторе:

Межибовская И. - кандидат юридических наук, академик Международной Академии Информатизации, ведущий научный сотрудник Института государства и права КазНУ им. аль-Фараби, пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан.

Mezhibovskaya I. - Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher of the Institute of State and Law, Al-Farabi Kazakh National University, Academician of the International Academy of Informatization, 71 Al-Farabi ave., Almaty, Kazakhstan.

Е.Н. Нурғалиева

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
(E-mail: e.nurgalieva47@gmail.com)*

Фармацевтердің еңбегін құқықтық реттеудің кейбір мәселелері

Аңдатпа. Мақалада еңбек құқығының арнайы субъектісі - фармацевтердің еңбектік құқықтық статусы туралы жазылған. Қазақстанда осы категориядағы қызметшілердің еңбегіне қатысты ғылыми жұмыстардың жоқтың қасы екендігін, олардың құқықтары мен міндеттеріне, қызметтік нұсқауларына, жалақыларына және ынталандыру төлемдеріне, әсіресе осылар туралы Қазақстан Республикасының «Халықтың денсаулығы және денсаулық жүйесі туралы» Кодексінде көп олқылықтар мен жетіспеушіліктер бар екендігін еске ұстай отырып, көңіл бөлінді. Фармацевтердің құқықтары мен міндеттерінің көпшілігі медицина қызметкерлерінің құқықтары мен міндеттерімен араласып кеткендігінен, олардың ерекшелігін бөліп алу қиынға соғады. Оған қоса, фармацевтердің жалақысы өте төмен болғандықтан, автор оны жұмыс берушінің актілерімен белгіленген ынталандыру төлемдерімен көтеруге болатынын негіздеген. Қазіргі таңда фармацевтикалық кәсіпорындарда, аптекаларда сыйақы және басқа да ынталандыру төлемдері туралы ережелердің қабылданбағанын, ұжымдық шарттарда фармацевтерге емес, басқа медициналық қызметкерлерге қатысты еңбек жағдайларын жасауға, жалақыларын көбейтуге баса назар аударуын есепке ала отырып, фармацевтердің еңбегін, өмірі мен денсаулығын сақтау үшін көптеген шаралар қабылдануы керектігі айтылған. Оған қоса, ақырғы кезде фармацевтердің еңбек ету көлемі ұлғайып келеді, өйткені олар пациенттерге тауарларды тек қана сатып қоймай, олардың адам ағзасына қалай әсер ететіндігі, дәрігерлердің рецептпен берген дәрілерінің сипатын, рецептурасыз босатылатын дәрілердің қажеттілігін айтады. Яғни, дәрілермен жұмыс жасаған кезде (кейде провизорларға дәрі жасауға көмектеседі), өз денсаулықтарына зиян келуін біле тұра, уланулары мүмкін.

Сондықтан, көп зерттеушілер олардың еңбегін зиянды, шиеленіс, ауыр жұмыстар қатарына жатқызады. Фармацевтердің еңбек құқығы мен міндеттерін құқықтық реттеуде кейбір баптарға қосымша толықтырулар берілді.

Түйін сөздер: фармацевтер, қызметтік нұсқаулар, құқықтары мен міндеттері, құқықтық қорғаудың қосымша шаралары.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-192-201>

Кіріспе

Денсаулық сақтау аясында қызметкерлер туралы ғылыми жұмыстарға, әсіресе олардың қызметін реттеуге арналған әдебиеттерге көз жүгіртсек, еңбек құқығында арнайы жазылған бірнеше ғана мақалалар бар, монографиялар жоқтың қасы. Ғылыми мақалалардың басымы ресей авторларымен жазылған. Атап айтсақ, Трофимова Е.О. - Фармацевтердің маман ретінде өзіндік жекешеленуінің мәселелеріне арналған; Внукова В.А. - Медициналық және фармацевтикалық қызметкерлердің құқықтық статусы; Солонина А.В., Шахина С.Г. - Орта фармацевтика білімі бар мамандардың жұмыс орны мен атқарған лауазымы туралы мақалалары (2013-2015 жылдары жазылған). 2017 жылдан бастап, біршама жаңа мақалалар шыға бастады, оның ішінде: Балакирева К.В.- Медициналық және фармацевтикалық қоғамдардың қарым-қатынасы: шектеулер және жауапкершілік; Шевченко О.А.- Фармацевтика және басқа да фармацевтикалық қызмет саласындағы қызметшілердің еңбегін реттеу ерекшеліктері және т.б. бірнеше авторлардың мақалаларын айтуға болады. Қазақстандық авторларға келсек, олардың мақалалары жалпы фармацевтикаға: өндіріс, дәрілік заттар

мен медициналық бұйымдарды шығару, сату, басқа елдерге шығару, фармацевтикаға кадрлар даярлауға арналған. Ал, олардың еңбек саласындағы құқықтық статусы (жалпы және арнайы) ешқандай ғылыми жұмыста зерттелген жоқ. Сондықтан, бұл қызметшілердің еңбегінің зор екенін ескере отырып, бірнеше ойларды ортаға салуды жөн көрдік.

Зерттеу әдістері

Мақала жазу барысында диалектикалық, сондай-ақ жалпы және арнайы ғылыми тәсілдерге сүйендік. Фармацевтердің еңбек саласындағы жалпы және арнайы құқығының ішкі сипатын әдеби қосымша мақалаларды, күшіндегі заңдарды сараптай келе, анықтадық. Жалпы ғылымдық тәсілдер (анализ, синтез, индукция мен дедукция) автордың қомақты пікірлерін негіздеуге арқау болып, жаңа нормативтік құқықтық актілердің мазмұнын ашуға ықпал жасады.

Талқылау

Фармацевт қызметкері- фармацевтикалық білімі бар және фармацевтикалық қызметті жүзеге асырушы заңды тұлға. Фармацевтерді еңбек құқығының арнайы субъектісіне

жатқызамыз, өйткені олардың қызметінің ерекшелігі мамандығының сипаттамасымен байланысты. Фармацевтер мен дәрілік айналымға қатысатын басқа да субъектілердің құқықтық статусының құрамы мыналардан тұрады:

- жасалған еңбек шартына негізделген жалпы статус, яғни еңбек заңдарында көрсетілген жалпы құқықтар мен міндеттер, жауапкершіліктер жинағы (бұлар басқа да еңбек нормалары бар нормативтік құқықтық актілерде болуы мүмкін);

- қызметіне не (немесе) мамандығына, білім деңгейіне, квалификациясына қарай, арнайы статус.

Олардың қызметтік нұсқаулары мынадан тұрады:

- денсаулық жүйесіндегі басқа қызметкерлерден дәрілік заттарға рецепт алу, пациенттердің ауру тарихын қарау және берерден бұрын дәрілерді тексеріп, керек мөлшері мен қабылдау әдісін көрсету;

- рецепт бойынша сұйық дәрілерді, жағатын майлар мен ұнтақтарды, таблеткаларды дайындау және қадағалау (айта кету керек, дәрілерді фармацевтер емес, жоғарғы білімі бар провизорлар даярлайды);

- дәрігерлерге, олардың айтқан дәрілері бойынша керекті ақпарат беру; тұтынушыларға дәрілік заттардың бір-бірімен қабысуы (не қабыспауы), және денсаулыққа әсері туралы ақпарат беру, түсіндіру;

- рецепттерді сақтау; есірткі заттарды босату бойынша жазу кітапшасын жүргізу; заңды және мамандығына сәйкес талаптарды әрбір препараттарға қою, олардың тиімділігі туралы пациенттерге ақпарат беру;

- рецептсіз берілетін дәрілік заттар туралы клиенттерге дұрыс түсініктеме беру; денсаулықты түзетуге арналған терапевтикалық құжаттардың мазмұнын жіктеп түсіндіру;

- дәрілердің этикеткаларының, сыртқы орамаларының бұзылмауын қадағалау;

- кейбір дәрілердің қай уақытта денсаулыққа зиянды болуын қадағалау, ақпарат дайындау және т.б.

Фармацевтикалық қызмет дегеніміз дәрілік заттар мен медициналық бұйымдарды өндіру және (немесе) дайындау және (немесе) көтерме және (немесе) бөлшек саудада өткізу бойынша денсаулық сақтау саласында жүзеге асырылатын, дәрілік заттар мен медициналық бұйымдарды сатып алумен (иеленумен), сақтаумен, әкелумен, әкетумен тасымалдаумен, сапасын бақылаумен, ресімдеумен, бөлумен, пайдаланумен және жоюмен, сондай-ақ олардың қауіпсіздігін, сапасы мен тиімділігін қамтамасыз етумен байланысты қызмет (Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы ҚР заңының 1-ші бабы, 1-ші тармағының 275-ші тармақшасы) [1]. Бұл айқындаманы негізге ала отырып қарасақ, фармацевтикалық қызметтің төрт түрі болады, олар: бірінші- дәрілік заттар мен медициналық бұйымдарды өндіру; екінші- дәрілік заттар мен медициналық бұйымдарды дайындау; үшінші- дәрілік заттар мен медициналық бұйымдарды көтерме саудалау; төртінші- дәрілік заттар мен медициналық бұйымдарды бөлшек саудалау. Біздің ойымызша, егер фармацевтикалық қызметтің қысқаша түсінігін берсек, ол мынадай болуы керек: фармацевтикалық қызмет- дәрілік заттар мен медициналық бұйымдарды

өндіру, дайындау, көтерме және бөлшек түрде саудалау.

Фармацевтер мен провизорлар дәрілік заттар мен медициналық бұйымдарды өндіруге ғана емес, дайындауға және саудалауға қатысады. Көрсетілген заттар мен бұйымдарды өндіру сериялық шығу үшін қажет және заңда белгіленген тәртіппен жүргізіледі.

Ал, дәрілік препараттар мен медициналық бұйымдар дайындауды, уәкілетті орган белгілейтін тәртіппен, осы көрсетілген заттар мен бұйымдарды дайындауға лицензиясы бар субъектілер жасайды.

Қазірге таңда Қазақстанда фармацевтикалық нарықта 88 отандық өндіруші жұмыс жасайды, оның ішінде 32 кәсіпорын дәрілік заттар жасап өндіреді. 2022 жылдың І-ші жарты жылдығында фармацевтика саласы 4,9%-ке өсті. Шығарылған өнім тек қана Қазақстанның қажеттігіне емес, басқа да елдерге жіберіледі: 40,6%-Ресей Федерациясына, 15% -Қырғыз Республикасына. Ақырғы жылдары біршама дәрілік заттар мен медициналық бұйымдар Өзбекстанға да жіберіле бастады. Сонымен қатар, көрсетілген заттардың 385 түрі әлі де болса басқа мемлекеттерден жеткізіледі [2].

Ал, фармацевтер мен провизорларға келсек, олардың қызметі өте маңызды, өйткені дәрілік заттар мен медициналық бұйымдардың қорын солар жасайды, дәрілік заттардың күшінде болуын қамтамасыз етеді, ең бастысы- пациенттерге, дәрігерлік рецептер бойынша, қабылдау әдістерін түсіндіріп, теріс әсеріне көңіл бөліп, тікелей көмек көрсетеді. Тәжірибесі мол фармацевтер провизорларға дәрілердің сұйық түрін жедел түрде жасап

шығаруға да көмектерін көрсетеді. Сондықтан, фармацевтерге тек қана дәрілік заттар мен медициналық бұйымдарды сатушы ретінде қарамай, оларды медициналық қызметкерлерден кем емес, керісінше көмекші, білікті мамандар деп санау қажет.

Нәтижелер

Жоғарыда атап өткендей, провизор мен фармацевттің білімдерінің деңгейі бөлек: провизордың білімі жоғарғы білім болса, фармацевттің білімі орта мамандандырылған білім. Провизор өз бетімен дәрілік заттарды жасай алады, медикаменттерді ғылыми тұрғыда зерттеуге қатысады, оларды тіркеуден өткізіп, дәрігерлерге түсініктеме береді. Ал фармацевт болса, оның қызметі аптеканың күнделікті тіршілігімен байланысты: келген тауарларды қабылдап, орындарына жайғастырады; дәрілік заттардың күшінде болу мерзімін тексеріп, оларды дұрыс сақтауды қадағалайды, аптека жоспарын орындау құжаттарын толтырады. Клиникалық және клиникалық емес дәрілік заттарды тексеруге фармацевт-клиницист қатысады.

Ақырғы кезде фармацевттің медициналық көмек берудегі рөлі өсіп келеді, өйткені дәрігер, пациент арасында фармацевтер тек қана дәрілік заттар туралы ақпарат беріп қоймай, басқа да көп жұмыстарды орындайды. Әсіресе оның рөлі дәрілік заттарды тиімді пайдалануда, салауатты өмір сүруге көмек және т.б. пайдалы қызметтерден көрінеді. Рецептурасыз дәрі-дәрмектердің де көбейіп келе жатқандығы, олардың адам ағзасында қандай әсері бар екендігін білу үшін, өз білімдерін көтеріп отыруға

фармацевтерді ынталандырады. Қысқаша айтқанда, клиникалық фармацияның дамуына көп көңіл бөлу керектігін көрсетеді [3]. Бұған дәлел болып, басқа дамыған елдердің дәрілік заттар айналымындағы субъектілердің жаңа функциялары табылады. Бұл елдерде фармацевтер мен провизорлар тек қана аптекалардан дәрілер мен медициналық бұйымдарды сатумен шектелмей, медициналық көмек көрсетумен айналысуында. Атап айтқанда: пациенттердің артериялық қысымын тексеру, қан құрамындағы глюкоза мен холестеринді зерттеу, тұмауға қарсы вакциналар жасау және т.б. Covid-19бен байланысты жұмыстар да оларға көптеп жүктеле басталды, яғни ПЦР-тест жасау, ауруларды емдеу процесін үйде немесе стационарда бақылау, Covid-ке қарсы вакциналар егу және т.б. Кейбір елдерде тіпті косметикалық көмектерді беруден де көрініп жүр. Мысалы, Швеция мен Канадада фармацевттер пациенттердің үйіне олардың емделу барысын қадағалау үшін барады. Ұлыбританияда аурухананың фармацевті дәрігермен бірге аурулардың емделуін қадағалау үшін аурухана палаталарына барады. Ұлыбритания, АҚШ, Франция фармацевтері дәрілік заттарға рецепт жазуға құқылы [4].

Қазақстан халқына аптека қызметкерлерінің көрсету қызметін стандарттау-тиісті аптекалық тәжірибе бойынша жүргізу фармацевтикалық қызметті жоғары деңгейде көрсету болып саналады, сондықтан Денсаулық сақтау министрінің 2021 жылы 4-ші ақпанда қабылдаған №ҚРДСМ-15 «Тиісті тәжірибелік фармацевтиканы қалыптастыру» [5] - атты бұйрығы дер кезінде шықты деуге болады. Бұл

бұйрық Халықаралық фармацевтика федерациясының Нұсқауларына сай жасалған, сондықтан халықаралық стандарттарға сай аптекалық қызмет көрсетуге Қазақстанда мүмкіншіліктер бар екендігін де көрсетеді. Ең бастысы, бұрынғыдай аптекалардың тауар айналымына ғана қарай емес, пациенттерге қандай дәрілік (әсіресе, рецептурасыз) көмек көрсетілгендігіне басты назар аударылады. Зерттеулерге сүйенсек, фармацевтикалық көмек пациенттердің пайдаланатын дәрілер мөлшерін азайтады, олардың жанама теріс әдістерін бәсеңдетеді және пациенттердің фармацевтерге деген көзқарасын өзгертеді. Ал, осы мамандардың алатын жалақысына келсек, ол өте аз, өйткені статистикалық көрсеткіштер мынадай: 2023 жылы мына диапозонда – 81 000 теңгеден 162 301 теңгеге дейін. Салыстыра келсек, мысалы АҚШ-та жұмысты жаңа бастап жатқан фармацевт айына 4,5 мың АҚШ долларын алады. Ресей Федерациясында 15 мың рублден 65 мың рублге дейін, орташа - 40 мың рубль [6]. Ынталандыру, әсіресе материалды түрде фармацевтерге берілетін сыйақылар мыналардан тұрады: аптекалық тауар айналымының көрсеткіштері, аптекалық сұраныстағы тауарлардың сатылуы, персоналды басқару, жоспарды орындау және т.б. көрсеткіштерден.

Қазақстанда фармацевтердің айлығын, сыйақыларды қоса берумен, көтеруге болады. Өкінішке орай, сыйақылар туралы ережелер көп аптекаларда қабылданбаған. Сыйақықшалай түрде ынталандыруға арналған, жұмыстағы жетістіктеріне, нәтижесіне қарай берілетін төлем. Ол туралы Қазақстан Республикасының Еңбек Кодексінде былай деп айтылған:

«Жұмыс беруші жұмыскерлердің өндіріс тиімділігі мен орындалатын жұмыстардың сапасын жоғарылауға мүдделілігін арттыруды күшейту үшін ұжымдық шарт талаптарында және (немесе) жұмыс берушінің актілерінде айтылған сыйлықақы беру жүйелерін және еңбекті ынталандырудан басқа да нысандарын енгізе алады» (107 бап, 3-ші тармақ). Яғни, аптека қызметшілерін ынталандыру үшін жұмыс беруші өз еркімен, өзінің актісімен сыйақы бере алады (аптекаларда ұжымдық шарттар жасалмаған). Қазіргі таңда аптекалардың табысының өсуі, ондағы жұмыс жасап жатқан фармацевтер мен провизорлардың сатып отырған дәрілік заттарының тиімділігі туралы пациенттерге кеңес беруімен тікелей байланысты. Әсіресе, көп жағдайда «бірінші столдағы фармацевт» деген атаққа ие жұмыскердің маңызы өте зор, өйткені ол пациенттермен қарым-қатынасқа басқалардан бұрын түсіп, олардың денсаулығына, ауруына керекті дәрілік заттарды тез арада тауып, көмек көрсетеді. Ол үшін, бұл қызметкер аптекадағы бар тауарлар ассортиментін, олардың қандай ауларға керектігін жатқа білуі керек, яғни жоғары профессионалды, білікті фармацевт болуы қажет.

Антонова А.А. және т.б. авторлар бірнеше ресей аптекаларында социологиялық зерттеулер жасап, мынадай қорытындыға келді:

- фармацевтің жұмысы өте шиеленіс жұмыс түріне жатады, өйткені жұмыс барысында зиянды, денсаулыққа кері әсерін тигізетін, зерттеумен тікелей байланысты болады. Сондықтан, аптекадағы қызметшілердің денсаулығын сақтау, не қайта қалпына келтіру үшін алдын-ала түрлі

жұмыстарды жоспарлап, жүзеге асыру керектігін айтады [7].

Қазақстанда, дәріхана қызметшілерінің жұмысы зиянды жұмыстар тізіміне енеді, оларға қысқартылған жұмыс кестесі қолданылмайды, бірақ жылдық ақылы демалысқа 12 күнге дейін қосымша демалыс берілетіндігі нормативтік құқықтық актіде (Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау және әлеуметтік даму министрінің 2015 жылғы 28 желтоқсандағы № 1053 бұйрығы) [8] көрсетілген.

Қорытынды

Жоғарыда айтылған кейбір мәселелерді заңдастыру үшін 2020 жыл 7 маусымда №360-VI қабылданған Қазақстан Республикасының «Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі» Кодексінің [1] 270-ші бабын фармацевтерге қосымша мына құқықтармен толықтыру қажет:

- өз мамандығының ар-намысын сақтау;
- квалификациясына, өз жұмысының күрделілігіне, сапасы мен көлеміне, ақырғы нәтижесіне қарай, ынталандыруына;
- өз өміріне және денсаулығына жұмыс барысында зиян келтірілсе, өндіріп алуына;
- пациенттердің өмірі мен денсаулығына зиян келтіру бойынша мамандандырылған жауапкершілікті сақтандыруына;
- еңбек заңдарына сәйкес, басқа жұмысты өз жұмысымен қатар атқаруға және т.б.

Мынадай міндеттерді, аталған Кодекстің 271 бабына қосымша жазу керек, яғни:

- халыққа дәрілік және

медициналық бұйымдар туралы дұрыс ақпарат беру;

- алдымен қымбат дәрілерді ұсынбай, арзан аналогтарын көрсетіп, түсіндіру, ақпарат беру;

- халыққа тарату мақсатында фармацевтикалық компаниялар, олардың өкілдерінен дәрілік заттар мен медициналық бұйымдардың үлгісін алмау;

- фармацевтикалық компаниялармен халыққа белгілі дәрілер мен медициналық бұйымдарды сату мақсатында келісімдерге отырмау;

- фармацевтикалық компаниялардан ақшалай, заттай сыйлықтар, оның ішінде демалысқа барып-қайту үшін төлемдер алмау және т.б.

Аталған Кодексте фармацевтердің арнайы құқық статусы толығымен ашылмаған, көп олқылықтардан тұрады, сондықтан келешекте мына жеке заң жобасын: «Медициналық және фармацевтикалық қызметкерлердің статусы» жазып, қабылдау қажет екендігін де айтамыз. Бүгінгі таңда, бұдан да басқа атқарылатын жұмыстарға көз жүгіртсек, олар мынадай:

- фармацевтердің жалақысын көбейту;

- аптекаларда сыйақылар және басқа ынталандырулар туралы ережелер қабылдап, бекіту;

- фармацевтердің жұмысын жақсартуға кәсіподақтарды жұмылдыру (олар көбінесе медицина қызметкерлерінің еңбегін қорғаумен айналысып жүр);

- бірнеше аптекалардың қызметкерлерін біріктіріп, ұжымдық шарттар қабылдау;

- зиянды еңбектері үшін аптекаларға қосымша төлемдерді белгілеу;

- Қазақстан деңгейінде жүйелі түрде фармацевтердің санын (білімімен қоса) есептеу, қанша маман жетіспейтіндігін анықтау;

- көрсетілген дамыған елдердің тәжірибесін зерттеп, біздің елге олардың тиімділігін қолданысқа енгізу (мысалы, гриппке қарсы вакцинация жасауды аптекадағы фармацевтерге жүктеу);

- фармацевтер мен провизорлардың еңбегінің зиянды, денсаулыққа кері әсер ететінін ескеріп, алдын ала денсаулықты сақтау бағдарламаларын дайындау;

- ресептісіз дәрілерді бастау туралы, осыған байланысты ақпарат беру әдістері бойынша қосымша білімдерін арттыру.

Осы көрсетілген және басқа да шаралар фармацевтер мен провизорлардың арнайы статусын көтеруге көп ықпал етуіне кәміл сенуге болады.

Әдебиеттер тізімі

1. «Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі» туралы Қазақстан Республикасының 2020 жылғы 7 шілдедегі № 360-VI ҚРЗ Кодексі. [Электронды ресурc] – <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2000000360> (қаралған күні: 20.02.2023)

2. Мурат А. Долю отечественного производства на фармрынке доведут до 50%. [Электронды ресурc] – 2022. – URL: https://www.inform.kz/ru/dolyu-otechestvennogo-proizvodstva-na-farmrynke-dovedut-do-50-minzdrav_a3977780 (қаралған күні: 20.02.2023).

3. Эльяшевич Е.Г. Новые функции провизора на современном этапе // Вестник ВГМУ. - 2015. - Том 14. - №1.

4. В. Забалотских. В США аптечная сеть бесплатно выдает рецептурные препараты людям без медстраховки. [Электронды ресурс] – 2020. – / <https://pharmvestnik.ru/content/news/V-SShA-aptechnaya-set-s-besplatnymi-lekarstvami-vynujdena-narashivat-svoe-prisutstvie.html> (қаралған күні: 20.02.2023).

5. «Тиісті фармацевтикалық практикаларды бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау министрінің м.а. 2021 жылғы 4 ақпандағы № ҚР ДСМ-15 бұйрығы. [Электронды ресурс] – <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2100022167> (қаралған күні: 20.02.2023)

6. Калинина А. Зарплата фармацевта в аптеке. / <https://visasam.ru/russia/rabotavrf/zarplata-farmacevta.html> (қаралған күні: 20.02.2023).

7. Антонова А.А., Яманова Г.А. Оценка условий труда фармацевтических работников // Международный научно-исследовательский журнал. 2022 - № 4 (118). С.29-31. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.118.4.075>

8. «Ауыр жұмыстардың, еңбек жағдайлары зиянды және (немесе) қауіпті жұмыстардың тізбесін, жұмыс істеу жұмыс уақытының қысқартылған ұзақтығына, жыл сайынғы ақы төленетін қосымша еңбек демалысына және еңбекке ақы төлеудің жоғарылатылған мөлшеріне құқық беретін өндірістердің, цехтардың, кәсіптер мен лауазымдардың тізімін, сондай-ақ оларды беру қағидаларын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау және әлеуметтік даму министрінің 2015 жылғы 28 желтоқсандағы № 1053 бұйрығы [Электронды ресурс] https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34309319&doc_id2=35299780 (қаралған күні: 20.02.2023)

Е.Н. Нурғалиева

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Некоторые проблемы правового регулирования труда фармацевтов

Аннотация. В статье раскрывается ряд проблем, связанных с трудовым статусом особых субъектов трудового права-фармацевтов. В Казахстане практически нет научных исследований, связанных с трудом этой категорий работников, поэтому особое внимание уделено их правам и обязанностям, должностным инструкциям, оплате труда и стимулирующим выплатам, устанавливаемым актами работодателя. В настоящее время в фармацевтических организациях фактически нет положений о премировании и других стимулирующих надбавках и доплатах; в коллективных договорах работников здравоохранения основной акцент делается только на условиях труда и заработных платах медицинских работников. Учитывая все возрастающий объем работы фармацевтов, связанный с консультированием пациентов о свойствах предлагаемых врачами лекарственных средств и медицинских изделий, безрецептурных товаров аптек, они непосредственно контактируют с лекарственными средствами, помогают провизорам изготавливать лекарственные

средства, в связи с чем работа фармацевтов является напряженной и вредной, что объективно требует выработки дополнительных мер защиты их жизни и здоровья. Предложены меры по дополнительному правовому регулированию прав и обязанностей фармацевтов с учетом современных реалий.

Ключевые слова: фармацевты, должностные инструкции, права и обязанности, дополнительные меры правовой защиты.

Y.N. Nurgalieva

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Some problems with legal regulation of the work of pharmaceutical workers

Abstract. The article reveals a number of problems related to the labor status of special subjects of the labor law of pharmacists. In Kazakhstan, there are practically no scientific studies related to the labor of this category of workers, therefore, special attention is paid to their rights and obligations, job descriptions, remuneration, and incentive payments established by the employer's acts. Currently, in pharmaceutical organizations, there are actually no provisions for bonuses and other incentive allowances and additional payments; in the collective agreements of healthcare workers, the main focus is only on the working conditions and salaries of health workers. Given the ever-increasing volume of work of pharmacists associated with advising patients about the properties of medicines and medical devices offered by doctors, and over-the-counter pharmacy products, they are in direct contact with medicines, help pharmacists to manufacture medicines, and therefore the work of pharmacists is stressful and harmful, which objectively requires the development of additional measures to protect their lives and health. The author proposes measures for the additional legal regulation of the rights and obligations of pharmacists, considering modern realities.

Keywords: pharmacists, job descriptions, rights and obligations, additional legal protections.

References

1 . «Halyk densaulygy zhane densaulyk saktau zhyjesi» turaly Kazakstan Respublikasynyn 2020 zhylgy 7 shildedegi № 360-VI KRZ Kodeksi. [Electronic resource] - Available at: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2000000360> (Accessed: 20.02.2023).

2 . Murat A. Dolyu otechestvennogo proizvodstva na farmrynke dovedut do 50%. [Electronic resource] - Available at: https://www.inform.kz/ru/dolyu-otechestvennogo-proizvodstva-na-farmrynke-dovedut-do-50-minzdrav_a3977780 (Accessed: 20.02.2023).

3 . El'yashevich E.G. Novye funkcii provizora na sovremennom etape // Vestnik VGMU, 2015. - Tom 14. - №1.

4 . V. Zabalotskih. V SSHA aptechnaya set' besplatno vydaet recepturnye preparaty lyudyam bez medstrahovki. [Electronic resource] -

Available at: <https://pharmvestnik.ru/content/news/V-SShA-aptechnaya-set-s-besplatnymi-lekarstvami-vynujdena-narashivat-svoe-prisutstvie.html> (Accessed: 20.02.2023).

5 . « Tiisti farmaceutikalyk praktikalardy bekitu turaly» Kazakstan Respublikasy Densaulyk saktau ministrinin. 2021 zhylygy 4 akpandagy № QR DSM-15 byjrygy. [Electronic resource] - Available at: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2100022167> (Accessed: 20.02.2023).

6 . Kalinina A. Zarplata farmacevta v apteke. [Electronic resource] - Available at: <https://visasam.ru/russia/rabotavrf/zarplata-farmacevta.html> (Accessed: 20.02.2023).

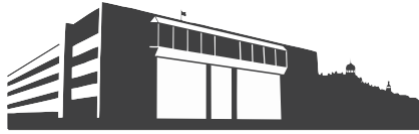
7 . Antonova A.A., Yamanova G.A. Ocenka uslovij truda farmacevticheskikh rabotnikov // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2022 - № 4 (118). S.29- 31. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.118.4.075>

8 «Auyr zhymystardyn, enbek zhagdajlary ziyandy zhane (nemese) kauipti zhymystardyn tizbesin, zhymys isteу zhymys uakytyryn kyskartylgan ұzaktygyna, zhyl sajyngy aky telenetin kosymsha enbek demalysyna zhane enbekke aky toleudin zhogarylatylgan molsherine kykyk beretin ondiristerdin, cekhtardyn, kәsipter men lauazymdardyn tizimin, sondaj-ak olardy беру kagidalaryn bekitu turaly» Қазакстан Respublikasy Densaulyk saktau zhane aleumettik damu ministrinin 2015 zhylygy 28 zheltoksandagy № 1053 byjrygy [Electronic resource] - Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34309319&doc_id2=35299780 (Accessed: 20.02.2023).

Автор жөніндегі мәліметтер:

Нұрғалиева Е.Н. - з.ғ.д., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті азаматтық, еңбек және экологиялық құқық кафедрасының профессоры, Сәтпаев көш. 2, Астана, Қазақстан.

Nurgaliyeva Y.N. - Doctor of law, professor of Civil, Labor, and Environment Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev str., Astana, Kazakhstan.

IRSTI 11.25.67

Olga DORUL¹, Fredolin LECARI²

¹«Dunărea de Jos» University of Galati, Galati, Romania

²Moldova State University, Chisinau, Moldova

Milestones of international cooperation in preventing and countering illicit drug trafficking

Abstract. Drug trafficking is considered by contemporary academics to be one of the most widespread forms of organized transnational crime. The unstable regional political situation, corruption, armed conflicts, poverty, and other factors are recognized as contributing to the expansion of this phenomenon. The United Nations has aimed to channel state cooperation in eradicating the drug scourge. Among the most effective tools in this regard are the creation of the United Nations Office on Drugs and Crime and the adoption on 15 November 2000 of the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. In this article, we aim to analyze the forms of inter-state cooperation in the prevention and combating of illicit drug trafficking and their impact on the phenomenon under investigation; also, we will analyze the legal nature of drug trafficking as an act that infringes on the interests of the modern international community.

Keywords: international cooperation, transnational organized crime, international crime, illicit drug trafficking, Republic of Moldova.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-202-210>

Introduction

The drug scourge is one of the most complex, profound, and tragic phenomena of the contemporary world. Billions of dollars are spent each year for antisocial purposes, lining the pockets of drug traffickers and criminal gangs who defy authorities and laws. Millions of people fall prey to drugs each year, and an ever-

increasing proportion of them are completely lost to society. There is a constant increase in the number of appeals, meetings, and conferences set out to identify the most appropriate methods to put an end to the abomination of drugs. As the situation worsens, it becomes even more widely known in all its aspects. [1, p. 5]

Towards the end of the last century,

it became clear that international action was needed to stem the flow of drugs. In 1906, the first step was taken in China: a decree banned the cultivation of poppies for opium, and two years later, smoking opium was also prohibited. In 1909, thirteen powers with interests in the Far East convened in Shanghai the Opium Commission, which adopted nine non-binding resolutions. In 1912, the International Opium Convention was signed at The Hague (entered into force in 1915); international cooperation for the control of narcotic drugs became a matter of international law. [1, p. 13] Under the auspices of the UN, several conventions were adopted for this purpose: Single Convention on Narcotic Drugs, 1953; Convention on Psychotropic Substances, 1971; United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances, 1988.

Research methods

Analysis (deductive, inductive, generalization, and specification) and synthesis of the phenomenon under study are the scientific research methods to be used for the subject of international cooperation in preventing and combating illicit drug trafficking. Historical analysis, including prospective analysis, will allow us to detect the qualitative evolution of forms of cooperation for combating illicit drug trafficking, subsequently formulating best practices in the field. Similarly, the use of systemic analysis is recommended as an effective tool for researching complex concepts, such as the subject of this study.

Discussion

The UN Office on Drugs and Crime publishes the annual World Drug Report, which identifies phenomena and formulates trends in the field that are subsequently used as the basis for future actions in preventing and combating illicit drug trafficking. The contents of the World Drug Report 2022 [2] show the following:

- Cocaine manufacturing reached a record high in 2020. Trafficking of cocaine likely continued to increase in 2020 despite the pandemic as global cocaine seizures (unadjusted for purity) increased to a new record high of 1,424 tons. Trafficking by sea, mainly in shipping containers, is growing, accounting for nearly 90 percent of cocaine seized globally in 2021. Seizure data suggest that trafficking is expanding to other regions outside the two main markets, North America and Europe, with increased levels of trafficking to Africa and Asia. Multiple indicators point to an overall increase in cocaine use over the past decade and early indications suggest that use is rising again in 2021 after a decline during the pandemic.

- The large majority of people who use drugs continue to be men, but women make up more than 40 percent of people who use ATS and who engage in non-medical use of pharmaceutical stimulants, pharmaceutical opioids, sedatives, and tranquilizers. Women who use drugs tend to progress to drug use disorders faster than men. The gender treatment gap remains a global problem and is particularly acute for women who use ATS. Almost one of every two past-year ATS users is a woman, but only one in five people in treatment for ATS disorders is a woman. Cannabis, the most used drug worldwide, is also used more by men than by women, but the gender gap is

narrowing, notably in North America, where the level of use is particularly high.

- The majority of people being treated for drug use disorders in Africa and Latin America are under the age of 35. Young people aged 15–16 have a global annual prevalence of cannabis use of 5.8 percent, compared with 4.1 percent of the population aged 15–64. Young people typically report a higher level of drug use than adults, and in many countries, drug use levels among young people are higher today than in past generations.

Several factors push people to cultivate illicit crops. Often, this activity helps landowners sustain themselves in the short term. Alternative development contributes to reducing vulnerability, which drives people to grow prohibited crops, and ultimately allows such activities to be eliminated. Such an approach can be identified in countries that are major producers of coca, opium, and cannabis - countries in South America, Central America, the Caribbean, Asia, and Africa. Alternative methods of generating income, with important components including marketing of products, long-term financial and political support, land management practices, and environmental protection are at the core of such development. This thesis also applies to Afghanistan, but the eradication of the heroin-based economy can only be achieved through a profound reform of agriculture through industrialization. [3, p. 74-75]

Efficient prevention of drug trafficking, as a major transnational phenomenon, is indispensably conditioned by the principle of international cooperation, based on the exchange of information between the world's states, information on crimes and the national

specificity of criminalization, issues regarding preventive measures, etc. [4, p. 123]

In this context, a number of international mechanisms have been set up in the international system, and several international instruments have been drawn up to enable full international cooperation between states to prevent and suppress drug trafficking.

At the universal level, the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) is the institution responsible for regulating the prevention of and fight against drug trafficking. In the context of the present research, it is important to reiterate the annual reports on drugs presented annually by UNODC. These reports contain the latest data on drug consumption, production, and trafficking, which allows trends to be determined and future scenarios to be projected on the world drug market.

Another structure with universal impact is the International Criminal Police Organization (INTERPOL), which is currently carrying out several initiatives and projects aimed at combating drug trafficking. These include the FORTALEZA Project in Latin America and the Caribbean; the MILLENIUM Project, initially designed to channel interstate cooperation for combating drug trafficking in Eurasia, but now expanding to Western Balkans and Nigeria; the I-CAN initiative carried out by INTERPOL against the 'Ndrangheta group, etc.

Given the complexity of the illicit drug trafficking phenomenon, which, over the years, has become a particular form of transnational organized crime, it is entirely natural for some countries to take the initiative to expand international criminal

jurisdiction over such an illicit act.

On 21 August 1989, the United Nations General Assembly registered a request for the inclusion of an additional item on the agenda of the forty-fourth session of the General Assembly: international criminal responsibility of individuals and entities engaged in the illicit trafficking of narcotic drugs across national frontiers and other transnational criminal activities: establishment of an international criminal court with jurisdiction over such crimes [5]. The letter was addressed to the UN Secretary-General and was signed by the Permanent Representative of Trinidad and Tobago to the United Nations. In the explanatory statement, annexed to the letter, the state representative considers that the assertion that the conviction of crimes for which there is no court yet is regarded as a mockery of justice and the promotion of crime "is not lacking grounds". It has been proven that national criminal legislation and national legal institutions are not able to prevent the activities of international criminals, including those engaged in drug trafficking. It must also be admitted that, in the absence of an impartial court with internationally recognized investigative mechanisms, the rights of individuals may be violated and/or endangered. The establishment of an international criminal court with jurisdiction to prosecute and punish individuals and entities engaged, among other things, in drug trafficking across national borders, would contribute to strengthening the legal process for the prosecution and punishment of these offenders and would also make a significant contribution to the progressive development and codification of international law.

The UN General Assembly asked the International Law Commission to establish an "international criminal court or another international criminal trial mechanism with jurisdiction over persons alleged to have committed crimes ... including persons engaged in illicit trafficking in narcotic drugs across national frontiers". The International Law Commission included crimes involving illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances "with an international dimension" into the list of treaty crimes in its proposal for an international criminal court. [6, p. 106]

However, in 1998, when the final wording of the Rome statute was negotiated and agreed upon, drug trafficking no longer featured in the list of crimes under the Court's jurisdiction. Since then, the crime has not only been excluded from the venerable list of 'core crimes', it has been relegated to a different discipline altogether. This demotion to a so-called 'treaty crime', and ultimately the banishment to the discipline of transnational criminal law, is to be understood against the background of certain hidden biases of the core crimes. [7, p. 770]

In the Final Act of the United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court signed in Rome on 17 July 1998 [8], the participants recognized that international illicit drug trafficking is a very serious crime, sometimes destabilizing the political, social and economic order in States and being deeply alarmed at the persistence of these scourges, which pose serious threats to international peace and security, regretted that no generally accepted definition of the crimes of terrorism and drug crimes could

be agreed upon for the inclusion, within the jurisdiction of the Court. At the same time, with reference to the above, a possible revision of the Statute of the Court under the review mechanism provided for in Article 123 of the Rome Statute was not excluded at that time.

It is necessary to mention in this chapter the fact that the Rome Statute has already been amended, namely the crime of aggression was defined at the first Review Conference of the Statute of the International Criminal Court (31 May - 11 June 2010 Kampala, Uganda). On 15 December 2017, the Assembly of States Parties adopted by consensus a resolution activating the Court's jurisdiction over the crime of aggression as of 17 July 2018. [9, p. 70]

As regards the reaction of academics to the initiative of the international criminal jurisdiction to deal with certain types of economic crime, [6, p. 106] it is worth mentioning an absolutely justified opposition, in our opinion, of the most notorious specialists in the field of international criminal law.

Results

If we limit international crimes to violations of international law, which undermine the foundations of international society and cause serious harm, and cause dangerous violations of the human civilization of the principles and norms of international law, which are of fundamental importance for ensuring peace, human protection and the vital interests of the international society in general, as the Russian author Kostenko N. suggests [10, p. 120], we run the risk of admitting that many wrongful acts, following an extensive interpretation, will

automatically fall into the category of international crimes.

At the same time, in the opinion of the author A. Cassese, crimes such as drug trafficking, illicit arms trading, the smuggling of nuclear and other lethal material, money laundering, women and human trafficking, or even the crime of racial segregation (apartheid) are criminalized on the basis of international conventions and not international customary law, while they are commonly committed by individuals or criminal organizations and not by States. [11, p. 11]

If one refers to widespread ratification as indicative of custom, one could point to the 190 states parties to the United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 1988. Indeed, there have been calls to recognize drug trafficking crimes as customary international law from as early as the 1970s.²⁰ Similar ambiguities emerge for Cassese's other qualifier, namely that treaty crime are usually committed against states: 'They do not involve states as such or, if they involve state agents, these agents typically act for private gain'. But most of the accepted core crimes can, at least in part, be described as having been committed for private gain, whether this is for political or economic power. And, it does not require a significant stretch of the imagination to view cases involving 'warlords' and 'rebel leaders' at the ICC as crimes committed against the state. [7, p. 772]

Certainly, in regard to recognizing drug trafficking as an international crime, there are relevant questions that arise: whether and how evidence could be obtained; whether cooperation among states and enforcement agencies would be a

problem; whether individual criminal accountability really would deter continued trafficking; whether there would be sufficient resources; which countries to focus on; not to forget the question whether criminalization of drug use is the correct policy. However, these are questions that by and large apply to all current core crimes and any future additions. Ultimately, rather than being seen as a blip in the progress narrative, it should be taken seriously that the crime which was deemed important enough to revive a legal and political process committed to an international criminal court, was, in less than a decade of negotiations, excluded from the list of international crimes altogether. [7, p. 783].

Case study

Today we are witnessing the qualitative and quantitative expansion of transnational crime. Factors that condition this expansion in most cases cannot be examined in isolation, but in their entirety: poverty, migrant flows, imperfect legislation, regional crises conditioned by political instability, the transition from the planned economy to the market economy, etc. forms the objective reality of a globalized world where the criminal phenomenon becomes organized and internationalized, presenting a threat to the entire international society. In this context, the situation of states that have recently appeared on the political map of the world, such as the Republic of Moldova, appears to be particularly vulnerable.

The Republic of Moldova, in the context of the illegal circulation of drugs in the European space, is not the country of origin, but one of transit from the western states to the Russian Federation. [12, p. 75]

As an effective mechanism to combat illicit drug trafficking, we can mention The European Union Border Assistance Mission to Moldova and Ukraine (EUBAM) which was launched in 2005. The legal basis for EUBAM is the Memorandum of Understanding signed by the European Commission and the Governments of Moldova and Ukraine on 7 October 2005. The current Mission's mandate is valid until 30 November 2023. EUBAM promotes border control, customs, and trade norms and practices that meet European Union standards, and serve the needs of its two partner countries. EUBAM Task Force Drugs seeks to engage Mission's partner services with other drug enforcement authorities in the region and to engender an intelligence-led approach to fighting drug smuggling. This has resulted in improvements in profiling and exchange of information as well as investigations which contribute to the sustainability of the partner's operational ability to uphold such action in the future. [13]

As regards the normative framework of the Republic of Moldova in the field of combating illicit drug trafficking, it is necessary to indicate that Chapter VIII of the Special Part of the Criminal Code of the Republic of Moldova, in line with international standards, provides for several penalties capable of covering the multiple forms of criminal activity involving drug trafficking. Thereby, it has a twofold objective of protecting social relations in the field of public health, which are conditioned by the legal circulation of drugs, and preventing the commission of such offenses [14, p. 10].

Conclusions

Despite the attempts of many

academics to recognize the nature of the international crime, including international illicit drug trafficking, we consider that this illicit act is still considered to be an absolutely transnational crime because it does not have the characteristics of international crime. The theoretical conceptualization, however, must not lose sight of the imperative importance of the cooperation of states in order to eradicate

illicit drug trafficking. International cooperation to fight illicit drug trafficking is currently presented as a serious threat to the stability and security of states. It needs to be strengthened by substantially and geographically expanding the programs launched under the auspices of universal and regional organizations and by transposing the standards of the UN conventions into national legal systems.

References

1. Țurlea S., *Bomba drogurilor*. Humanitas. București, 1991. 304 p.
2. World Drug Report 2022. Available at: https://www.unodc.org/res/wdr2022/MS/WDR22_Booklet_1.pdf (accessed: 3.11.2022).
3. Khachatryan M.E., Shumilov M.M. Transnational organized crime and its prospects in conditions of global instability. *EURASIAN INTEGRATION: economy, law, politics*. 2016;(2):71-80. P. 74-75.
4. Cojocaru R., Nastas A. Infrațiuni privind traficul de droguri în legislația penală a Republicii Moldova – tendințe, clasificare și soluții de perspectivă. *Revista Universul Juridic*. Nr. 11, noiembrie 2021, pp. 123-127.
5. Request for the inclusion of a supplementary item in the agenda of the 44th session : General Assembly : international criminal responsibility of individuals and entities engaged in illicit trafficking in narcotic drugs and across national frontiers and other transnational criminal activities : establishment of an international criminal court with jurisdiction over such crimes : letter dated 21 August 1989 from the Permanent Representative of Trinidad and Tobago to the United Nations addressed to the Secretary-General. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/72158#record-files-collapse-header> (accessed: 3.11.2022).
6. Stahn, C. (2018). *A Critical Introduction to International Criminal Law*. Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781108399906
7. Heller, Kevin Jon and others (eds), *The Oxford Handbook of International Criminal Law*, Oxford Handbooks (2020; online edn, Oxford Academic, 7 May 2020). Available at: <https://doi.org/10.1093/law/9780198825203.001.0001> (accessed: 3.11.2022).
8. Final Act of the United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the establishment of an International Criminal Court, Rome, 17 July 1998 (U.N. Doc. A/CONF.183/10*). Available at: <https://legal.un.org/icc/statute/finalfra.htm> (accessed: 10.01.2023).
9. Burian Al., Balan O., Dorul O. [et.al.]. *Drept Internațional Public: Manual*. Ed. a 5-a (compl. și actualizată). Chișinău : s.n., 2021 (Combinatul Poligrafic). 756 p. ISBN 978-9975-129-88-6.

10. Kostenko N.I., International Criminal Law: Modern Theoretical Problems. Yurlitinform. Moscow, 2004. 448 p.

11. Tsilonis, V. (2019). The Jurisdiction of the International Criminal Court. ISBN 978-3-030-21525-5. Springer Nature Switzerland AG 2019

12. Nastas A. Illegal Circulation of Drugs, Ethnobotanicals or Their Analogues for the Purpose of Alienation in Criminal Law of the Republic of Moldova. irc 2022 XVI. International Research Conference Proceedings Online. Issn: 1307-6892. April 07-08, 2022. Dubai United Arab Emirates

13. European Union External action. Available at: <https://eubam.org/what-we-do/combating-drug-smuggling/> (accessed: 10.01.2023).

14. Nastas A., *Infrațiunile privind traficul ilicit de droguri*. Monografie. PRO Universitaria. București, 2022. 156 p.

Olga Dorul¹, Fredolin Lecari²

¹Галац университеті «Dunărea de Jos», Галац, Румыния

² Молдова мемлекеттік университеті, Кишинев, Румыния

Есірткінің заңсыз айналымының алдын алу және оған қарсы күрес саласындағы халықаралық ынтымақтастықтың негізгі кезеңдері

Андатпа. Есірткінің заңсыз айналымын қазіргі ғалымдар ұйымдасқан трансұлттық қылмыстың кең таралған түрлерінің бірі ретінде қарастырады. Бұл құбылыстың таралуына ықпал ететін жағдайлар тұрақсыз аймақтық саяси жағдай, сыбайлас жемқорлық, қарулы қақтығыстар, кедейлік және басқа факторлар деп танылды. Біріккен Ұлттар Ұйымы есірткі апатын жоюда мемлекеттік ынтымақтастықты бағыттауға тырысты. Осыған байланысты ең тиімді құралдардың қатарына Біріккен Ұлттар Ұйымының есірткі және қылмыс жөніндегі басқармасын құру және 2000 жылдың 15 қарашасында Біріккен Ұлттар Ұйымының Трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы Конвенциясын қабылдау жатады. Бұл мақалада біз есірткінің заңсыз айналымының алдын алу және оған қарсы күрес саласындағы мемлекетаралық ынтымақтастықтың нысандарын және олардың зерттелетін құбылысқа әсерін талдауға, сондай-ақ есірткінің заңсыз айналымының құқықтық сипатын қазіргі халықаралық қоғамдастықтың мүдделеріне қол сұғатын әрекет ретінде талдауға тырысамыз.

Түйін сөздер: халықаралық ынтымақтастық, трансұлттық ұйымдасқан қылмыс, халықаралық қылмыс, есірткінің заңсыз айналымы, Молдова Республикасы

¹*Галацкий университет «Dunărea de Jos», Галац, Румыния,*

²*Государственный университет Молдовы, Кишинев, Румыния*

**Основные этапы международного сотрудничества в области предупреждения
незаконного оборота наркотиков и борьбы с ним**

Аннотация. Незаконный оборот наркотиков рассматривается современными учеными как одна из самых распространенных форм организованной транснациональной преступности. Обстоятельствами, способствующими распространению этого явления признаны нестабильная региональная политическая ситуация, коррупция, вооруженные конфликты, бедность и другие факторы. Организация Объединенных Наций присоединилась к сотрудничеству государств в искоренении наркотического бедствия. К числу наиболее эффективных инструментов в этом отношении относятся создание Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности и принятие 15 ноября 2000 года Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. В данной статье мы стремимся проанализировать формы межгосударственного сотрудничества в сфере предупреждения и борьбы с незаконным оборотом наркотиков и их влияние на исследуемое явление, а также рассмотреть правовую природу незаконного оборота наркотиков в качестве деяния, ущемляющего интересы современного международного сообщества.

Ключевые слова: международное сотрудничество, транснациональная организованная преступность, международное преступление, незаконный оборот наркотиков, Республика Молдова.

Information about authors:

Dorul Olga - PhD in Law, Associate Professor, «Dunărea de Jos» University of Galati, Romania

Lecari Fredolin - PhD student, Moldova State University, Chisinau, Moldova.

Dorul Olga - PhD, ассоциированный профессор, *Галацкий университет «Dunărea de Jos», Галац, Румыния*

Lecari Fredolin - докторант, *Государственный университет Молдовы, Кишинев, Румыния*

B.S. Karazhan

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

(E-mail: bkarazhan@mail.ru)

International legal and foreign advanced experience in the legal regulation of agricultural machinery using ultrafast mobile communications (5G) for Kazakhstan

Abstract. Ultra-fast mobile technologies are rapidly entering our lives. Fifth-generation mobile communication is a key factor in the further development of these technologies. The proposed article is about international best practices in the development of 5G technologies in agricultural engineering and its legal regulation. The author of the article notes the importance of international cooperation for the benefit of 5G development not only in the Republic of Kazakhstan but also around the world. The article also discusses the existing legal problems of the 5G industry and a certain attempt was made to predict the emergence of future legal challenges. The main method of research was the method of comparative legal analysis of foreign best practices in the development of 5G communications. The central task of this article is to familiarize the circle of experts and specialists of the legislative body with the global trends taking place in the world of telecommunications technologies and their impact on certain sectors of the economy.

Keywords: agricultural engineering, 5G, legal regulation of digitalization, robotization, communication, Internet of things, data transmission.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-211-224>

Introduction

With the development of wireless technologies and the advent of mobile devices with the ability to transfer large amounts of data, the scope of application of ultrafast 5G mobile communications has significantly expanded. Commercial telecommunications networks of the fifth-generation standard have been successfully tested and launched in major cities of the United States of America (USA), China, Finland, South Korea, Switzerland, Great Britain, Germany, Italy and Spain. Nevertheless, the 5G network is still expensive, requiring a developed infrastructure base, and is mainly used in industry and large businesses. In the vast expanses of the former Soviet Union, intentions to launch a full-scale ultrafast mobile communication were announced in the Baltic countries, Russia and Kazakhstan.

A new generation of mobile communications may shortly cause tectonic shifts in the industry, agriculture, entertainment, healthcare, logistics, and other industries. One of the promising and most important areas of active development of this technology is the branch of mechanical engineering, including agricultural engineering. Recently, the popularity of the so-called "smart farming", the concept of farming with the practical application of the latest information and communication technologies, which can include 5G mobile communication, has been increasing in the world. Thanks to the ultrafast network, new opportunities are opening up for farmers related to the development of precision farming, drone spraying, monitoring of

weeds and crops, tracking the movement of insects, and livestock in real-time.

Plants and factories producing agricultural machinery also strive to use the Internet of Things technology in production, which uses a fifth-generation network. To this end, scientists from all over the world are constantly looking for innovative approaches to the application of 5G technology in the industry. For example, a group of Malaysian scientists recently proposed a completely advanced method for improving the algorithm of functioning of industrial robots using 5G communication, which will increase their efficiency by 68% [1]. At such a pace of development, it becomes obvious that the 5G mobile network will bring big changes in the manufacturing industry in the near future, and domestic specialists will face issues related to its legal regulation.

Methodology

Government measures to support the development of 5G technology in the manufacturing industry, including agricultural engineering, are being implemented in many advanced countries of the world. The study of their experience becomes the main task for domestic telecommunications providers and legal specialists. In the Kazakh scientific community, such scientists as M.A. Sarsembayev, M.N. Imankulov, R.K. Sarpekov, and T. Talgatbekuly study this issue to one degree or another. This topic arouses increased interest among foreign professionals, most of whom represent developing countries in Europe and Asia. Among them are the works of M.K. Khavari,

G. Atharvan [2], J. Harmatos [3], and D. Murtzis [4]. The main method of research was the method of studying and analyzing scientific, theoretical and legal materials from different countries concerning the development of high telecommunications technologies in the industry. The author used this method of analysis when proposing new Kazakh laws on the further development of 5G technologies in agricultural engineering. Based on the experience of foreign countries and multinational corporations, the author offers his own views on the development of 5G technologies in the Republic of Kazakhstan.

Discussion

The development and spread of 5G technology in the world is uneven and is often accompanied by a broad public discussion. Margarita Robles-Carrillo, a professor from the University of Granada, Spain, identifies some areas of the existing controversy on 5G technologies: a technical direction where one side of the disputants claims the technological advantage of 5G, and the other focuses on serious technological risks associated with network instability, the problem of data leakage; socio-economic and political directions of the issue have become, in her opinion, tools in the debate among politicians and economists; strategic direction and national security issues, according to her article, are the most obvious and common cause of disputes on this topic [5].

Indeed, in recent years we have seen a developing discussion around the issue of the widespread introduction of the latest

generation of mobile communications by the technological giants of the telecommunications industry. Some governments openly express dissatisfaction with the activities of multinational corporations such as Huawei for the construction of 5G infrastructure in various countries of the world. Nevertheless, most countries and manufacturing enterprises, realizing the importance of 5G technology in the modern world, are still actively working on its development. For Kazakhstan, the development of fifth-generation mobile communications, in our opinion, cannot threaten national security in any way, but on the contrary, the technological lag of domestic enterprises can lead to a loss of competitiveness of the national economy.

In order to develop 5G mobile communications, many developed countries are developing so-called acts of "soft law", that is, norms of behavior that are advisory in nature. Such documents include concepts, strategies and plans for the development of a certain area. In addition to the pioneering countries in the development of 5G technology such as China, the USA, South Korea, Finland, a number of other countries with progressive economies have developed national plans and programs for the development of 5G. For example, the Austrian government approved in April 2018 a document with the simple title "5G Strategy for Austria". It was planned to implement it in three stages, upon completion of which the 5G mobile network should be available almost throughout the country by the end of 2023. Poland has a similar strategy, according to which the Polish government launched 5G in some cities by the end of 2020 with a

frequency of 700 MHz, and transport routes are planned to be covered by 2025. Also, the Ministry of Digital Affairs of this European country seeks to simplify the issuance of permits for the installation of network equipment and ease restrictions on electromagnetic radiation [6]. The adoption of such strategies made it possible for these countries to clearly formulate a list of measures necessary to achieve the ultimate goal of covering the entire territory with a broadband network of the latest generation. The countries have successfully tested the 5G network in some cities and have already started building infrastructure facilities to achieve maximum results.

In order to cover a vast territory with a fifth-generation mobile network, we should, taking into account the experience of developed countries, develop and approve our own soft law document. Such a document could be called "The concept of development of 5G technology in agricultural engineering of the Republic of Kazakhstan". The adoption of such a document will allow Kazakhstan, as it was in European countries, to accurately determine the range of planned activities in order to ultimately contribute to the development of a high-tech and competitive agricultural industry in the country.

The United States is an indispensable leader in the deployment of 5G infrastructure around the perimeter of its territory. There, 5G services are provided by three major and some major regional mobile operators. Since 2019, an active phase of 5G communication development has begun in the country. This became possible thanks to the state's lifting of serious barriers to licensed providers

providing 5G services. The US Federal Communications Commission has consistently eased the requirements for providers, including reforming the rules for deploying 5G antennas and providing a spectrum of frequency bands. The US Federal Communications Commission conducts several public frequency auctions throughout the year for anyone who wants to purchase a frequency license for their business. It is noteworthy that the state provides a small credit benefit for small businesses and companies operating in agricultural areas. Licenses issued to frequency holders are granted by the State for 10 and 15 years.

As we can see from the American and European experience, one of the most effective solutions in the development of 5G communications was the simplifying of requirements for local providers. In Kazakhstan, such requirements are contained in the Order of the Acting Minister for Investment and Development of the Republic of Kazakhstan dated January 21, 2015 No. 34 "On approval of the Rules for assigning frequency bands, radio frequencies (radio frequency channels), operation of radio-electronic means and high-frequency devices, as well as calculation of electromagnetic compatibility of radio-electronic means for civil purposes". For example, art. 60 of the Rules establishes requirements for bidders intending to receive a radio frequency. Two requirements, namely the requirement to have an extensive telecommunications backbone network covering at least six regions and cities of republican significance and the capital, as well as experience in the field of communications for at least five years, in our opinion, can significantly reduce

the number of operators with the potential to introduce 5G communications in the agricultural engineering industry. At the initial stage of the introduction of 5G mobile communications in Kazakhstan, in our opinion, it would be possible to think about softening these and other requirements imposed on mobile operators.

The experience of Germany is interesting, where, in addition to operators providing 5G communications at the national level, the authorities have provided separate frequencies for local industrial enterprises. In November 2020, the German government allocated separate mobile communication frequencies to more than fifty representatives of large businesses, among which there are machine-building enterprises. The frequencies allocated by the Federal Communications Agency in the range from 3.8 to 3.9 GHz allowed these enterprises to organize their local ecosystems of high-speed mobile communications. The frequencies were provided by the state through public auctions, the participants of which had to meet certain criteria. Currently, the communications agency is discussing the issue of providing additional frequencies for local purposes and is developing a draft of new compliance criteria for obtaining these frequencies [7]. Large Kazakhstani machine-building enterprises with strategic importance and opportunities to engage in R&D should also have access to private corporate networks of the fifth generation. To this end, it is necessary for Kazakhstan to develop a regulatory act "On the allocation of separate 5G mobile communication frequencies for industrial and scientific and innovative enterprises" through the

Government. This will allow them to use Industry 4.0 technologies more in production.

The experience of Germany is one of the most attractive models of 5G development for Kazakhstan. There are several reasons for this statement. Firstly, in Germany, as in Kazakhstan, there is a Romano-German legal system. Unlike the Anglo-Saxon legal system based on case law, the Romano-Germanic legal system allows for effective amendments to existing legislation in the conditions of Kazakhstan. Secondly, Germany is a leading country both in terms of the level of development of agricultural machinery and in terms of its automation, which is achieved, among other things, through the development of 5G mobile communications. In addition, German manufacturers of agricultural machinery and our country have already reached agreements on the deployment of factories on the territory of Kazakhstan. In particular, the German manufacturer of tractors and other agricultural equipment CLAAS has already started assembling its products in the northern agricultural part of the Republic of Kazakhstan. Taking into account these qualities, it can be assumed that the measures taken there are quite possible to translate into reality in our country.

Foreign private investors and businessmen are also interested in the development of 5G technology and invest a lot of money in this industry. So, for example, the agrotechnological startup company Small Robot Company (SRC) has entered into a partnership in the 5G Rural Dorset project, within which a 5G connection scheme optimized for rural areas is being developed and tested with a ready-made 5G agrobot for

arable farms. The £7 million project is partially funded by the UK Department of Digital Technology, Media, Culture and Sport as part of its 5G Testing Program [8]. The same usage examples exist in other countries. So, a few years ago, an American manufacturer of agricultural machinery, one of the world's sales leaders John Deere, bought out a small startup company from Silicon Valley, which was engaged in the development of artificial intelligence. Thus, John Deere is trying to establish the production of agricultural equipment capable of interacting with other machines in the field by streaming data from the vehicle to the cloud and back to machine operators in the shortest possible time. It would be desirable for domestic agricultural machinery enterprises to study the experience of their foreign counterparts and invest more in breakthrough projects related to the 5G mobile network.

Of the post-Soviet states, the Baltic countries have developed their own plans. Russia is also trying to support the development of a fifth-generation network. In 2019, the GSM Association, the Analytical Center under the Government of the Russian Federation and the Union of Mobile Operators LTE jointly prepared a detailed report on the development of 5G in Russia and in the world, where they revealed in detail the main advantages and challenges associated with this technology. Among others, the authors noted the need for legislative transformation in terms of sanitary and epidemiological norms, and the transfer of personal data and IoT data [9]. The issue of allocating individual frequencies was also not left aside.

Issues regarding sanitary and epidemiological standards, the transfer of personal data and security in cyberspace are also relevant for the Republic of Kazakhstan. Unfortunately, in our country, the legal side of the issue is studied by a critically small number of specialists. Basically, domestic scientists and specialists focus on technical provisions and largely limit themselves to listing the advantages of digital technologies based on a 5G network. In domestic legal science, we have not yet observed a full-scale research work that would cover various aspects of the introduction of 5G mobile technologies into the manufacturing industry. Nevertheless, individual scientific articles and analytical materials deserve the attention of all those interested in this issue. For example, an associate professor of the Kazakh Agrotechnical University named after S. Seifullin, Ph.D., M.N. Imankulov in his article entitled "Network infrastructure for digital transformation" calls the positive aspects and vulnerabilities of high-speed network technologies. In the article, he comes to the conclusion that it is necessary to form a systematic approach to simplifying and accelerating infrastructure changes, thereby supporting in absentia the method used in the USA and Germany, where governments have maximally simplified the requirements for infrastructure facilities that ensure the operation of the 5G network [10]. Here our position converges with the position of the author with a small remark – such concessions in the requirements should be only at the initial stages of the development of 5G communications. In the future, the requirements can be returned to the "proper" level, since the country in pursuit of

technology should not lose network sovereignty.

From the point of view of the law, the issue of the development of 5G mobile communications in agricultural engineering has been repeatedly discussed in the articles of M.A. Sarsembayev, Doctor of Law, Professor of the Department of International Law of the L.N. Gumilev Eurasian National University. In order to stimulate the development of 5G technology in the industry, he proposes to adopt such laws in the country as "On the introduction of digitalization, artificial intelligence devices, automation in the production processes of transport and agrotechnical engineering", "On the launch of mass production of electric and unmanned vehicles and agrotechnical means with diverse potential, with a gradual transition from industrial assembly to autonomous production" [11]. On the one hand, the adoption of such laws would encourage the development of the machine-building industry in a digital way, on the other - is it justified to adopt special laws in order to make the introduction of digital technologies in agricultural engineering possible? Of course, innovative development, including the use of 5G in the company's activities, requires a certain push from the state. But at the same time, companies themselves can and should "implement" and "launch" digital technologies, and the state should remain an independent arbiter and provide a legislative framework for their stable operation. In this aspect, the role of a regulator that distributes frequencies, sets requirements for technical means of communication and encourages the use of digital technologies in enterprises should be

shifted to the state. Yes, it stimulates and encourages, but does not interfere with corporate governance processes. It seems that the adoption of the law "On measures to stimulate the use of digital technologies in the manufacturing industry in the Republic of Kazakhstan" would be a more correct decision in a market economy.

The Director of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan R.K. Sarpekov also speaks about the need to digitalize the legal space. In particular, his article "Digitalization of the legal space" largely touches on those provisions that could contribute to the successful development of digital 5G technologies in the country [12]. In fact, the development of 5G cannot be carried out effectively in isolation from the digital modernization of the entire legal space, because fifth-generation communication can open up completely new forms of interaction between economic entities. Accordingly, his views can be supported in the context of the fact that the digital development of the legal industry will somehow contribute to the development of technologies such as the 5G mobile network.

In practical terms, the introduction of 5G communications in the Republic of Kazakhstan will be carried out in several stages. It is planned, first of all, to cover the cities of republican significance with superfast mobile communications. To date, a new generation of communication has already been successfully tested on the territory of the city of Almaty. In September 2021, the Ministry of Digital Development, Innovation and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan reported that the

commercial launch of mobile communications of the 5G standard is not yet possible and that the relevant bill is under consideration in the Parliament of the Republic of Kazakhstan [13]. Today, when the Ministry is already an authorized body with the right to conduct auctions, we can talk about the next stages of development. Recall that according to the national project "Technological breakthrough through digitalization, science and innovation", the 5G mobile network should cover cities of republican significance and all regional centers. As the number of devices capable of connecting to the Internet in machine-building and other enterprises increases, the market for 5G technology communication services will increase. The Ericsson report states that "the expected addressable market in 2026 will amount to \$113 billion" [14]. If Kazakhstan does not make attempts to move to the next level now, there is a risk of falling behind global progress.

Unfortunately, it is still too early to talk about international regulation of the 5G mobile network, since unified rules for the implementation and operation of the fifth-generation network have not yet been developed. For the widespread adoption of 5G technology, the international community must overcome some obstacles. First of all, the international community needs to take care of the issues of harmonization of international standards for 5G. The issues of allocation of operating frequencies are discussed within the framework of the World Radiocommunication Conference organized by the International Telecommunication Union (ITU). In addition, international standards development organizations such as

3GPP, the Institute of Electrical and Electronics Engineers and ITU itself are already working hard to standardize 5G technology. However, trade wars between Chinese tech giants such as Huawei and the US government may lead to a war of standards in the world of 5G technologies, as it was before the formation of the 3rd Generation Partnership Project (3GPP). Obviously, in relation to such advanced technologies, the world should move towards openness and solidarity. An example of successful cooperation is the Agreement signed this year between the European Union (EU) and China on cooperation in the development of the 5G network. The same agreements were signed between the EU and South Korea, the EU and Japan.

Cooperation in the field of digital technology development can be carried out both within one organization and between an organization and individual countries, as in the above examples. Within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU), there are some attempts to unify norms in the field of data turnover, which may later contribute to the adoption of unified documentation for 5G communications. So, currently, the EAEU members are actively discussing a draft agreement on data turnover. However, each EAEU member country has its own views on the development of the 5G network.

In order to develop 5G communications in agriculture, the Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) in 2019 concluded an agreement with Korea Telecom on joint efforts in promoting digital agricultural innovations. Realizing that it will be extremely difficult for Kazakhstan to develop

a 5G network alone, and analyzing the examples given, we can conclude that we will also need to choose a partner from a limited number of companies to conclude an agreement, whether in a bilateral format or within the EAEU. Potential partners include such companies as Cisco, Nokia, Huawei, Juniper.

"Smart" agricultural engineering generates various legal issues, which, unfortunately, partially remain unanswered. In this article, we have tried to outline the range of the main legal problems. First of all, you should pay attention to the contracts concluded for the provision of 5G services. The problem of data protection used for intelligent agriculture is important for the development of successful projects in the field of digital agriculture and mechanical engineering. In addition, future users of agricultural technology tools need to determine in advance who will be responsible if data processing leads to incorrect decisions affecting the chain of production of final products. In this case, strict provisions of the rules on compensation and limitation of liability can help, since suppliers of agricultural machinery should also be able to guarantee their reliability with the help of appropriate certificates and audits.

Results

Having analyzed the works of domestic and foreign authors on this topic, and having studied foreign experience in the development of 5G technology, we came to the conclusion that the topic under consideration, at least in terms of legal

regulation, has been studied at a low level. In this regard, the domestic legislator is recommended to pay attention to the experience of some foreign countries that have already managed to put 5G technologies into practice and feel its advantages. It was characteristic of all successful cases that the governments of these countries developed and approved a comprehensive plan for the development of 5G infrastructure in their territories, created favorable legal conditions for the deployment of the necessary infrastructure for its scaling, allocated separate frequencies for representatives of local businesses, provided concessions in the installation of antennas or other devices. In addition, the legislator needs to anticipate in advance future legal problems related to personal data protection, cybersecurity, copyright and other issues. Domestic specialists also need to explore the possibility of joint use of infrastructure facilities by several operators on the territory of our country. The author proposes, in addition to the proposals listed in the discussion part of the article, to develop a general draft law "On amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on the development of 5G mobile communications in the manufacturing industry", with the help of which it will be possible to significantly improve domestic legislation in the field of telecommunications services.

Conclusion

The factories of tomorrow will rely heavily on wireless technology. 5G's high bandwidth, wireless flexibility and low

latency performance make it an ideal choice for manufacturers. Agricultural machinery manufacturing countries and major manufacturers and suppliers themselves are well aware of the importance of this technology and are developing their national plans and strategies for the development of 5G technology. Kazakhstan also needs to develop its strategy for the introduction of 5G in various spheres of life. On the way to the development of new technologies, various previously unknown difficulties and problems in the legal regulation of 5G will appear. Kazakhstan already needs to take care of these issues and prepare a favorable legal ground for the full-scale implementation of 5G. This should be done based on the experience of advanced countries and companies. We are going to improve our laws on communications,

personal data, intellectual property, and others. The development of 5G standards and bringing them into line with international standards should be the main guideline. It is necessary to take into account the recommendations of leading researchers in this area for developing countries. Kazakhstan, unfortunately, does not yet have its own developments, but it is possible to achieve positive results in development on a national scale in partnership with foreign companies. The experience of such countries as Finland, Germany, the USA, and Australia has shown that the development of 5G mobile communications in agricultural engineering has a positive effect on the overall level of the economy. Kazakhstan has every chance to be on the same list with these states.

References

1. Hawari, M.Z.K. & Apandi, N.I.A. 2021, "Industry 4.0 with intelligent manufacturing 5G mobile robot based on genetic algorithm", *Indonesian Journal of Electrical Engineering and Computer Science*, vol. 23, no. 3, pp. 1376-1384.
2. Atharvan, G., Koolikkara Madom Krishnamoorthy, S., Dua, A. & Gupta, S. 2022, "A way forward towards a technology-driven development of industry 4.0 using big data analytics in 5G-enabled IIoT", *International Journal of Communication Systems*, vol. 35, no. 1.
3. Harmatos, J., & Maliosz, M. (2021). Architecture integration of 5G networks and time-sensitive networking with edge computing for smart manufacturing. *Electronics (Switzerland)*, 10(24) doi:10.3390/electronics10243085.
4. Mourtzis, D., Angelopoulos, J., & Panopoulos, N. (2021). Smart manufacturing and tactile internet based on 5g in industry 4.0: Challenges, applications and new trends. *Electronics (Switzerland)*, 10(24) doi:10.3390/electronics10243175.
5. Robles-Carrillo, M. 2021, "European Union policy on 5G: Context, scope and limits", *Telecommunications Policy*, vol. 45, no. 8.
6. National 5G plans and strategies. // The official website of the European 5G Observatory URL: <https://5gobservatory.eu/public-initiatives/national-5g-plans-and->

strategies/#1533566084406-4e0a1da3-0827 (accessed: 10.11.2021).

7. Neitzel J. 5G regulation and law in Germany / URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-5g-regulation-andlaw/germany> (accessed: 14.01.2022).

8. Project aims for 5G connected agri-robots // Mark Allen Engineering Limited. URL: <https://www.theengineer.co.uk/5g-small-robot-company-agri-robots/> (accessed: 10.11.2021).

9. Razvitie 5G v Rossii i mire: vzglyad v budushchee [5G development in Russia and the world] // Analiticheskij Centr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii [Analytical Center under the Government of the Russian Federation]. URL: [https://digital.ac.gov.ru/upload/iblock/2b2/22701%205G%20Russia%20report%20\(RUSSIAN\).pdf](https://digital.ac.gov.ru/upload/iblock/2b2/22701%205G%20Russia%20report%20(RUSSIAN).pdf) (accessed: 10.11.2021) [in Russian].

10. Imankulov M.N. Setevaya infrastruktura dlya cifrovoj transformacii. [Network infrastructure for digital transformation] // Mezhdunarodnyj zhurnal Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya [International Journal of Natural Sciences and Humanities Research] №16(2), 2017. S. 4-8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevaya-infrastruktura-dlya-tsifrovoy-transformatsii/viewer> (accessed: 3.01.2022) [in Russian].

11. Sarsembaev M.A., Sarsenova S.N., Karazhan B.S. Nacional'no-pravovye i mezhdunarodno-pravovye resheniya perekhoda k cifrovizacii transportnogo i sel'skohozyajstvennogo mashinostroeniya Kazakhstana [National and international legal solutions for the transition to digitalization of transport and agricultural engineering in Kazakhstan]// Vestnik KarGU. Seriya «Pravo» [Bulletin of the KarSU. The series "Law"]. № 2(102)/2021 s. 6-13 URL: <https://articlekz.com/article/34538>.

12. Sarpekov R.K., Cifrovizaciya pravovogo prostranstva. [Digitalization of the legal space.] // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan [Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan], №3 (61) 2020. S. 12-24 URL: http://www.zqai.kz/sites/default/files/sarpekov_r.k.pdf (accessed: 3.01.2022).

13. Ministerstvo cifrovogo razvitiya: O srokah zapuska 5G v kommercheskuyu ekspluatatsiyu govorit' eshchyo rano [Ministry of Digital Development: It's too early to talk about the timing of the launch of 5G into commercial operation]// Informacionnyj portal «Inforburo» [Inforburo information Portal] URL: <https://inforburo.kz/novosti/zapusk-5g-v-kazaxstane-razyasnili-v-ministerstve-ifrovogo-razvitiya> (accessed:10.11.2021).

14. Competitiveness is everything. // Ericsson.com providers of Information and Communication Technology (ICT) URL: <https://www.ericsson.com/en/reports-and-papers/5g-for-manufacturing> (accessed: 10.11.21).

15. Forge, Simon & Vu, Khuong. (2020). Forming a 5G strategy for developing countries: A note for policy makers. Telecommunications Policy. 44. 101975. 10.1016/j.telpol.2020.101975. URL: https://www.researchgate.net/publication/340948502_Forming_a_5G_strategy_for_developing_countries_A_note_for_policy_makers (accessed: 10.11.21).

Б.С. Қаражан

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Қазақстан үшін аса жылдам байланысты (5G) пайдалана отырып, ауыл шаруашылығы машина құрастыруды құқықтық реттеудің халықаралық-құқықтық және шетелдік озық тәжірибесі

Аңдатпа. Өте жылдам жұмыс жасайтын мобильді технологиялар біздің өмірімізге тез еніп келеді. Бесінші буын 5G ұялы байланысы осы технологияларды одан әрі дамытудың негізгі факторы болып табылады. Ұсынылып отырған мақалада ауылшаруашылық машина жасаудағы 5G технологиясын дамытудың халықаралық озық тәжірибесі және оны реттеудің құқықтық мәселелері туралы айтылады. Мақала авторы 5G Қазақстан Республикасында ғана емес, бүкіл әлемде дамуы үшін халықаралық іскерлік қатынастың маңыздылығын атап өтеді. Мақалада сондай-ақ 5G саласының қолданыстағы құқықтық мәселелері талқыланады және құқықтық сипаттағы болашақ сын-тегеуріндердің пайда болуын болжауға әрекет жасалды. Зерттеудің негізгі әдісі 5G байланысын дамыту бойынша шетелдік озық тәжірибені салыстырмалы-құқықтық талдау әдісі болды. Аталмыш мақаланың басты міндеті – сарапшылар мен заң шығарушы орган мамандар шеңберін телекоммуникациялық технологиялар әлемінде болып жатқан жаһандық тенденциялармен және олардың экономиканың салаларына әсерімен таныстыру болып табылады.

Түйін сөздер: ауыл шаруашылығы машиналарын жасау, 5G, цифрландыруды құқықтық реттеу, роботтандыру, байланыс, Заттар интернеті, деректер беру.

Б.С. Қаражан

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Международно-правовой и зарубежный продвинутой опыт правового регулирования сельскохозяйственного машиностроения с использованием сверхбыстрой мобильной связи (5G) для Казахстана

Аннотация. Сверхбыстрые мобильные технологии стремительно входят в нашу жизнь. Мобильная связь пятого поколения 5G является ключевым фактором дальнейшего развития этих технологий. В предлагаемой статье говорится о международном передовом опыте развития 5G технологий в сельскохозяйственном машиностроении и его правовом регулировании. Автор в статье отмечает важность

международной кооперации во благо развития 5G не только в Республике Казахстан, но и во всем мире. В статье также обсуждаются существующие юридические проблемы 5G отрасли и была предпринята определенная попытка предсказать появление будущих вызовов правового характера. Основным методом исследования стал метод сравнительно-правового анализа зарубежного передового опыта по развитию 5G связи. Центральной задачей данной статьи является ознакомление круга экспертов и специалистов законодательного органа с мировыми тенденциями, происходящими в мире телекоммуникационных технологий и их влиянием на определенные отрасли экономики.

Ключевые слова: сельскохозяйственное машиностроение, 5G, правовое регулирование цифровизации, роботизация, связь, интернет вещей, передача данных.

Данное исследование подготовлено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН грант № AP09261449).

Список литературы

1. Hawari, M.Z.K. & Apandi, N.I.A. 2021, "Industry 4.0 with intelligent manufacturing 5G mobile robot based on genetic algorithm", Indonesian Journal of Electrical Engineering and Computer Science, vol. 23, no. 3, pp. 1376-1384.
2. Atharvan, G., Koolikkara Madom Krishnamoorthy, S., Dua, A. & Gupta, S. 2022, "A way forward towards a technology-driven development of industry 4.0 using big data analytics in 5G-enabled IIoT", International Journal of Communication Systems, vol. 35, no. 1.
3. Harmatos, J., & Maliosz, M. (2021). Architecture integration of 5G networks and time-sensitive networking with edge computing for smart manufacturing. Electronics (Switzerland), 10(24) doi:10.3390/electronics10243085 .
4. Mourtzis, D., Angelopoulos, J., & Panopoulos, N. (2021). Smart manufacturing and tactile internet based on 5g in industry 4.0: Challenges, applications and new trends. Electronics (Switzerland), 10(24) doi:10.3390/electronics10243175.
5. Robles-Carrillo, M. 2021, "European Union policy on 5G: Context, scope and limits", Telecommunications Policy, vol. 45, no. 8.
6. National 5G plans and strategies. // The official website of the European 5G Observatory URL: <https://5gobservatory.eu/public-initiatives/national-5g-plans-and-strategies/#1533566084406-4e0a1da3-0827> (дата обращения:10.11.21).
7. Neitzel J. 5G regulation and law in Germany / URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-5g-regulation-and-law/germany> (дата обращения: 14.01.22).
8. Project aims for 5G connected agri-robots // Mark Allen Engineering Limited. URL: <https://www.theengineer.co.uk/5g-small-robot-company-agri-robots/> (дата обращения:

10.11.21).

9. Развитие 5G в России и мире: взгляд в будущее // Аналитический Центр при Правительстве Российской Федерации. URL: [https://digital.ac.gov.ru/upload/iblock/2b2/22701%205G%20Russia%20report%20\(RUSSIAN\).pdf](https://digital.ac.gov.ru/upload/iblock/2b2/22701%205G%20Russia%20report%20(RUSSIAN).pdf) (дата обращения:10.11.21).

10. Иманкулов М.Н. Сетевая инфраструктура для цифровой трансформации. // Международный журнал Естественнo-гуманитарные исследования №16(2), 2017. С. 4-8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevaya-infrastruktura-dlya-tsifrovoy-transformatsii/viewer> (дата обращения: 3.01.2022).

11. Сарсембаев М.А., Сарсенова С.Н., Каражан Б.С. Национально-правовые и международно-правовые решения перехода к цифровизации транспортного и сельскохозяйственного машиностроения Казахстана //№ 2(102)/2021 с. 6-13.

12. Сарпеков Р.К., Цифровизация правового пространства. // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, №3 (61) 2020. С. 12-24 URL: http://www.zqai.kz/sites/default/files/sarpekov_r.k.pdf (дата обращения: 3.01.2022).

13. Министерство цифрового развития: О сроках запуска 5G в коммерческую эксплуатацию говорить ещё рано // Информационный портал «Informburo» URL: <https://informburo.kz/novosti/zapusk-5g-v-kazaxstane-razyasniliv-ministerstve-cifrovogo-razvitiya> (дата обращения:10.11.21).

14. Competitiveness is everything. // Ericsson.com providers of Information and Communication Technology (ICT) URL: <https://www.ericsson.com/en/reports-and-papers/5g-for-manufacturing> (дата обращения: 10.11.21).

15. Forge, Simon & Vu, Khuong. (2020). Forming a 5G strategy for developing countries: A note for policy makers. Telecommunications Policy. 44. 101975. 10.1016/j.telpol.2020.101975. URL: https://www.researchgate.net/publication/340948502_Forming_a_5G_strategy_for_developing_countries_A_note_for_policy_makers (дата обращения:10.11.21).

Information about author:

Karazhan B.S. - master of law, doctoral student of the Department of International Law of L. N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev 2, Astana, Kazakhstan

Қаражан Б.С. - заң ғылымдарының магистрі, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының докторанты, Сәтпаев көш., 2, Астана, Қазақстан

V.M. Shumilov¹, K.S. Maulenov², B.N. Maulenova³

¹Russian Foreign Trade Academy of Ministry for Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

²International University of Information Technologies

*³Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
(E-mail: mezhdekpravo@gmail.com, k.maulenov@mail.ru,
bakhytmaulenova@mail.ru)*

Formation of the Global Normative System and Modern Economic World order

Abstract. The article deals with the author's concept of the Global Normative System intended to ensure order within the conditions of a new sustainable world order just being formed.

The image of the modern world is determined by two processes that have primarily covered the global economy: globalization and regional integration; they radically change the current world order. Here the question arises: how are these processes reflected in law (domestic law of the states and international law) - in the legal superstructure over the real relations at all levels and in all subsystems?

The concept of the Global Normative System is a predictive model of interaction between national legal systems and international law. On the one hand, the states implement the rules contained in international treaties in domestic law (with the primacy of implemented international rules); on the other hand, they transfer a part of their sovereign competence to international organizations - the structures often vested with the right of supranational regulation.

The intertwining of the norms of domestic law and international law is turning into an inseparable duality: global law. Nowadays each lawyer should possess knowledge of the rules of domestic law in symbiosis with those of international law; in other words, all lawyers should be experts in global law.

Regional integration processes have led to the creation of an international legal institution - the integration law with elements of supranational regulation embedded therein. As a result, the duality of national legal systems and international law is turning into a trinity of national legal systems, international law, and integration law.

Keywords: international law, domestic law, global law, supranational law, transnational law, soft law, globalization, regional integration, legal order, world order.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-225-243>

Introduction

The Modern World Order is changing beneath our very eyes (and this is already an indisputable fact). All components of the international system such as an object, subject, regulatory, functional, and ideological ones, are at the stage of transformation to some extent. The changes affect all major subsystems such as military and political, economic, and socio-cultural ones with varying speed. Interaction and competition among the states are perhaps most visible today in the sphere of the world economy where two mechanisms - globalization and regional integration, are a part of the overall picture of the world, intersperse, overlap, or act autonomously as if competing with each other.

Both phenomena (globalization and regional integration) are well enough studied and described in the scientific literature [1]. From an economic point of view, these processes ensure a certain benefit in international competition; and the states participate in globalization and integration processes using them as methods to achieve their goals and meet strategic interests.

The following questions naturally arise: how do national legal systems and international law "respond" to globalization and integration processes; which systemic interrelation, in general, is between law and international system (as well as the international economic system derived from it)? The article reveals the essence of one of the international system components, such as the regulatory component in the context of the economic world order.

Methodology

The methodological foundations of scientific work were methods of analysis and synthesis (general scientific and general philosophical methods); the method of critical analysis of sources (a key method for conducting a case study in jurisprudence); historical method (study of the history of a phenomenon to understand its essence); dialectical method (the development of phenomena is considered as a dialectical process); system-structural approach (the object of study is considered as an integrated system with a certain structure); interdisciplinary approach (when conducting a study of the object of study, data from related disciplines are involved, for example, the theory and history of state and law, international public and private law).

Discussion

The notion of the normative superstructure. Law (and international law) norms can be represented as a kind of "superstructure" over real life: domestic law (national legal systems) serves as the main regulator at the intrastate level, and international law (together with all branches/institutions thereof) is the main regulator in interstate relations. The law governs the international economic system and subsystems and sectors thereof; it directly regulates all types of relations existing therein and ensures the required order at different levels of relations. At the same time, the law is constantly changing being under influence of impulses coming from the system: the subject of regulation, scope, and extent of legal rights and

obligations are expanding, regulatory methods are alternating, legal ideology is changing, and complemented and, it's especially important, interconnections between national legal systems and international law are strengthening.

However, the regulatory component of the international system consists not only of legal norms but also of norms that are not legal ones. What's the difference between legal and non-legal norms? In national law, the relevant state authorities establish legal norms containing the will of the state and supported by the power of the state. In international law, the norms are primarily established by agreement of states (either explicit or "implicit" one, i.e. by international legal custom); they reflect the general consensus of two or more states and are supported by international legal responsibility in case of violation thereof (mostly in the form of countermeasures).

Non-legal norms are the norms as well; they also contain rights and obligations; they affect the subjects' behavior but do not express the will of the state: somebody else's will is mainly concentrated therein - that of societies and various social groups; violation thereof is followed by relatives' blame, unfavorable opinion of a violator, etc. Such norms include norms of morality, religious norms, and norms established by different communities within the framework of what is permitted by domestic law. At the international level, these are norms of international morality, international religious norms; rules resulting from informal decisions of international organizations, and political norms contained in the acts of such structures as the "Big Twenty" and "Big Seven".

Thus, the key difference between

legal and non-legal rules is in the presence or absence of the state will, the degree of such rules' binding power, in "hardness" or "softness" thereof, and consequences in case of violation thereof. That's why non-legal norms are often called "soft law" [2] - a sort of pre-law because this is not a law in fact. The states ever more intentionally use law and soft law as methods of regulation. The modern stage of transformation of the international system and international order of law is characterized by the strengthening of the role of soft law; besides, the interrelation between law itself and soft law is strengthening as well. Such a symbiosis in the international system is no longer just a legal but a normative system. Thus, the rules of international law and non-legal norms (soft law) appear as a normative superstructure on the reality of international-interstate relations, including that in globalization and regional integration processes.

It is logical to assume that globalization, in reality, can result in the formation of a global economic space and after all that of a "global social system", even if it consists of different-type parts with opposing and competing interests. A normative superstructure is a necessary tool required for regulating relations along this way; it ensures the system's development while maintaining an acceptable world order.

Global law system. One should see that the international system consists of a great number of subsystems and in each of them "globalization" occurs by different methods with different speeds and different scopes of relations. In this sense the "international economic system" (and, in their turn, subsystems thereof:

“international trade system”, “international financial system, and “international investment system”) advanced far and most obviously.

In the legal sense, globalization is developing in several ways: through the universalization of international legal regimes, and the creation of global structures for relationship management in the international system (the International Monetary Fund, the World Trade Organization, etc.). Regional (and interregional) economic integration can be represented as a “lower level” of globalization where there is also universalization of international legal regimes and creation of regional structures for integration management. The difference is that in the sphere of trade, investment, and labor migration the barriers are removed faster and more efficiently in the framework of integration associations than in the framework of globalization. At the same time, national, group, and civilization peculiarities of the countries participating in integration are considered to the great extent. Hence the competitive effect between globalization and regional integration arises. Establishing ties between integration associations themselves is also one of the ways of globalization but a detour and a longer one.

Of course, the normative superstructure, through which the states manage real processes, responds to changes in realities: on the one hand, it is also globalizing; on the other hand, international legal regimes are differentiated depending on a region, on a civilization space, fixation on one or another structure or organization; this happens in different ways in different sectors of the international system [3].

At the same time, there are processes of strengthening interconnections and interdependence between national legal systems and international law. In the national legal systems of a number of states, there is a tendency to convergence of Anglo-Saxon and Roman-German legal systems; many national legal systems take rules from the other legal systems which are close in ideology. In general, there has been an active process of unification (harmonization) of all domestic legal systems. And this process is largely stimulated by international law: multilateral rules of dozens of treaties. For instance, the Marrakesh Agreement on Establishing the WTO, directly stipulates adaptation of the member states internal law rules to requirements of the WTO agreements; in fact, the institution of the WTO law acts as a gigantic mechanism for unification and harmonization of the member states internal law with regard to foreign trade and related issues. Today it is impossible to be a lawyer in the field of foreign trade without knowing the rules of domestic and international law (the WTO law) in their interrelation and interaction.

Strengthening interrelations between the states' domestic law and international law occurs in two directions: on the one hand, the states transfer more and more new issues from domestic jurisdiction to international legal regulation; on the other hand, the international law rules are widely incorporated into domestic law, and such rules enjoy primacy on the whole in the national legal system. In a number of states, the rules of international treaties are incorporated into the national legal system directly by Constitution (including Russia); but in the case of a conflict between an international conventional rule

incorporated into domestic law and a national rule, primacy is given to the international conventional rule (with some exceptions relating to public order).

At the same time, the states actively transfer a part of their competence to some organizations, especially to organs of integration associations with supranational functions. For instance, Russia has transferred a part of its competence in customs regulation of import/export and taking tariff and non-tariff measures in foreign trade to the Eurasian Economic Commission, the executive body of the Eurasian Economic Union (as the other EAEU member states have already done).

When extrapolating these processes and trends into the future, the obvious conclusion offers itself: some global law - an inseparable duality of the rules of national and international law, is being formed. Today it is already impossible to separate international legal rules and the corresponding rules of domestic law in law enforcement process and legal regulation of specific relations (for example, in the sphere of foreign trade). There are plenty of examples of such interlacing and merging of rules and institutions of international and domestic law.

If we look at global law in conjunction with legal regimes, legal relations, law order, legal ideology, etc., we'll see a picture of the Global Law System: the sphere of all legal tools and methods of influence on reality for regulating social relations within and outside the state territory. The global law system is still being formed having misty outlines visible not to everyone. It is a hierarchical one and ensures (it should ensure and will ensure) orderliness of relations and systemic functioning of all the

states and societies in the world and the entire world order.

And if we add the other norms mentioned above to the Global Law System, then the picture becomes wider, and we can speak of the Global Normative System.

Only the United States' practice on extraterritorial application of domestic law and court decisions contradicts this picture; this country prefers to regulate relations requiring international legal regulation: bilateral, multilateral, or universal, unilaterally. This practice leads to the replacement of the rules of international law by unilateral regulation of international relations using the national rules of one of the states considering itself as an "exclusive" state. Such practice as well as the ideology embodied therein, and political & legal position led to the spreading of international legal nihilism and disorganization of the international legal order. And it is hardly to prevent in such a way the transformation of the international system into a multipolar world that already exists. The contours of the new globalized world order based on multipolarity are already evident.

The picture of the Global Normative System will not be complete without two more phenomena included in it which are conventionally called "supranational" [4] and "transnational law" [5]

Supranational law. The phenomenon of supranational arises when a certain will, which is above the will of a sovereign state, is laid down and/or manifested in the rule. Normally, the point at issue is the will of some international organizations or the bodies thereof possessing necessary powers within the

framework of their legal personality (the International Monetary Fund - IMF, UN Security Council, etc.). Thus, some IMF bodies, in certain situations stipulated, have the right to make decisions that are binding for a member state even if this state voted against the decision or did not agree therewith. It is assumed that by entering the IMF, the state consciously allowed such a situation of submission to the will of an organization (the bodies thereof). The signs of supranational are also present in the bodies of regional integration associations: in the European Union (EU); the Eurasian Economic Union (EAEU), etc. The "supranational" nature of the EU law order can be seen, for example, in the right of the bodies thereof to issue imperious acts of direct application binding for EU member states and citizens thereof and having priority over domestic law; as well as to make decisions (on a number of issues) not by consensus but by the vote of a majority. At the same time, EU functionaries act in their own names and are not in the service of any state.

Thus, the supranational law is a secondary law "born" on the basis of international treaties (charters of international organizations). However, this law is so remarkable and significant that it may change quality of international law itself. The supranational law can be considered as a system of relevant norms (a normative set) and at the same time as a regulatory method. In order to jointly ensure the uniform regulation of a certain area of life, it is sometimes better to choose not "just" international legal regulation but a method/mean of "supranational" regulation being to an extent independent of the states' initial will. Not all international organizations have the right

to make decisions of a supranational nature; there are not so many organizations like that but the existence thereof (and the growing number thereof) is evidence of important processes in the international legal and institutional ensuring the world order, no matter how complicated it is. It can be noted that supranational is consciously and purposefully used by the states as a method of regulation when it is beneficial.

It appears that some constructions, normative sets, categories, and international law regimes existing in international life possess some kind of supranationalism: autonomy of existence independent of the will of a separate state. It looks like such phenomena include, for instance, the set of norms *jus cogens* (having the nature of obligations *erga omnes*), the international legal regime of the "common heritage of mankind", "special drawing rights" (SDR) scheme in the IMF law and the ideas of a world currency. All these are additional rudiments of the Global Law (and Normative) System since they continue to strengthen the duality of international law and internal law of the states.

Probably, the global law can be considered as more or less finally formed only when the international community of states (and/or that of nations) is legally recognized as an independent subject of law and a bearer of the common will of all Earthmen and a common legal consciousness; though this is a distant prospect and it is theoretically possible only when a new polycentric and stable world order is finally formed on the basis of integration associations economic base. In such conditions, international law and national legal systems would become

multi-level “legal branches” and “institutions” of global law. And then the entire social system of one universal civilization (all civilizations) would appear as an object of regulation.

The supranational regulation introduces some subordinate elements into international law, and this increases the effectiveness of the normative superstructure. But there arise the following questions: ‘Who is benefiting the most from it today?’; ‘Whose interests does this method of regulation secure most of all’ and ‘Whose interests may be infringed?’

Perhaps, in the future, the structure of global law will resemble that of the European Union (EU) law. The EU law order is based on several normative sets: international law, the national law of EU member states, and the rules contained in EU bodies’ acts having supranational nature. The EU law is, to a certain extent, a regional “slice” (a model or a standard form) of the future global law. A similar structure is gradually taking shape in the EAEU law. The emergence of special systems of integration law (law of integration associations), in which the elements of supranational regulation are deeply embedded, also serves to form the Global Normative System. Thus, the law of various integration associations (another regulatory tool used by states on a collective basis [6]) has emerged and is developing in the Global Normative System along with domestic law and international law.

The duality of national legal systems and international law turns into a trinity of national legal systems, international law, and integration law (with supranational regulation).

Transnational law. Some attention should be paid to another legal phenomenon – the so-called “transnational law”, directly related to the Global Normative System. There are Russian and foreign scientific sources that deal with various concepts of transnational law and even completely deny the existence thereof [7]. Much depends on what we understand by “transnational law” and how to regard it.

For example, the codification acts of the International Chamber of Commerce are widely known regarding the following: interpretation of trade terms (“Incoterms”) and the rules for individual banking operations and interbank relations of an international character. The acts contain formulations of customs and rules developed by participants of relations – business entities of different countries. Exporters, importers, and banks include specified norms (or references thereto) in contracts and interbank agreements. It turns out that business entities of many countries conduct their activities and build relations with each other according to certain rules the source of which are business entities themselves.

On the one hand, it seems that these rules are neither a part of international law nor that of the internal law of states however breach of international contracts or interbank agreements may lead to arbitration or state court procedures. It looks like such rules emerged in the course of relations not regulated either by domestic or international law (i.e., where there are legal gaps) or regulated in both systems by a generally permissive method based on the principle “all is freely permitted except what is specifically prohibited”. In order to give a needed

degree of order to mutual relations, some private persons from different countries filled the gaps and the space of “universal permission” with their own specific rules. But on the other hand, these rules are as if sanctioned (permitted and protected) by domestic and/or international law and in this capacity they may (in some cases) be a part of either domestic or international law. Often the rules contained in the codification acts of the International Chamber of Commerce are incorporated in one or another form into the domestic legislation of states. At any rate, the coordinated will of private persons from different countries is laid down in such rules and this is by which they differ from the rules of domestic law and those of international law.

It is proposed to call such a normative set as the transnational law. The essence thereof is that private entities (mainly multinational enterprises, banks, and stock exchanges) of different countries create their own rules for mutual relations at bilateral and multilateral levels and their own (autonomous) order. This normative set exists as if “between” domestic and international law and its effects on them, receives certain impulses from them, and additionally connects these two systems. The set of transnational rules in the sphere of international trade is indicated by the term ‘*lex mercatoria*’. A similar set in the financial sphere could be indicated by analogy as ‘*lex finanziaria*’, and in the investment sphere - ‘*lex investionis*’. These all are “institutions” of transnational law. There are many such regulatory sets in other spheres of international communication between business entities and their associations. Certain relations in global and regional goods and service markets (for instance, oil, gas, and diamond

business, aviation services, etc.) are to some extent regulated with the help of the rules of transnational law. And how can be considered the rules by which the London Club of Creditors or the international community of private banks within the framework of the Society for Worldwide *Interbank Financial Telecommunications* (SWIFT) created thereby are governed? The European transnational banks have agreed upon the rules for combating “dirty money” laundering (this problem is also solved both within the framework of domestic and international law). Transnational exchange houses agree on the procedure of securities operations in the national markets of different countries.

In the international investment system, “diagonal relations” (relations between a foreign investor and a receiving state) are subject to the jurisdiction of the receiving state’s domestic law. Investors (business entities) conclude not only production-sharing contracts with states but also agreements for the provision of syndicated loans, agreements on debt repayment, agreements on the purchase of national enterprises shares, agreements on exclusive rights (such as for instance, the agreement between De Beers, the transnational corporation (TNC), and Botswana according to which the company received the right to purchase diamonds mined in Botswana). It can be assumed that some issues of diagonal relations being beyond domestic legal regulation are also subject to transnational law.

The states combat some normative regimes based on the rules of transnational law or restrict the liberty of action and permits for individuals in their international relations. The point at issue, for instance, is business entities’ “offshore

activity" or the issue of "transfer prices".

Transnational law can be also considered both ways: on the one hand, as a normative set; on the other hand, as a regulatory method. The states manipulate methods of regulation choosing the best one for each case to meet their interests and, in case of necessity, strengthen the state and interstate regulation or, to the contrary, carry out deregulation leaving gaps that are filled by the order established by business entities themselves (individually or jointly). Deregulation usually clears the way for strong transnational corporations, and they take control of a particular sector, or market, into their own hands.

The range of issues subject to regulation in the framework of transnational law is not limited to economic issues and private law. The fact is that within many developed countries the processes of redistribution of internal competence are taking place: the central authorities transfer a significant part of its competence "downwards" - to administrative units and federal subjects and then - to local authorities. Among other things, the right to perform relations of international character regarding agreed issues is also transferred. Administrative units, federal subjects, and municipal authorities of different countries strengthen their interrelations and conclude at their level the relevant agreements within the framework of liberty of action provided. It appears that some rules which will be created by participants in such relations to ensure interaction can be considered as the rules of transnational law and in this case, the subjects of this law will not be private but public entities: bodies of administrative units, federal subjects, and municipalities.

This is another sphere of regulation that is actively developing and thereby enriching the forming of the Global Normative System.

Thus, the Global Normative System is not only an inseparable trinity of the rules of national law (constantly unified and harmonized through different channels), the rules of international law, and those of integration law; the rules of soft law and two autonomous methods of the regulation (supranational and transnational regulation) are interwoven into it together with the sets of relevant rules.

Results

International economic order. The modern world order is formed as a result of the Global Normative System functioning. These two concepts are inextricably linked: the Global Normative System affects the world order realities, and its development is adequate for the transformation of the world order. Today the world order transformation covers all levels: national, local, regional, interregional, and global as well as all civilization spaces.

Alongside the normative aspect of the international economic order, it should put emphasis on the institutional aspect: various international organizations, para-organizations, and other organizational structures.

What picture can we observe today in terms of the economic world order?

In the international trading system, the main normative instruments are the WTO (the World Trade Organization) agreements. Within the framework of the WTO law, an ideology of eliminating barriers to goods and services and creating

a global free trade zone is carried out; a certain hierarchy of agreements' rules is set; the requirement to the adaption of the member states' internal law to the WTO rules is set; the entire WTO system has been turned into a giant mechanism for unifying the internal law of the member states; a special (preferential) legal regime for developing and least developed countries is established. Many rules and institutions of the WTO law are becoming imperative or "cogent" (i.e. they acquire the power of *jus cogens* rules); it can be assumed that the imperative nature has acquired the most-favored-nation principle in trade, with all inherent exceptions thereof. In the WTO law, a large set of procedural rules is emerging, and elements and techniques of precedent law are becoming strong (the influence of Anglo-Saxon law). On the one hand, the WTO law development is an objective process but on the other hand, it is a dirigible one. The WTO system itself is an example of transfer, as for regulatory methods, from bilateral trade agreements to the multilateral General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), 1947, and then to the universal international legal regime of the WTO agreements (1994-1995).

At the same time, the WTO law has remained quite a "deficient" one built on the "exceptions to exceptions" principles which allow competing states to ignore "sensitive" rules when necessary and find justifications for evasion of the WTO law rules and spirit; in practice, this is manifested in the form of so-called economic "sanctions" and unilateral protectionist measures.

The agreements' legal regulation in the international trading system is complemented by international legal customs, rules of soft law, transnational

law, and unilateral regulation.

Some agreements are functioning beyond the legal regime of the WTO agreements, namely: international (multilateral) commodity agreements (on coffee, cocoa, sugar, etc.) and the International Arms Trade Treaty entered into force in 2014. Besides, the important acts containing soft law rules were adopted within the framework of UNCTAD, e.g. the Principles of International Trade Relations and Trade Policies Promoting Development (1964); the General Assembly resolution, 1974, containing the text of the Charter of Economic Rights and Duties of States, was adopted in the framework of the United Nations.

A number of treaties are aimed at creating various integration associations having one or another legal form: from free trade zones and customs unions to economic unions and single economic areas. There is not a single continent where integration associations of different advanced levels would not exist [8]. Many integration associations use the elements of supranational regulation. It is interesting that the method of supranational regulation is used in the framework of European integration (in the EU) but it is not used in the framework of the North American free trade zone (today it is USMCA and earlier - NAFTA). The ties between the integration associations themselves are being strengthened. The tendency to create interregional (sub-global) partnerships with a comprehensive international legal regime of eliminating barriers to trade is becoming noticeable in investment, financial, migration, and other areas. Russia, for instance, is implementing the idea of a "turn to the East" – a creation of the Great Eurasian Partnership, which would cover

major integration projects in the Asia-Pacific zone including the EAEU. It seems that by creating such partnerships, the participating states concentrate “economic power” on future “poles” in the new world order.

In the international financial system, the decisive universal act is the Charter of the International Monetary Fund (IMF) the rules of which ensure the equilibrium in the member states balances of payments and the relative stability of exchange rates. The key task is to prevent barriers and obstacles in making payments in foreign trade. The requirements of the IMF Charter are to some extent reflected in the internal law of the member states.

Many other treaties regulate interstate monetary, currency, payment and settlement, credit, budget, debt, and tax relations, the states’ fight against criminal money laundering, and measures preventing global financial crises. The new international legal institution - international financial law, is practically formed [9]. The important acts are adopted within the framework of the International Bank for Reconstruction and Development (IBRD) and the system thereof (e.g. relating to official assistance to developing and least developed countries); Special Financial Commission on Money Laundering Issues (FATF); Bank for International Settlements (BIS), etc.

The activity of the Bank for International Settlements is drawn attention by the fact that it is, in its status, the bank of central banks. On the one hand, the central banks in many countries are state bodies but on the other hand, they are entitled to conduct financial transactions on a commercial basis like any private commercial bank. It can be assumed that

BIS is a sui generis international organization and the legal relations between central banks are sui generis international legal relations. Under the auspices of BIS, the acts called Basel 1, Basel 2, and Basel 3 are adopted which contain requirements for banks-operators in the participating states. The rules of these acts are as a rule implemented in domestic law according, on the whole, to instructions of the central banks and/or laws. A kind of distribution of competence between IMF and BIS has formed: IMF regulates balances of payments and exchange rates; BIS formulates requirements for domestic banking systems concerning payment and settlement and credit activities.

The process of removing barriers in the global financial services sector - services provided by banks and insurance companies, are regulated by the General Agreement on Trade in Services (GATS) being a part of the WTO package of agreements.

Internationalization of the use of checks and bills of exchange in international settlements led to the emergence of the Geneva Conventions of 1930 and 1931 which established uniform laws on bills of exchange and checks as well as the UN Convention on International Bills of Exchange and Promissory Notes, 1988 (not yet in force).

The creation of payment and currency unions becomes a characteristic phenomenon at the level of integration associations. Prerequisites for the emergence of new reserve currencies, collective payment and settlement, and currency units competing with the euro and dollar are created within such unions. It is clear that the international financial system is not without “sanctions”, various “credit

embargoes” and other instruments of discrimination and unfair competition.

The transnational sphere of relations is noticeable in the international financial system. For example, the International Chamber of Commerce regularly issues updated “unified rules” on interbank settlements. The special international telecommunication system SWIFT has been created and is functioning to speed up the transfer of banking (financial) information. The transnational payment systems (such as VISA, MasterCard, and MIR) take a special place. The plastic cards’ standard parameters are developed by ISO (the International Organization for Standardization), a specialized non-governmental organization. The banks in different countries interact with each other in the European private credit market entering into agreements on syndicated loans based on the rates formed on the London Stock Exchange. In the event of a debt problem, debtors and creditors act according to the London Club of Creditors rules.

Thus, the international financial system also has all the features inherent to the process of forming a new economic world order.

The international investment system is developing in a similar direction with the same regularity and trends. Though, it has no universal agreements that would regulate a fairly wide range of investment issues. The Multilateral Investment Agreement (IAS) which was developed within the framework of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) could be such an act, but the work thereon was discontinued in 1975 due to serious dissents.

Earlier, the Washington Convention

on settlement of investment disputes between the state and individuals or legal entities of other states was adopted in 1965 and then in 1985 - the Seoul Convention on the basis of which the Multilateral Investment Guarantee Agency (MIGA) was established and the Agreement on Trade-Related Investment Measures (TRIMS) was concluded as a part of the WTO package of agreements. Investment aspects appear in some multilateral sectoral acts such as the Energy Charter Treaty (ECT).

Bilateral and regional/interregional agreements prevail in the international investment system. The treaties establish principles of admission to and stay of foreign investments/investors in the territory of the member states, the details of the implementation of large investment projects with the participation of states, etc. The regulation of investment issues in integration associations is the most specific and detailed one; within the framework of associations, free investment zones are created and the principle of granting national treatment to foreign investments and investors is more strictly approved. The domestic law of the participating states has implemented international rules relating to foreign investments; the relevant laws are adopted or amended for the purpose of harmonization.

The abundance of rules relating to interstate cooperation in this field allows stating the existence of the international legal institution of “international investment law” [10]. International investment law regulates interstate relations regarding the admission, protection, and guarantee of foreign investments in the territory of the receiving state; those relating to domestic legal regimes concerning things and persons in

the investment field, fundamentals of international investment law order as well as the rules and investment disputes settlement procedures.

The method of transnational regulation remains now a notable method of regulation in the international investment system. Soft law is actively used. All the main elements of the Global Normative System being under formation also provide the international order in the investment field.

Conclusion

Thus, the Global Normative System consists of a set of elements, phenomena, and processes, and it is being formed due to the strengthening of interconnections between thereof which is a common pattern of the entire international system in the era of globalization.

Nowadays, the whole international system is in motion: this is not just a state of functioning but a state of development. Among all the subsystems, it is international economic relations are in the foreground of the renewal of the world order that is vividly reforming. The politico-military factor looks rather like a secondary one: it largely serves the fundamental economic interests of the most influential developed countries.

Here we cannot but mention the question asked by V.D. Zorkin, the Chairman of the Constitutional Court of

Russia: "In what world order do we live now? Do we live according to Yalta-1945 laws in the broadest understanding thereof?" [11]. The question concerns the fate of the international legal foundations of peaceful coexistence of states on Earth – the world order built around the United Nations (UN) system. It seems that the new world order is quite compatible with UN role and the Charter thereof (provided a certain reform of the UN system and a number of other international organizations, in particular, WTO).

Knowing the structure and essence of the Global Normative System, the state apparatus of any country can more accurately and selectively influence the elements thereof in order to regulate corresponding relations, solve urgent issues, and achieve goals more effectively. As a result, globalization and integration processes are becoming more manageable. Many states should learn the focused use of law and regulatory methods as a means of foreign policy.

A diversity of regulatory regimes with regional and civilization features of peoples and continents will be formed on equal footing within the framework of future global law order.

Higher Education Institutions (Universities) in developed countries need to train integrated lawyers possessing comprehensive knowledge in the regulatory sphere.

References

1. Azroyants, E.A. Globalization: Catastrophe or a Way to Development? Modern Tendencies of World Development and Political Ambitions. – M.: Novy Vek, 2002, 416 p.; Voronina, T. International Economic Integration. Parts 1, 2. – M: LAP Lambert Academic Publishing? 2014– 172 p., 164 p.; Globalization and Integration Processes in the Asia-

Pacific Region (Legal and Economic Research): Joint Monograph. / Edited by Khabrieva T.Ya.. - M.: Infra-M, 2017. – 332 p.; Delyagin, M.G. World Crisis: General Theory of Globalization. – M.: Infra -M, 2003, 768 p.; Dolgov, S.I. Globalization of Economy: a New Word or a New Phenomenon? – M.: Ekonomika, 2008, 246 p.; Doronina, N.G. The Legal Model of Economic Integration in Latin America. Monograph. – M.: Infra-M, 2017. – 168 p.; Lykov, A.Yu. The World State as the Future of International Community: Monograph. – M.: Prospekt, 2013, 248 p.; Russia in Modern Integration Processes: Joint Monograph / Edited by Afontseva, S.A., Lebedeva, M.M. - M.: MGIMO-University, 2014. – 312 p.; International Relations Theory: Textbook. / Edited by Tsygankova, P.A. – M.: Urait, 2015, 316 p.; Chumakov, A.N. Globalization. Contours of Holistic World: Monograph. – M.: Prospekt, 2005, 432 p.

2. Khalafyan, R.F. Concept of “Soft Law” in International Legal Doctrine // Eurasian Law Journal, 2012, No. 2; Jean d’Aspremont. Softness in International Law: A Self-Serving Quest for New Legal Materials. // The European Journal of International Law, vol. 19, no. 5, 2008, p. 1075-1093

3. Baildinov, E.T. In Search of a Model of More Harmonic and Fair World Order: Concept of Universal Law. // Current Issues of Modern International Law: Materials of the Xth Annual Russian Scientific and Practical Conference: in 2 parts – Part 1. / Edited by Abashidze, A.Kh., Kiseleva, E.V. – M.: RUDN, 2012. P.78-86; Bogatyrev, V.V. Globalization of Law. Author’s Abstract of Thesis for Doctor of Law degree. – Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service. 2012; Zorkin, V.D. Law in the Conditions of Global Changes: Monograph. – M.: Infra-M. 2013. 496 p.; Korshunov, A.N. The Idea of Global Law: Philosophical and Methodological Aspects. Author’s Abstract of Thesis for Ph.D. degree in Philosophy. – Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2010. 27 p.; Marchenko, M.N. State and Law in the Conditions of Globalization. – M.: Prospekt. 2015. 400 p.; Moiseev, A.A. State Sovereignty in Modern World. International Legal Aspects. – M.: Nauchnaya Kniga. 2006. 246 p.; Seidov, A.V. International Law in the Era of Globalization. Evolution of the Concept of State Sovereignty: Monograph. – M.: Nauchnaya Kniga. 2005. 154 p.; Ursul, A.D. Global Dimension of Law. // Legal Research. 2012. No 5. P. 25-48; Farkhutdinov, I.Z. International or Global Law? // International Lawyer. 2004. No. 4. P. 12-31.

4. Moiseev, A.A. Interrelation between Sovereignty and Supranationalism in Modern International Law (in the context of globalization). Thesis for Doctor of Law degree. // Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – M. DA MID RF, 2007

5. Bakhin, S.V. Sublaw (International Body of Unified Contract Law). – S.-Petersburg State University. 2002. P. 305; Berandze, M.R. Concept of Transnational Law in International Law: Thesis for Ph.D. Law degree. – M.; RUDN, 2010

6. Kashkin, S.Yu., Chetverikov, A.O. Fundamentals of Integration Law. – M.: Prospekt, 2014. – 224 p.; Bekyashev, K.A., Moiseev, E.G. Law of the Eurasian Economic Union. – M.: Prospekt, 2015. – a 160 p.

7. Veliaminov, G.M. International Law: Experiences. – M.: Statut, 2015. – P. 24

8. Bartels L., Ortini F. Regional Trade Agreements and the WTO Legal System. – Oxford University Press, 2006; Bhagwati J. Termites in Trading System: How Preferential Agreements Undermine Free Trade. – Oxford University Press, 2008

9. Shumilov, Yu.V. Evolution of International Financial Law in View of Global Financial and Economic Crises of 2008-2010. // Thesis for Ph.D. Law degree - M., RUDN, 2010; Buckley R.P. The International Financial System: Policy and Regulation // Kluwer Law International. 2009; Davies H., Green D. Global Financial Regulation. // Polity. 2008; Giovanoli, M. International Monetary Law: Issues for the New Millennium // Oxford University Press. 2000; Joseph J. Norton. International Financial Law, an increasingly important component of International Economic Law // Michigan Journal of International Law. Winter 1999

10. Farkhutdinov, I.Z. International Investment Law and Process. - M., 2010; Trapeznikov, V.A. Currency Regulation in International Investment Law. - M., 2008; Newcombe A., Paradell L. Law and Practice of Investment Treaties: Standards of Treatment, Kluwer Law International, 2009; Sornaraja M. The International Law of Foreign Investment, London, 1994

11. Zorkin, V.D. Law against Chaos: Monograph / 2-d edition. – M: Norma: Infra-M, 2018. – 368 p., page 9

В.М.Шумилов¹, Қ.С.Мәуленов², Б.Н.Мәуленова³

¹Бүкілресейлік сыртқы сауда академиясы Ресей Федерациясының Экономикалық даму министрлігі, Мәскеу, Ресей

²Халықаралық ақпараттық технологиялар университеті, Алматы, Қазақстан

³Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

Жаһандық реттеу жүйесінің және қазіргі халықаралық экономикалық құқықтық тәртіптің қалыптасуы

Андатпа. Мақалада қалыптасып келе жатқан жаңа тұрақты әлемдік тәртіпте тәртіпті қамтамасыз етуге арналған Жаһандық нормативтік жүйенің авторлық тұжырымдамасы талқыланады.

Қазіргі әлемнің бейнесін ең алдымен жаһандық экономиканы қамтыған екі процесс анықтайды: жаһандану және аймақтық интеграция; олар қазіргі әлемдік тәртіпті түбегейлі өзгертуде. Бұл жерде сұрақ туындайды: бұл процестер құқықта (мемлекеттердің ішкі құқығы мен халықаралық құқық) – барлық деңгейдегі және барлық ішкі жүйелердегі нақты қатынастарға қатысты құқықтық қондырмада қалай көрініс табады?

Ғаламдық нормативтік жүйенің тұжырымдамасы ұлттық құқықтық жүйелер мен халықаралық құқықтың өзара әрекеттесуінің болжамдық үлгісі болып табылады. Бір жағынан, мемлекеттер халықаралық шарттарда қамтылған нормаларды ішкі құқықта жүзеге асырады (іске асырылатын халықаралық нормалардың басымдылығымен); екінші жағынан, олар өздерінің егемендік құзыретінің бір бөлігін халықаралық ұйымдарға –

көбінесе ұлттықтан жоғары реттеу құқығы берілген құрылымдарға береді.

Ішкі құқық пен халықаралық құқық нормаларының тоғысуы ажырамас екіжақтылыққа айналады: жаһандық құқық. Қазіргі уақытта әрбір заңгердің халықаралық құқық нормаларымен симбиоздағы ішкі құқық нормаларын білуі керек; басқаша айтқанда, барлық заңгерлер жаһандық құқықтың сарапшысы болуы керек.

Аймақтық интеграциялық процестер халықаралық-құқықтық институттың құрылуына әкелді - онда ұлттықтан жоғары реттеу элементтері енгізілген интеграциялық құқық. Нәтижесінде ұлттық құқықтық жүйелер мен халықаралық құқықтың екі жақтылығы ұлттық құқықтық жүйелердің, халықаралық құқық пен интеграциялық құқықтың үштігіне айналады.

Түйін сөздер: халықаралық құқық, ішкі құқық, жаһандық құқық, ұлттан жоғары құқық, трансұлттық құқық, жұмсақ құқық, жаһандану, аймақтық интеграция, құқықтық тәртіп, әлемдік тәртіп

В.М.Шумилов¹, К.С.Мауленов², Б.Н.Мауленова³

¹Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия

²Международный университет информационных технологий, Алматы, Казахстан

³Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Формирование Глобальной нормативной системы и современный международный экономический правопорядок

Аннотация. В статье рассматривается авторская концепция Глобальной нормативной системы, призванной обеспечить порядок в условиях только формирующегося нового устойчивого мирового порядка.

Образ современного мира определяют два процесса, в первую очередь охватившие глобальную экономику: глобализация и региональная интеграция; они радикально меняют нынешний мировой порядок. Здесь возникает вопрос: как эти процессы отражаются в праве (внутреннем праве государств и международном праве) - в правовой надстройке над реальными отношениями на всех уровнях и во всех подсистемах?

Концепция Глобальной нормативной системы представляет собой прогностическую модель взаимодействия национальных правовых систем и международного права. С одной стороны, государства реализуют нормы, содержащиеся в международных договорах, во внутригосударственном праве (при приоритете имплементированных международных норм); с другой стороны, они передают часть своей суверенной компетенции международным организациям - структурам, зачастую наделенным правом наднационального регулирования.

Переплетение норм внутригосударственного права и международного права превращается в неразрывную двойственность: право глобальное. В настоящее время

каждый юрист должен владеть знанием норм внутригосударственного права в симбиозе с нормами международного права; другими словами, все юристы должны быть экспертами в области глобального права.

Региональные интеграционные процессы привели к созданию международно-правового института - интеграционного права с заложенными в нем элементами наднационального регулирования. В результате двойственность национальных правовых систем и международного права превращается в триединство национальных правовых систем, международного права и интеграционного права.

Ключевые слова: международное право, внутреннее право, глобальное право, наднациональное право, транснациональное право, мягкое право, глобализация, региональная интеграция, правовой порядок, мировой порядок.

Список литературы

1. Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. - М.: Новый век, 2002, 416 с.; Актуальные проблемы глобального управления: «Группа восьми» и международные многосторонние институты. Аналитический сборник / Под редакцией М.В. Ларионовой. - М.: Университетская книга, Логос, 2007, 384 с.; Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. - М.: Инфра-М, 2003, 768 с.; Долгов С.И. Глобализация экономики: новое слово или новое явление? - М.: Экономика, 2008, 246 с.; Лыков А.Ю. Мировой государством как будущее международного сообщества: монография. - М.: Проспект, 2013, 248 с.; Теория международных отношений: учебник. / Под редакцией П.А. Цыганкова. - М.: Юрайт, 2015, 316 с.; Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. - М.: Проспект, 2005, 432 с.

2. Халафян Р.М. Концепция международного «мягкого права» в международно-правовой доктрине //Евразийский юридический журнал. 2012. N2. С.35-38; Jean d'Aspremont. Softness in International Law: A Self-Serving Quest for New Legal Materials. // The European Journal of International Law, vol. 19, no. 5, 2008, p. 1075-1093

3. Байльдинов Е.Т. В поисках модели более гармоничного и справедливого мироустройства: концепция всеобщего (универсального) права // Актуальные проблемы современного международного права: материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. - Ч. 1. / Под редакцией А.Х.Абашидзе, Е.В. Киселева. - М.: РУДН, 2012. С.78-86; Богатырёв В.В. Глобализация права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. - Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. 2012; Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. - М.: Инфра-М. 2013. 496 с.; Коршунов А.Н. Идея глобального права: философско-методологические аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. - Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2010. 27 с.; Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. - М.: Проспект. 2015. 400 с.; Моисеев А.А. Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты. - М.: Научная книга. 2006. 246 с.; Сеидов А.В. Международное право в эпоху глобализации. Эволюция

концепции государственного суверенитета: монография. - М.: Научная книга. 2005. 154 с.; Урсул А.Д. Глобальное измерение права // Юридические исследования. 2012. № 5. С. 25-48; Фархутдинов И.З. Международное или Глобальное право? // Юрист-международник. 2004. № 4. С. 12-31.

4. Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве: в контексте глобализации. Автореф. дис. д.ю.н. М. 2007. С.43

5. Бахин С.В. Субправо (международные своды унифицированного контрактного права). - СПбГУ. 2002. С. 305; Берандзе М.Р. Концепция транснационального права в международном праве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - М.; РУДН, 2010

6. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Основы интеграционного права. М. Проспект. 2014. С.224; Бекашев К.А., Моисеев Е.Г. Право Евразийского экономического союза. М. 2016. С.160

7. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. - М.: Статут, 2015. - С. 24

8. Bartels L., Ortini F. Regional Trade Agreements and the WTO Legal System. - Oxford University Press, 2006; Bhagwati J. Termites in Trading System: How Preferential Agreements Undermine Free Trade. - Oxford University Press, 2008

9. Шумилов Ю.В. Эволюция международного финансового права в свете глобального финансово-экономического кризиса 2008-2010 г.г. Дис. на соиск. ...канд. юрид. наук. - М. 2009 г.; Buckley R.P. The International Financial System: Policy and Regulation // Kluwer Law International. 2009; Davies H., Green D. Global Financial Regulation. // Polity. 2008; Giovanoli, M. International Monetary Law: Issues for the New Millennium // Oxford University Press. 2000; Joseph J. Norton. International Financial Law, an increasingly important component of International Economic Law. // Michigan Journal of International Law. Winter 1999

10. Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право и процесс. - М. 2010; Трапезников В.А. Валютное регулирование в международном инвестиционном праве. - М. 2008; Newcombe A., Paradell L. Law and Practice of Investment Treaties: Standards of Treatment, Kluwer Law International, 2009; Sornaraja M. The International Law of Foreign Investment, London, 1994

11. Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд. испр. и доп. - М., 2018. С. 368

Information about authors:

Shumilov V.M. - Doctor of Law, Professor, Head of Department of International Law Russian Foreign Trade Academy of Ministry for Economic Development of the Russian Federation, 4A Pudovkina str., Moscow, Russia.

Maulenov K.S. - Doctor of Law, Professor, International University of Information Technologies, 34A Manas str., Almaty, Kazakhstan.

Maulenova B.N. - Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Politics and Organization of Healthcare, Faculty of Medicine and Healthcare, Al-Farabi Kazakh National University, 71 Al-Faraby ave., Almaty, Kazakhstan.

Шумилов В.М. - заң ғылымдарының докторы, профессор, Халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі, Ресей сыртқы сауда академиясы Ресей Федерациясының Экономикалық даму министрлігі, Пудовкина, 4А, Мәскеу, Ресей.

Мәуленов Қ.С. - заң ғылымдарының докторы, Халықаралық ақпараттық технологиялар университетінің профессоры, Манас, 34А, Алматы, Қазақстан.

Мәуленова Б.Н. - заң ғылымдарының кандидаты, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Медицина және денсаулық факультеті денсаулық сақтау саясаты және ұйымдастыру кафедрасының доценті, Әл-Фараби даңғылы, 71, Алматы, Қазақстан.

Бас редактор: **А.М. Нурмагамбетов**

Компьютерде беттеген: **Д.А. Елешева**

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің

ХАБАРШЫСЫ. Құқық сериясы.

- 2023. - 1 (142). - Астана: ЕҰУ. 244 б.

Шартты б.т. - 15,2 Таралымы - тапсырыс бойынша

Ашық қолданыстағы электронды нұсқа: <http://bullaw.enu.kz/>

Басуға 31.03.2023 қол қойылды

Мәтін мазмұнына типография жауап бермейді.

Редакция мекенжайы: 010008, Қазақстан Республикасы,

Астана қаласы, Қ. Сәтбаев көшесі, 2

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Тел.: +7(7172) 709-500 (ішкі 31-410)

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің баспасында басылды